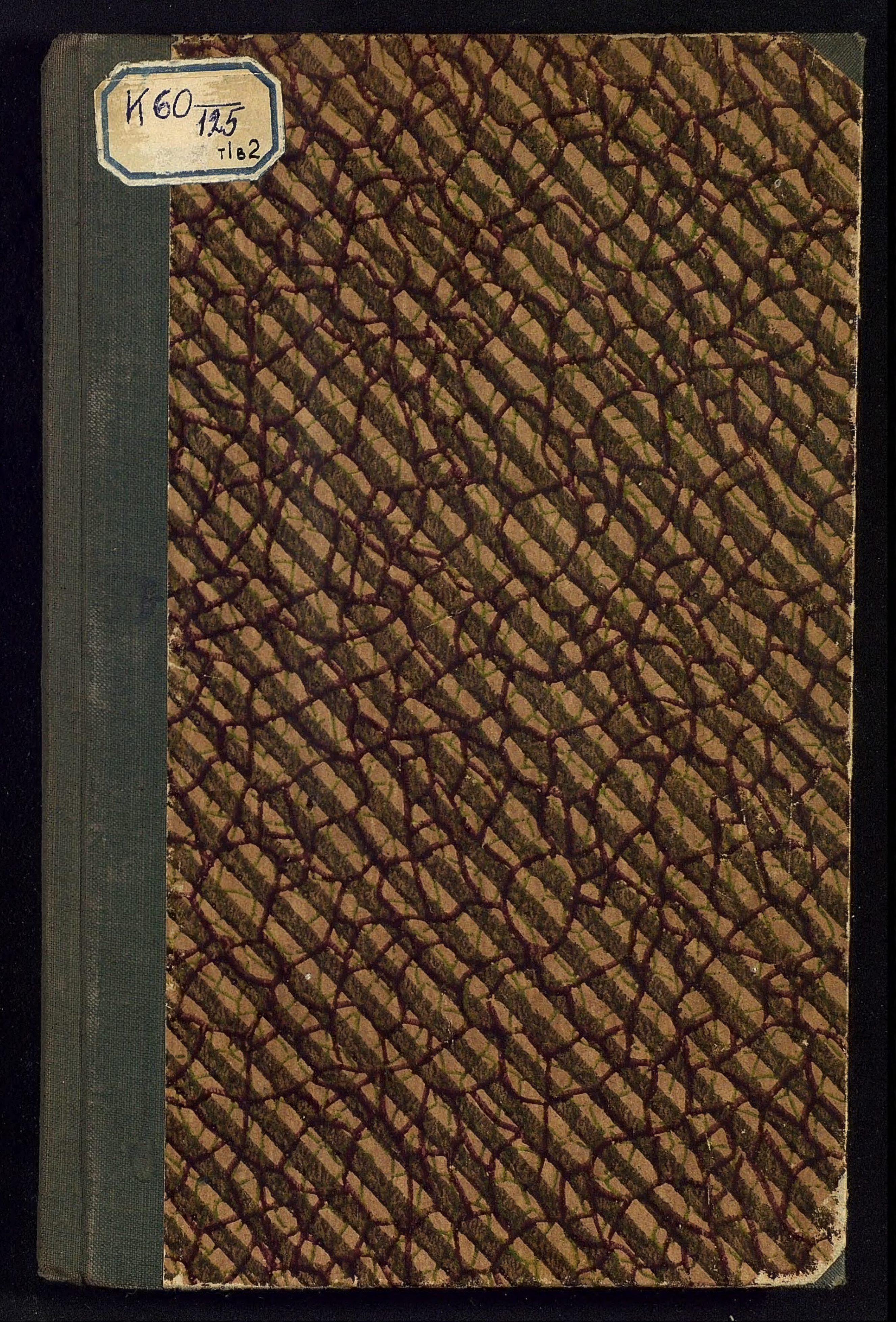
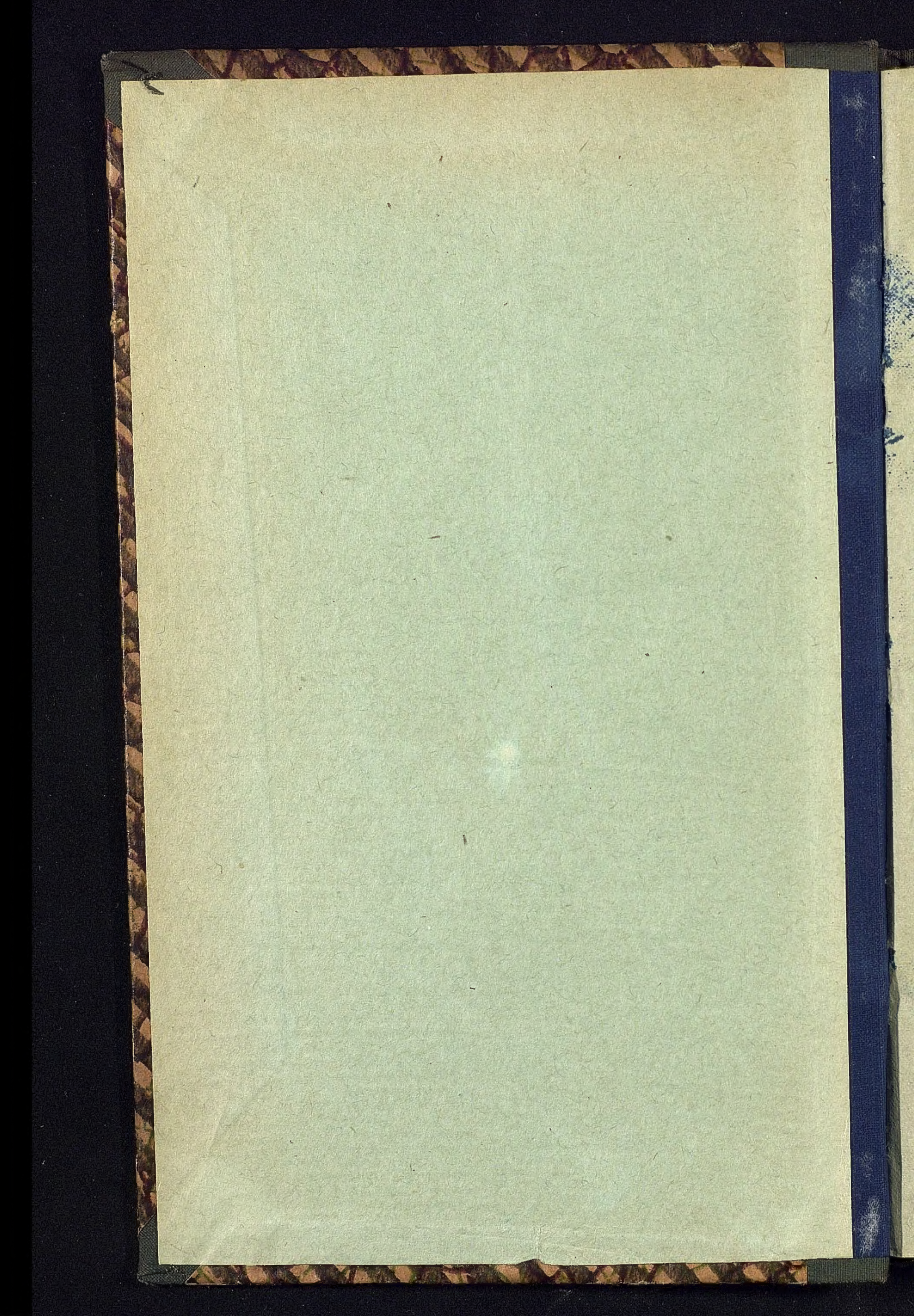

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

СБОРНИК ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И СЛОВЕСНОСТИ

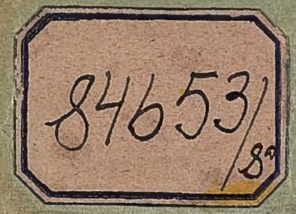
ТОМ I ВЫПУСК 2

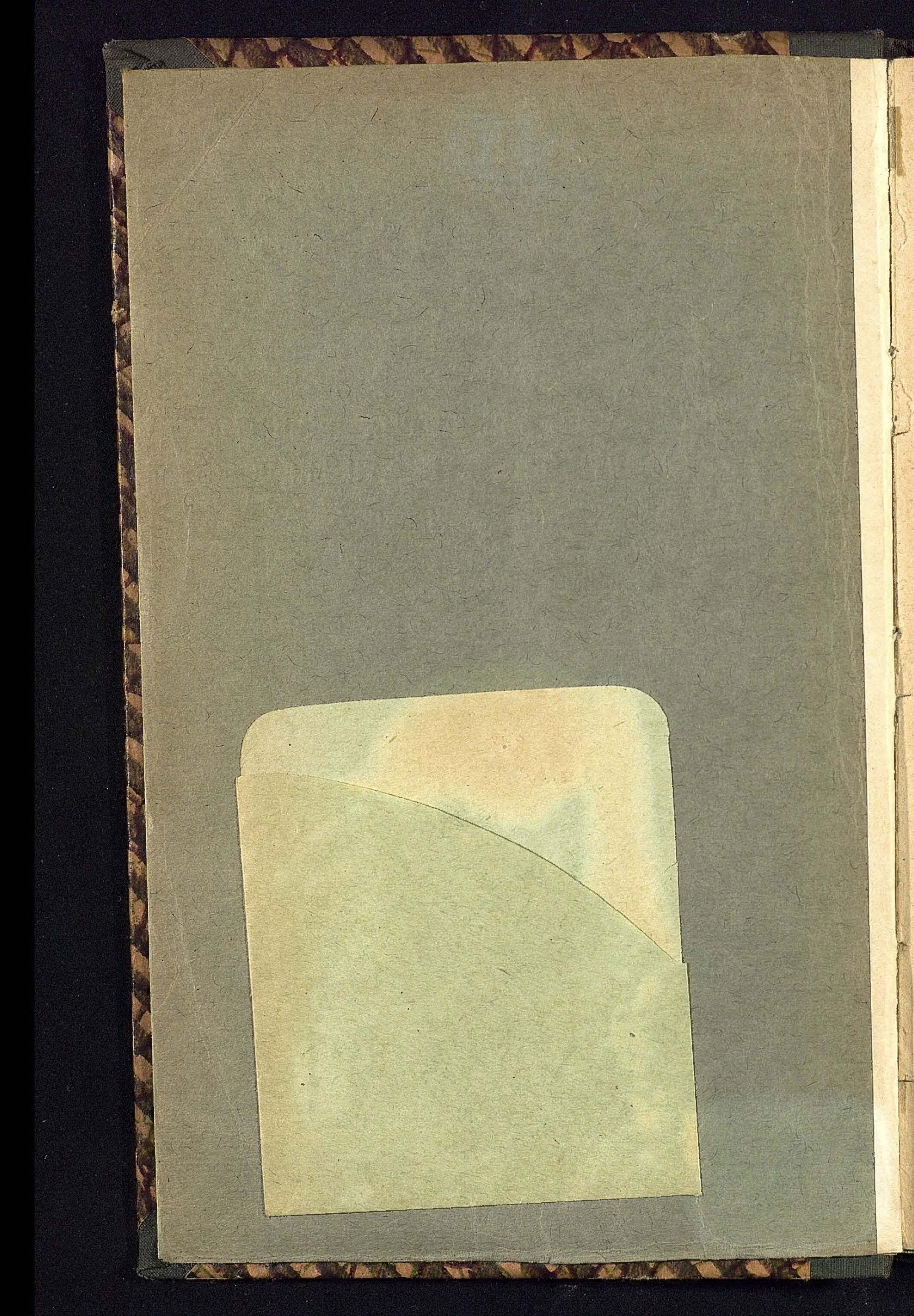
Л. Л. ВАСИЛЬЕВ

О ЗНАЧЕНИИ КАМОРЫ В НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ XVI—XVII ВЕКОВ

К ВОПРОСУ О ПРОИЗНОШЕНИИ ЗВУКА *О* В ВЕЛИКОРУССКОМ НАРЕЧИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД 1929

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

СБОРНИК ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И СЛОВЕСНОСТИ

ТОМ I ВЫПУСК 2

Л. Л. ВАСИЛЬЕВ

О ЗНАЧЕНИИ КАМОРЫ В НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ XVI—XVII ВЕКОВ

К ВОПРОСУ О ПРОИЗНОШЕНИИ ЗВУКА *О* В ВЕЛИКОРУССКОМ НАРЕЧИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД 1929

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Январь 1929 г.
Непременный Секретарь академик *С. Ольденбург*

Редактор выпуска акад. *Е. Ф. Карский*

Начато набором в апреле 1928 г. — Окончено печатанием в январе 1929 г.

Тит. л. + X + 164 стр.

Ленинградский Областлит № 15112. — 11 2/16 печ. л. — Тираж 650
Государственная Академическая Типография. В. О., 9 линия 12

ОТ РЕДАКТОРА.

Приват-доцент Петербургского Университета Леонид Лазаревич Васильев 16 августа 1913 г. обратился ко мне, издававшему тогда «Русский Филологический Вестник», с письмом, в котором между прочим писал: «Я окончил довольно большое исследование о значении каморы (̑) в некоторых древнерусских памятниках XVI в.; камора эта стоит над *о*, которое может быть сближено с напряженным *о* русских говоров (великорусских), с одной стороны, и с *ǫ* (по Плетершнику) словинского языка. Вот я очень бы просил Вас не отказать поместить это исследование на страницах Вашего глубокоуважаемого журнала... Возможно, что это исследование представлю на соискание степени магистра русского языка». Я ответил согласием напечатать названную работу. Однако рукопись Л. Л. Васильева ко мне не поступала. Из приписки его в письме ко мне я узнал, что он в то время находился в больнице по нервным болезням.[1] Из «Отчета о деятельности ОРЯС АН за 1916 г.» (стр. 11) я узнал, что названная работа Л. Л. Васильева (в рукописи), согласно отзыва А. И. Соболевского и А. А. Шахматова, удостоена большой премии имени М. Н. Ахматова. После этого в 1917 г. рукопись, наконец, поступила ко мне, с написанной карандашем на одной из страниц ее рукой Васильева просьбой напечатать работу в РФВ. Приступлено было немедленно к печати, и часть ее появилась в 78 томе журнала (см. ниже вып. на стр. 1). Но за недостатком средств издание РФВ прекратилось. Пробывши около десяти лет

[1] История писания работы о значении каморы рассказана Н. Н. Дурново в некрологе Васильева, напечатанном в Slavia, IV, 1926, № 4, стр. 858—860.

в психическом расстройстве, умер и автор сочинения. Между тем от разных лиц, занимающихся славянской акцентологией, поступали неоднократные запросы о судьбе ценного труда Л. Л. Васильева. Принимая во внимание, что названная диссертация не утратила своего значения до сих пор, хотя одновременно с нею и после явилось по вопросу об ударении в славянских языках несколько статей за границей и у нас, II Отделение АН СССР признало необходимым напечатать ее в Сборнике по русскому языку.

Так как тем же предметом и отчасти по тому же материалу одновременно с Л. Л. Васильевым занимался и А. А. Шахматов, то является желательным здесь же напечатать и отзыв о ней последнего, сохранившийся в бумагах незабвенного академика, глубокого знатока русского языка.

Е. Карский.

ОТЗЫВ А. А. ШАХМАТОВА О ТРУДЕ Л. Л. ВАСИЛЬЕВА.

Этот труд представлен на Соискание премии М. Н. Ахматова не самим автором, а согласно его желанию его родными. Сам автор тяжко болен. Болезнь помешала ему довести труд до конца и сдать его в печать. Но из приписки, сделанной 22 октября 1913 г. на листке, содержащем предисловие, видно, что автор, чуствовавший приближение тяжкой болезни, считал свой труд оконченным и надеялся увидеть его напечатанным. Впрочем, труд автора прервался еще в марте 1913 года.

Задачей своего труда автор в Предисловии ставит определение значения каморы (знака ̑) в некоторых древне-русских памятниках XVI века. Автор остановился на следующих двух памятниках: Псалтыри XVI в. И. П. Б. F I, № 7 и Сборнике Софийской Библиотеки XVI в. № 1460. Оба эти памятника остановили на себе давно внимание автора своими ударениями; он «увидел в них однородную систему употребления каморы и догадывался, что камора стоит в них над буквой *о,* означая звук *о* из древнего *о* (не ъ) в таких словах, которые имеют неподвижное ударение» (ср. *во̑ля,* но *го́ру, по́лно*). Но далее этого он итти не мог до того момента, как познакомился с трудом Олафа Брока «Описание говоров Тотемского уезда». «Я сразу понял, — продолжает автор, — что нашел ключ к интересовавшей меня загадке: случаи *о̑* с каморою вполне соответствовали случаям с напряженным *ô* из Вологодск. говора, тогда как *о́* без каморы соответствовало обыкновенному *о*. В это же время я определил точные условия, при которых является первое и второе: *ô* из древнего *о* было обусловлено старым восходящим ударением *(во̑ля),* а открытое *о* из древнего *о* нисходящим ударением *(го́ру)*». Повторным толчком к обработке сделанных наблюдений было знакомство автора с описанием О. М. Тоньшина говора с. Ново-

сёлки Ряз. уезда, помещенным в Трудах Моск. Диалектологической Комиссии (РФВ, 1912, № 3), где различены те же два *о* при тех же условиях. Дальнейшие разыскания дали возможность автору привлечь однородные наблюдения и из других русских говоров, как-то: Даля для Задесенья Черниговского края, М. Разумовской для Нолинск. уезда Вятской губ., В. Лебедева для Грязов. уезда Волог. губ., анонимного автора для Кологрив. уезда Костр. губ., П. Н. Виноградова для Шунгенск. вол. Костр. уезда, В. Мансикки для Грязов. уезда Волог. губ. Кроме того: *ô* было указано еще в следующих доступных автору материалах: в наблюдениях А. А. Шахматова в Ельнинских и Мосальских говорах, в описании говора с. Рудинки Скопинского у. Рязанск. губ., помещенном в Трудах Диалектологической Комиссии, в описании говора с. Починки Егорьевского у. Рязанск. губ., в описании говора с. Васютина Петровск. вол. Рязанск. губ., в наблюдениях Ев. Ф. Будде по говорам Белевск. и Крапив. у., в его же наблюдениях по Касим. говорам. Установив таким образом свои материалы и справедливо отводя главное место между ними наблюдениям О. Брока в О. М. Тоньшина (последний дополнил напечатанное им в РФВ многочисленными ценными сообщениями, адресованными Л. Л. Васильеву), автор указывает затем на параллельные явления других славянских языков, при чем отмечает совпадение условий появления, напр., *о* в русском и словинском языке. Впрочем, такого совпадения на самом деле нет, а есть определенная параллель между наличностью в русских говорах *ô* напряженного под ударением не в корне слова и словинским *ǫ́* (т. е. *ᵘо* под восходящим ударением). Вот смысл вводных замечаний автора, изложенных на стр. 1—15 рукописи.[1]

Дальнейшее содержание представляет уже самое исследование, разбитое на главы и параграфы. Я кратко изложу содержание каждой главы. В I главе автор замечает, что камора в Псалтыри и Сборнике употребляется почти исключительно над *о;* отметив затем в обеих рукописях замену *о* через ѡ, автор дает краткие указания на употребление каморы в других случаях, вообще редких и в Псалтыри, вызванных, быть может, влиянием ее оригинала. Во II главе автор отмечает и объясняет те редкие случаи, где *ô* стоит на месте древнего ъ. В III главе рассматри-

[1] 5—17 печатн. Ниже страницы везде поправлены мною применительно к печатному тексту. *Е. К.*

ваются случаи, где звук *о* стоит в абсолютном начале слова. В IV главе (23—24) случаи, где *ô* стоит на месте древних *е, ъ*. В V главе (24—58) говорится о случаях с открытым *о* (в памятниках *ô*): «открытое *о*, — замечает автор, — обусловлено, как выше сказано, старым нисходящим ударением, которое устанавливается отчасти путем сравнения с сербским и словинским языками, а отчасти перенесением ударения на предлоги и приставки в русском языке». Гл. VI (58—88) рассматривает напряженное *ô* в срединном открытом слоге. Глава VII (88—109) приводит случаи с *ô* в закрытом срединном слоге. Глава VIII (109—125) приводит случаи напряженного *ô* в закрытом конечном слоге. Глава IX (125—133) приводит случаи с *ô* в конечном открытом слоге. Глава X (133—139) рассматривает случаи, где *ô* является в окончании членных имен прилагательных, а также местоимений и в творительном падеже единств. числа имен существительных женск. рода и местоимений. Глава XI (139—141) рассматривает звук *о* в глаголах на *-овать*. Глава XII (141—143) исследует звук *о* в именах собственных и книжных заимствованных словах. Глава XIII, дополнительная (стр. 143—145), содержит некоторые общие выводы из наблюдений над русским ударением. К исследованию присоединено приложение, в котором под № 1 дается краткая характеристика письма Псалтыри F I № 7 и отражение в нем звуковых и формальных особенностей писца этой Псалтыри; под № 2 краткая характеристика письма Сборника Соф. № 1460 и отражение в этом письме звуковых и формальных особенностей писца этого памятника. Под № 3 (151—152) говорится об употреблении каморы над напряженным *ô* не в связи с системой обозначения ударений, подобною современной системе ударения: дело идет о рукописи XVI—XVII в. Архива св. синода № 3874. В приложении № 4 (153—159) говорится об употреблении в Сборн. Соф. № 1460 надстрочных значков: значка ʼ, значка ˋ, значка ˘. В приложении № 5 (160—161) говорится о возможном заносе употребления каморы над напряженным *ô* с юга славянства. В приложении № 6 (162) дан образец говора с. Новосёлки Рязанск. губ. по записи Ф. М. Тоньшина (сказка). В приложении № 7 (221—230 рук.) дан образец письма Сборн. Соф. № 1460.[1]

[1] В книге не напечатано. *Е. К.*

Таким образом, автор весь свой объемистый труд посвятил доказательству выставленного им положения, по которому звук *о* в русском языке диалектически различался и продолжает различаться до сих пор в зависимости от стоявшего на нем исконного ударения: под исконным нисходящим ударением *о* было и остается до сих пор открытым, под исконным восходящим ударением *о* было и остается до сих пор закрытым напряженным; эта диалектическая особенность сказалась в рассматриваемых автором двух памятниках, которые ударенное *о* открытое изображают через *ӧ*, а ударенное *о* напряженное через *ô*. В основу работы положены явления указанных памятников; они согласованы с явлениями современных говоров; и вместе с последними объяснены соответствующими явлениями древнего ударения, насколько последние обнаруживаются из текстов русского, сербского и словинского языков. Мне кажется, что автор справился со своей сложной задачей и действительно доказал те главные положения, которые легли в основание его исследования. В этом заслуга автора. Он обогатил науку русского языка ценнейшими соображениями. Правда одновременно с Л. Л. Васильевым пишущий эти строки пришел к тем же выводам, что автор названного исследования, по вопросу именно об отношении современных *о* и *ô* ударенных в некоторых великорусских говорах к двоякой природе стоявших над *о* ударений (нисходящего и восходящего); о моих выводах знал Л. Л. Васильев, как он сам об этом говорит на стр. 12 и 15. Но я не мог даже помыслить о том, что в рукописи XVI в. можно отыскать различение *о* и *ô*, столь поразившее меня, также как и Л. Л. Васильева, впервые в описании Тотемского говора, данном проф. О. Броком. И вот в этом привлечении рукописных данных является новая и существенная заслуга Л. Л. Васильева. Можно с уверенностью сказать, что без его труда не скоро бы дошли исследователи до отождествления графических явлений рукописи XVI в. в отношении к двум видам ударяемого *о* с фактами современного великорусского областного языка. Приходится удивляться наблюдательности и научному таланту автора и вместе с тем самым искренним образом пожалеть о том, что его нет среди нас, что он не продолжает своих работ, и что уже нет надежды увидеть в его будущих произведениях такие выдающиеся вклады, каков настоящий труд и какова одна из известных его работ, напечатанная в Известиях

Отделения Русского Языка и Словесности под заглавием: «Гласные в слоге под ударением в момент возникновения аканья в Обоянском говоре» (т. IX, кн. 1).

Свои критические замечания я ограничу лишь немногими возражениями; излагая их, я руководствуюсь прежде всего надеждой, что автор прочтет их и быть может воспользуется некоторыми из них, в случае если болезнь позволит ему приняться вновь за работу.

Во-первых, в отношении использованных автором материалов мы замечаем странный, непонятный пропуск. Л. Л. Васильев не догадался связать блестящего открытия, сделанного им в только-что названном исследовании об Обоянском говоре, с тем, что он говорил о двух *о* в современных и др.-русских говорах. Исследование Л. Л. Васильева доказало наличность в древнейшую эпоху жизни Обоянского говора *ô* под ударением, восходящего к исконному *о,* и *о* открытого под ударением, восходящего к исконному *ъ;* из колебаний, как *сяло* — *силом* ясно следует, что в *сяло о* было некогда *ô* напряженным; а *о* в *силом* открытое. Понятно, как важно было бы для автора привлечь к своему исследованию факты, хорошо известные ему по записям Н. Машкина Обоянского говора. Ведь в § 75 по вопросу о напряженном и ненапр. *-го* в род. находим у Л. Л. Васильева ссылку на Обоянский говор. Также на стр. 123 по поводу твор. пад. В отношении материала замечу еще, что автор с недостакритикой отнесся к некоторым из них, напр. к наблюдениям точной Н. Н. Виноградова.

Во-вторых, мне кажется, что автор упустил из вида следующее основное и вместе с тем простое положение. Открытое *о* в русских говорах, различающих *о* и *ô,* может находиться только в начале слова, ибо нисходящее ударение в общеславянском праязыке, так же как позже в отдельных славянских языках (срвн. современный сербский и энклизу в русском), могло сохраняться только на начальном слоге, переносясь с других слогов на начальный. В виду этого Л. Л. Васильеву с самого начала исследования надлежало уяснить, что колебание между *о* и *ô* возможно только на начальном слоге, в середине же на слогах закрытых и открытых возможно только напряженное *ô.* Исходя из этого положения автор значительно сократил бы свое исследование, не разбил бы все имевшиеся в его распоряжении случаи на грамма-

тические категории, а рассмотрел бы, во-первых, напряженное ли или нет *о* в начальном слоге того или другого слова, во-вторых, все случаи, где в неначальном слоге явится *о* ненапряженное. Кроме того уяснение указанных главных оснований предостерегло бы Л. Л. Васильева от ряда ошибочных заключений и предположений: так он на стр. 137 и след. рассматривает колебание между тв. ед. *-ôю* исследуемых им памятников, *-ôй* в Рязанск. говоре и *-ой* в Тотемск. говоре по Броку и приходит к следующему заключению (на стр. 138): «Я присоединяюсь к мысли О. Брока, имевшего, правда, данные лишь одного говора, что открытое *о* для этой формы древнее, ибо стать из напряженного открытым для него не было особых данных в этой форме, между тем как оно могло легко приобрести напряженность по аналогии от членных имен прилагательных, где оно было законно». Ниже увидим дальнейшее развитие приведенного заключения, а пока утверждаем, что в таком заключении методологическая ошибка: *рукóю* было невозможно с нисходящим ударением на *о*, ибо нисходящее ударение перенеслось бы на предшествующий слог; следовательно, исконное произношение было *рукôю;* произношение же *рукóй* с открытым *о* скорее всего объясняется влиянием прилагательных, где рядом с *-ôй* из *-ôю* и *ôй* (дат. п.) было известно и *-ой* (из *-оѣ* в род. п.), при чем *-ой* вытеснило *-ôй* по аналогии (ср. вытеснение в некоторых говорах исконного *-ôй* через *-эй* в случаях как *хромэй,* дат. и местн., *хромэй, женэй, мнэй,* твор.). Равным образом наличность *ó* в дат. мн. в случаях как *делóм, зубóм, облакóм, сынóм, врагóм,* дат. дв. *крылóма, вѣкóма* (стр. 123) требовали бы настойчивого признания *ó* вм. ожидаемого *ô;* Л. Л. Васильев понимал, что *ó* здесь новое, но обнаруживает все-таки такое колебание, которому не может быть места, если иметь в виду основное положение о неисконности *ó* в неначальном слоге.

В-третьих, автору, несмотря на его блестящее открытие на основании различения значков ´ и ˆ в исследованных им двух памятниках, можно всетаки поставить в вину его слишком большое доверие к графике. Между прочим, как мне кажется, он не уясняет себе в достаточной степени, что знак ` нельзя признавать знаком ударения; это какой-то графический прием, применявшийся во многих рукописях для обозначения конечной гласной. Между тем в двух местах своего исследования Л. Л. Ва-

сильев придает знаку ̀ и значкам ̑̀ на конце слова значение знаков ударения и впадает вследствие этого в досадную ошибку. На стр. 133 читаем: «Но самое интересное в этой Псалтыри заключается в знаке ударения над ȏ при основном ударении: ȏби́дѧщагѽ, изгѡнѧ́щагѽ, пра́веднагѽ, вы́шнѧгѽ и однажды при отсутствии основного ударения: въстаю̑щагȏ. Последнее явление, если только здесь не случайный пропуск главного ударения на *-ста,* следует сравнивать с великорусскими фамилиями на *-во: Дурново́, Благово́, Сухово́.* Следовательно, хотя ȏ у имен прилагательных в окончании на *-го* в общей массе и не имело на слоге ударения, но оно могло притягивать на себя таковое, если имя прилагательное выходило из категории имен прилагательных, которые своей акцентовкой других падежей препятствовали перенесению ударения на окончание (срвн. сербск. диалектические starega̍, starem̏u, starim̍i)». Решительно возражаю Л. Л. Васильеву и нахожу, что ̏ в Псалтыри, как и во многих рукописях XVI—XVII в., имеет значение простого надстрочного значка, а не ударения. На стр. 138 видим сходное утверждение; на основании написаний, как *оуздѡю̀, гроубою̀, землею̀, со мнѡю̀,* к которым присоединяются очень не много случаев с ́ вм. ̀ *(роукою́, пред тобою́, со мнѡю́, предо мнѡю́),* делается вывод об исконности наконечной акцентовки твор. падежа.

Напротив, в заслугу автору ставлю его всестороннее освещение ударения отдельных слов и грамматических категорий; он дал нам ряд ценных экскурсов в область ударения русского и других славянских языков, обогатив их вместе с тем и исключительными сообщениями, касающимися звуковых явлений русского языка. Как указано в предисловии, автор задумал составить «грамматику древне-русского ударения по великорусским памятникам XVI—XVII и начала XVIII в.»; в настоящем исследовании помещены содержательные отрывки из этого неоконченного автором труда.

Несмотря на указанные недостатки исследования Л. Л. Васильева, я еще раз выскажу свое восхищение по поводу сделанного им блестящего открытия; заслуга автора, однако, не только в его остроумной догадке, явившейся в результате правильно поставленных наблюдений; он подтвердил ее научными доказательствами, свидетельствующими о глубоком понимании и фонетики и акцентологии славянских языков. В предложенных

научных доказательствах находим вдумчивые и важные исследования как о природе русских звуков, так и о месте ударения в целом ряде грамматических и лексических категорий.

Приняв во внимание все вышесказанное, я прихожу к заключению, что автор своим трудом существенно обогатил науку о русском языке: широко поставив вопрос о соответствии великор. областного напряженного *о* и ненапряженного *о* древнему характеру двух ударений над звуком *о*, автор первый из исследователей решился проследить характер *о* напряженного и ненапряженного в рукописях и доказал исчерпывающим и блестящим образом, что такое различие проведено в двух рукописях XVI в.

Признавая труд Л. Л. Васильева весьма выдающимся явлением в области русского и славянских языков, выражая надежду увидеть его напечатанным, я высказываюсь за присуждение большой премии имени М. Н. Ахматова.

О ЗНАЧЕНИИ КАМОРЫ В НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ XVI—XVII ВЕКОВ.

К ВОПРОСУ О ПРОИЗНОШЕНИИ ЗВУКА *О* В ВЕЛИКОРУССКОМ НАРЕЧИИ.

Предисловие.[1]

Хотя предлагаемая работа и касается одного вполне определенного вопроса о значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI века, но в виду того, что этот вопрос предполагалось поместить, как особый отдел, в давно задуманную мною грамматику древнерусского ударения по великорусским памятникам XVI—XVII и начала XVIII в., из которой было бы вполне ясно, почему то или другое слово относится мною к тому или другому типу ударения, в виду этого обстоятельства мне пришлось в настоящую работу ввести, как необходимое освещение, некоторые главы или части их из помянутой грамматики, которые являются для этой работы как бы балластом и отклонением в сторону, а между тем без них мне было бы трудно убедить читателя в том или другом своем положении. Кроме того, боязнь, что означенная грамматика когда-либо будет окончена, заставила меня вводить некоторые ее обобщения и без особенно тесной связи с изложением; между тем я считаю таковые обобщения важными и нелишними для русской науки по уда-

[1] Начало работы (предисловие, введение и главы I — IV) являются перепечаткой из «Русск. Филолог. Вестника», т. LXXVIII (Казань, 1918 г.), погибшей в большинстве экземпляров во время пересылки по железной дороге в Петроград.

рению при недостатке каких-либо серьезных работ по этому отделу русской грамматики: это — те вехи, по которым можно будет легче другому исследователю строить обобщения фактов по ударению из древнерусских памятников: я знаю по горькому опыту, что таковые обобщения даются нелегко, а потому умолчать об них было бы с моей стороны грешно, не надеясь окончить свой труд (грамматику) в полном объеме.

Объяснение сокращений.

Рукописи:

Алф. — Алфавит, XVII в., А. Н. 33. 9. 1.
Арифм. (А. Н.) — Арифметика, XVII в., А. Н. 17. 8. 32.
Арифм. (Г. П. Б.) — » » Г. П. Б., Q. IX. № 43.
Журн. Шерем. — Журнал Б. П. Шереметева, нач. XVIII в., Погод. № 1743.
Злат. — Златоуст, XVII в., А. Н. 33. 16. 10.
Кн. Степ. — Книга Степенная, до 1672 г., А. Н. 32. 8. 4.
Косм. — Космография XVII в., Г. П. Б., Q. IV. 270.
Лет. — Летопись XVII в., Погод. № 1406.
Новг. Лет. — Новгородская Летопись, XVI — XVII в., А. Н. 34. 4. 32 (с 384 л.).
Нов. Зав. XIV в. — Перевод Нового Завета, сделанный, по преданию, митр. Алексием (по фототипическому изд. митр. Моск. Леонтия).
Обих. К.-Б. — Обиход Кирилло-Белозерского монастыря, 1628—1629 гг., Тверской Музей, № 81.
Пал. XVI в. — Палея, XVI в., Соф. № 1464 (до 200 л.).
Пат. Скитск. — Патерик Скитский, XVII в., А. Н.
Подл. — Подлинник, XVII в., Погод. № 1928.
Псалт. — Псалтырь, XVI в., Г. П. Б., F. I. № 7.
Пс. Брюн. — Псалтырь Брюнона Вюрцембергского, А. Н. 16. 12. 7.
Сборн. — Софийский Сборник, XVI в., № 1460.
Сим. Лет. — Симеоновская Летопись, XVI в., А. Н.
Сказ. о срачице Госп. — Сказание о срачице Господней, XVII в., Погод. № 1590.
Торж. XVI в. — Торжественник, XVI в., Г. П. Б., приобретения 1907 г., № 96.
Триф. Кор. — Путешествие Трифона Коробейникова, XVII в., Погод. № 1590.
Хрон. — Хронограф XVI—XVII в., А. Н. 34. 4. 32. (до 384 л.).
Hort. Am. — Перевод книги Hortus Amoenus, сделанный в 1672 году земского приказа подьячим Андреем Никифоровым, рук. XVII—XVIII в., Погод. № 1683.

Старопечатные московские книги: [1]

Ап. 1564 г. — Апостол, 1564 г.[2]
Тр. П. 1589 г. — Триодь Постная, 1589 г.
Охт. 1594 г. — Охтаик, 1594 г.

---

[1] Мы пользовались экземплярами означенных старинных книг, принадлежащими Госуд. Публичной Библиотеке и Академии Наук.

[2] Римская цифра перед арабскою означает, в какой пагинации следует искать отмеченную форму: I — в первой, II — во второй.

Час. 1598 г. — Часовник, 1598 г.
Служ. 1602 г. — Служебник, 1602 г.
Ев. 1606 г. — Евангелие, 1606 г.
Мин. 1608 г. — Минея, октябрь, 1608 г.
Тр. 1623 г. — Требник, 1623 г.
Ратн. — Книга о ратном строении, 1647 г.
Сб. 1647 г. — Сборник, 1647 г.
Гр. Смотр. 1648 г. — Грамматика Мелетия Смотрицкого, 1648 г.
Улож. — Уложение царя Алексея Михайловича, 1649 г.
Кормч. 1650 г. — Кормчая, 1649—1653 гг.

Введение.

Обыкновенно в древнерусских рукописях и старопечатных книгах XVI—XVII веков *камо̑ра* или *каму̑ра* (греч. *καμάρα*) наблюдается над односложными словами вроде ма̑, се̑, то̑, мнѣ̑ и т. п. Такое ее употребление подтверждается и примерами старых грамматических рассуждений.[1]

Однако, кроме этого обычного употребления каморы, в рукописях и старопечатных книгах можно усмотреть и другие. Она отожествляется иногда со знаком ʹ и указывает место ударения в слове.[2] Как на образцы, я укажу на старопечатные: московскую Кормчую 1649—1653 г. (ѿ еретѝкъ 17, дѣ̑ло 77 об., пѝра р. п. 83, молѝте 608) и киевский Анфологион 1619 г. (концȣ̑ 546, пожѝлъ 741, молю̑сѧ 63); иногда при этом замечается тенденция обозначать каморой последний *закрытый* ударенный слог (Евангелие 1616 г., напечатанное «въ Евю»: гостѧ̑тъ 28, принесе̑тъ 32, на стѣна̑хъ 40 об., кожȣ̑хъ 156 и т. п.; реже; з̑товарищми 28). Из других употреблений каморы обращает на себя внимание, когда ею обозначается последний *открытый* ударенный слог: к этому типу относится, напр., Сборник Софийской Библиотеки XVI в. № 1464 (жена̑ 4, ко мнѣ̑ 7 об., теплоу̑ 36 об., съ ѡтрокы̑ 33), а также памятник XIV века — Чудовский Новый Завет, писанный, по преданию,

---

[1] И. В. Ягич. Рассуждение южнославянской и русской старины о церковнославянском языке (= Исследования по русскому языку, т. I), СПб., см. по «Указателю предметов» под словом «камора» соответствующие страницы.

[2] См. стр. 731 и 744 op. cit., где камора древними книжниками причисляется к просодиям, но ее употребление, однако, и здесь ограничивается односложными словами.

митрополитом Алексием (лоунâ 59 об., до|ждѧ̑ 144 об., бѣды̑ 93 об., рожени̑ 59 об., насоудѣ̑ 81 об., могоȣ̑ 64, хро|мцю̑ 60, числô 104, изведê 20 об.; все эти, вернее, подобные им, формы возможны с ̀: травà 8 об. и т. д.). Впрочем, в последнем памятнике камора нередка, особенно на первых 54 листах (более 150 случаев), и на срединных слогах (напр.: нêводȣ 8 об., лю̑ди 146, ѿ̑ кра̑ꙗ до кра́ꙗ 23 об.; чаще других букв, над *о*: гôре 7 об., в сôнмище 16 об., хôдите 109).[1] Иногда камора употребляется совместно со знаком ́ (напр., в Торжественнике XVI в. Гос. П. Б. приобретения 1907 г. № 96: ты̑́же 198 об., внѣ̑́ погреба 565 об., ї тȣ̑ мно̑́|ги 273), но редко; в других случаях камора на односложных словах: чтô 219, мѧ̑ 274, и въ своѧси̑ 388 об. и др.[2]

Однако не вышеприведенные употребления каморы в древнерусских памятниках составят предмет настоящей работы; она

[1] В этом памятнике нередко замечается при обычной акцентовке параллельная ей, не совсем обычная наконечная, напр., пра́ведно 84 об. и праведнò 100 об; и́стинни 157 и истиннѝ 155 об.; вре́мѧ 62 об. и времѧ̀ 66 об., до́времени 121 об. и довременѝ 142 об.; во́їмѧ 49 об. и воимѧ̀ 49, во́лю 156 и волю̀ 18, ѿ зако́на 121 об. и ѿ законà ib., подобно каменѝ драгомꙋ ꙗко ка́мени ї аспидоу 158 и нек. др. (срвн. двойные ударения: пра́веднѝ 13, би́|серъмѝ 156 об., хи́трьцѝ 72 об., оу̑гото́витè 76, облича́ющà 124 об.); рядом с этим в параллельных формах с наконечною акцентовкою ударение обозначается через ̑: ѿ сѣ́мени 67 об. и не ѿ сѣ|мени̑ 84; и́скрьно 128 об. и искрено̑ 121 об.; потре́бни 130 и потре|бно̑ 131 об., бра́шно 106 об. и брашно̑ 44, по́чиноу̑ 144 и починоу̑ ib., сі́мѡна 65 об. и сімѡна̑ 65 и нек. др. (срвн.: по дѣ́иствоу̑ 134, пропове́даноу̑ 130 об.). В виду сего и принимая во внимание вышеизложенное, можно допустить, что открытый последний слог в говоре писца Нового Завета обладал какою-то особенностью притягивать на себя ударение, и эта особенность, повидимому, и обозначалась через камору.

[2] Из других употреблений каморы укажу на особенное, не поддающееся прямому определению, в Прологе XVI в. (А. Н. 21. 3. 1), орфография которого, в частности и по отношению к ударению, в отличие от всех вышеуказанных памятников, находится под *очень сильным* южно-славянским влиянием. Повидимому, здесь она не отожествляется с местом ударения и не является заместительницей знака ударения, напр.: на̑ селѡ̀ 115 об., вѣ̑кро́вь 90 об., не̑ ѿпȣстилъ 99, во̑врещи́ 24 об., на̑ча́ло 102 (часто на неударенных предлогах, приставках и отрицании *не*); кроме того: ска̑зà 91, кѡ̑ли́ко 25 об., нѡ̑ша́ше 123, хѡ̑дѧ́щемѫ 204, рѡ̑ди́сѧ 102 об. Часто соединяется со знаком ́ и тогда, повидимому, стоит на ударенном слоге: кѡ̑́рмит 37, не̑́тїи 153, на̑́тѧ 159, на̑́ земли 110.

имеет целью выяснить особое употребление этого значка, а именно — постановку его то одного, то в соединении с ' и `, над буквою *о*. Такая постановка ˆ в связи с расстановкою значков, которые можно без особых затруднений счесть за обозначение ударений, известна мне из двух памятников XVI века: 1) Псалтыри F. I. № 7 и 2) Сборника Софийской Библиотеки № 1460[1] (краткие характеристики письма этих памятников см. в приложениях № 1 и № 2); кроме того, мне известен один памятник, в котором употребление каморы на напряженном *о* находится не в связи с системою обозначения ударений (см. приложение № 3); об интересном употреблении иных значков в *Сборнике* см. приложение № 4.

Считая расстановку ударений означенных Псалтыри и Сборника[2] русскою, спешу оговориться, что настоящая работа отнюдь не имеет исчерпывающим образом рассмотреть расстановку ударений в этих памятниках, а потому к ней нельзя предъявлять этих или подобных требований. Я тем не менее не отрицаю, что среди русских акцентов могли проскочить южнославянские; особенно я склонен заподозревать в этом отношении Псалтырь и вижу, напр., южнославянские акцентовки в следующих случаях: вб главу 164 при главȣ̀ 114, 49 об., вб врата 135 об., вб вратѣхъ 11 об., 181 об., возвра́тѧтсѧ 7 об., 10 об., 43, 53 об., но и возврати́тсѧ 44, 101 об., в мерзѡ́стехъ 208 об., пре-

[1] В последнем памятнике камора употребляется не во всех почерках, а лишь в почерке, обнимающем листы с 4 по 49 об., с 69 об. по 76 об. и с 100 по 328 об. этим же почерком вписаны киноварные надписи на листах 50 по 69 и 77 по 99 об. Данные из этого почерка введены полностью в исследование. Кроме того, камора встречается на листах 50 по 69 и 77 по 99 об. В виду того, что писец этих листов был мало искусен, на них замечено порядочно отступлений в употреблении каморы, а потому данные последнего почерка нами выделены в приложение № 4 (читать приложение рекомендуется по прочтении самого исследования), в котором также приведены соображения о проникновении такого употребления каморы над *о* с юга славянства.

[2] Следует отметить, что в *Сборник* вошли многие русские статьи; напр.: Просветитель Иосифа Волоцкого (см. Абрамович. Рукописи Софийской библиотеки. Сборники).

моудрѡ́|сти 158, ц҃рбстїю 213,[1] не го̑спѡдь ли 52 и др.; но энклизу при союзе *и*, ныне неизвестную в русском языке:[2] и̑ в вѣ̑ки 223, н҃бо и̑ землю 199 об. (впрочем, в случае ко̑нь и̑менъ 39, где перед и̑ вставлено второе и, я допускаю переписку из оригинала), я склонен считать за русскую, срвн. в русских частях Сборника и̑ да не о̑ста́вити 244 об. (см. еще 187), кроме того: и̑ да неоу̑сꙋ|мни́шисѧ 103 об., да́ тѧ оу̑корѧютъ 43 об.; особенно обычна такая энклиза в Нов. Зав. XIV в.: роу̑цѣ и́ нозѣ 41, съ страхомъ и́ трепето̑ 128 об., и́ оуча 132 и много других. В Сбор. встретилась однажды еще энклиза при частице ѡ: ѡ̑ гѡре 71 об. (срвн. обычно: ѡ̑ члвч҃е 262 об., ѡ̑ мни́ше 187 об., ѡ̑ бра́те 158 об., ѡ̑ бл҃же́ннаѧ 108); подобная энклиза мне известна из Нов. Зав. XIV в.: ѡ́ роде невѣ̑рныи 10, 31 об., и из Олон. губ.: о́горе начать, не знаешь как кончить (Георгиевский).

Оба эти памятника остановили мое внимание очень давно (лет 10 тому назад, если не более); я видел в них однородную систему употребления каморы, догадывался, что камора стоит над *о* из древнего *о* (не *ъ*) и притом в таких словах, которые имеют неподвижное ударение (во̑ля, но: го́ру, срвн. на́ гору, по́лна), но далее этого идти я не мог.

Весной 1910 года я ознакомился с трудом Олафа Брока: «Описание одного говора из югозападной части Тотемского уезда» (в дальнейшем делаются ссылки на эту работу под сокращением: «Тотемск.» с указанием страницы описания) и я сразу понял, что нашел ключ к интересовавшей меня загадке: случаи *о̑* с каморою вполне соответствовали случаям с напряженным *о̂* из Вологодского говора, тогда как *о́* без каморы соответствовало

---

[1] Впрочем подобная акцентовка возможна и для русского языка: в белорусском наречии встречается: «молодо́сць = буйно́сць». Носович, Посл. 79; от тепло́сци не боля́ць косци ib., 123.

[2] Остатки подобного явления наблюдаются в современном сербском языке: да̂н ѝ но̂ħ (название цветка) — Т. Maretić, Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika, 1899, стр. 129; ѝ гла̂ву ѝ ногу Schriften der Balkancommission. Linguistische Abtheilung, I, 1900 г., стр. 210.

открытому *о*. В это же время я определил точнее условия, при которых являлось первое и второе: *ô* из др. *о* было обусловлено старым восходящим ударением (вôля),[1] а открытое *о* из др. *о* — нисходящим ударением (гóру).

Весной того же 1910 года я вторично прочел Псалтырь и Сборник[2] и приступил было к писанию работы, но магистерские экзамены прервали мою работу, а затем житейские волнения заставили надолго отложить ее окончание.

Новым толчком к возбуждению интереса к заброшенной работе было появление в «Трудах Московской Диалектологической Комиссии» (Р. Ф. В. 1912 г., №№ 3, 9—12) описания говора Рязанской губ. и у., Новосельской вол., с. Новосёлки, сделанное Ф. М. Тоньшиным.

До этого описания я ограничивал употребление напряженного *ô* и дальнейших его заместителей *ўо, уо, у,* наблюдающихся в определенных категориях слов, северновеликорусским наречием: кроме описания Тотемского говора, сделанного О. Броком, мне были известны: 1) драгоценное наблюдение незабвенного Даля (О наречиях и пр. 27), что вятское *о* произносится местами *уо* или *уы,* почти как в задеснинском черниговском крае: *ничевуо, спруос, собуолья;*[3] эти примеры, как и при-

---

[1] Как здесь, так и далее во «Введении» я не привожу данных, подтверждающих восходящее ударение; таковые приведены в самом исследовании, к которому я и отсылаю читателя.

[2] Пользуюсь случаем выразить свою глубокую благодарность проф. Н. Глубоковскому, при содействии которого было получено разрешение доставить означенный Сборник из библиотеки С.-Петербургской Духовной Академии в архив М. Н. Пр., о чем ходатайствовал начальник Архива К. А. Военский, которому считаю своим долгом также изъявить искреннюю благодарность за живое участие в деле доставления рукописи.

[3] Покойный Колосов не нашел дифтонгов в Вятской губ. на месте *о* (Заметки, 218—219). Также и проф. Е. Будде, специально ездившему разыскивать дифтонги в Вятском крае, таковых слыхать не удалось (Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн. при Каз. Унив., т. XIV_2, 194). Наблюдения Н. Васнецова (Материалы для объяснительного словаря Вятского говора., 1907 г., стр. 6) и Д. Зеленина (Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию, стр. 7) хотя и подтвердили существование дифтонгов на месте *о* в Вятской губернии, однако характер дифтонгов (*оу* у Васнецова вместо *уо*) и пределы их распространения

водимые ниже, целиком подходят под рубрики с напряженным *ô*, т. е. наблюдаются под старым восходящим ударением; 2) ответ № 52 на программу Академии Наук для собирания особенностей великорусских говоров М. Разумовской из Вятской губ., Нолинск. у., села Колобова, где отмечено: «В некоторых словах звук *о* несколько походит на *у*. Такие слова: *воля, его, Господь, Христос*. Но так говорят некоторые. Вообще, такое произношение встречается редко»; 3) ответ № 36 на ту же программу В. Лебедева из Вологодск. губ., Грязовецкого уезда, где указано: «В Спащине и в Спасо-Нуромском приходе Ростиловской волости Грязовецкого уезда вм. *о* слышится *уо, оу,* в словах как *поп, хорошо»;*[1] 4) ответ № 61 на ту же программу из села Халбуж, Кологривского у., Костромск. губ., где отмечено, что, помимо перехода неударенного *о* в *у (пуйду, вузьму, схужу),*

в словах (*поулё* у Васнецова) заставляют быть осторожными в отнесении описываемых говоров к типу говоров, имеющих дифтонги и напряженное *ô* в слоге под древним восходящим ударением. Н. Васнецов в качестве примеров на дифтонг приводит следующие слова: *поулё, поупъ, оноу, поуйдёмъ* (кроме того, в слоге без ударения *хоуроушо,* может быть, сюда следует отнести и *поуйдёмъ*) и с переходом в *у: пýжикъ, уй* (в слоге без ударения *худýлы*). Д. Зеленин по поводу *о* говорит: «Что до природы местного *о*, то очень закрытый, переходящий в *у* звук слышится сравнительно не часто». Опуская случаи, приводимые Д. Зелениным в слоге без ударения, отметим лишь: *γоспýдъ* (=господь), *широки раздýлья* (=раздолья), где мы ожидали бы действительно *ô* или его заместителей. «На почве протяжения (что здесь нередко) этого закрытого звука является *у͡о*: *ку͡онь* (=конь), *ху͡орошó*». Случаи, отмечаемые Д. Зелениным, дают бóльшее право на отнесение говора к типу говоров, имѣющих *ô* в слоге под старым восходящим ударением. Что касается до дифтонгов в Яранском уезде (Д. Зеленин. Отчет о поездке в Яранский уезд... Уч. Зап. Юрьевского Унив., 1902 г., стр. 11), то здесь удлинение разных гласных и в слоге под ударением, и в слоге без ударения наблюдается *в последнем слоге,* где иногда долгое *о* переходит в *у͡о: у͡óй, ву͡отъ* (в полосе ц.-санчурского говора) и *о͡у: батюшко͡у* (зват. пад. в говоре кукарском); срвн. еще ответ № 2 на программу Академии Наук, в котором указано в Кукарке: *Мироунъ*.

[1] Дифтонги, слышанные Колосовым в Тотемск. и Кадник. уездах Вологодской губ. («Заметки»... 318), труось, спруосить, не позволяют отнести говоры, в которых слышал их Колосов, к типу говоров, имеющих *ô* под древним восходящим ударением. Также к этому типу затруднительно отнести говор Кадниковского уезда, описанный в Жив. Стар. 1895 г. III—IV, где при *туолько пуомню, куони* имеются *куорóва, дуома.*

встречающегося, впрочем, нечасто, «точно также и в таких словах, как *воля, смотрит* и др., в произношении некоторых крестьян звук *о* похож на *у;* но это исключение; у большинства он выходит чисто», и 5) наконец, работа Н. Виноградова: «О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда», 1904 г. В этой работе следует различать две части: материалы, собранные и записанные до поездки Н. Виноградова в 1904 г. в Шунгенскую волость, и материалы, собранные во время этой поездки и помещенные в особом, в виду отпечатания бо́льшей части работы, прибавлении (стр. 81—97). В материалах, собранных до поездки, Н. Виноградов отметил более сотни раз дифтонг *у͡о* в слоге под ударением на месте *о* и удивительным образом только в 5 случаях этот дифтонг отмечен не там, где его мы ожидали бы (*ду́олгой* 21, где *уо* на месте др. *ъ,* затем *буог* 78, *слава бу́огу* 77, *коло ду́ома, два ку́она* 7; о последних 4 случаях см. § 5, где указана причина появления этого неожиданного *уо*), между тем в материалах, собранных во время поездки, *уо* отмечено нередко и очень часто не там, где его следовало бы ожидать (напр.: *слу͡о́во* 82, *золу͡о́ўка* 82 и др.). Объясняется это обстоятельство тем, что наблюдателем ранее отмечалось только вполне ясное *у* при *о*. («В тексте работы чуть слышное *у* не всегда указано», 100). Не желая подвергать сомнению сделанное наблюдателем post factum наблюдение, что «подъударное *о* всегда слышится, как дифтонг *у͡о,* хотя часто *у* чуть слышно» ib. 100 (срвн. категорическое утверждение на стр. 7, что «со́вы, уго́дник, камо́д — выговариваются, как пишутся»), мы признáем, что в говоре Шунгенской волости вполне ясно слышимый дифтонг *у͡о* наблюдается в слоге под древним восходящим ударением (данные из первой части работы введены в исследование; после них стоит сокращение Шунг. с указанием страницы). К вышеперечисленным описаниям говоров должно присоединить появившееся в прошлом году описание «Говора Грязовецкого уезда Вологодской губернии», сделанное В. Мансиккою (Р. Ф. В. 1912 г., № 4), где на стр. 274 приведен ряд примеров на за-

крытое *о* (= *о* с призвуком перед ним *у*: ^{у}о); это *ô* слышится в восточной половине уезда, в местностях, граничащих с Тотемским уездом. Из 84 примеров на *ô* только 2 *(рукомôйник, нутрôм)* противоречат общему правилу. Все примеры введены в исследование с отметкою: Грязов.

Вышеупомянутое обстоятельное описание Ф. М. Тоньшина[1] с противопоставлением примерам с закрытым *ô* примеров с открытым *о* заставило меня переменить взгляд на район распространения *ô*, обусловленного древним восходящим ударением, и искать таковое *ô* также и в южновеликорусских говорах. В результате поисков оказалось, что *о* с закрытым оттенком слышится в южной части Мосальского уезда, соседящей с Жиздринским уездом, и отчасти в восточных окраинах уезда, граничащих с Мещовским уездом (А. А. Шахматов. Звуковые особенности Ельнинских и Мосальских говоров, стр. 60—61); приведем здесь примеры из этого говора: *слôпал,*[2] *мнôγа, ɯôкак, ширôк, карôɯа, низдарôɯа, бисталкôɯая, мужикôў,* а также: *мужикô, далôўки, далôў, Праскôўя, дубрôў* (= дуброву), *тарıôля, прôч', варôч'аешься, харôш, нôсит', вôдит',* кроме того: *любôў;* противоречат общему наблюдению случаи: *плôх* и *jôс'* (= есть); к сожалению, акад. А. А. Шахматов, в противоположность Ф. М. Тоньшину, не привел случаев с открытым *о*. Далее, нам удалось отметить ряд южновеликорусских говоров, примеры из коих на *ô* и его заместителей как раз подходят под категории слов, где этому *ô* подобает быть: 1) Курск. губ., Старооск. у., дер. Курскáя и село Лапышно: *к͡уот, н͡уовый* («у некоторых»),

---

1 Весною прошлого года я вступил с Ф. М. Тоньшиным в переписку, результатом коей явился значительный материал на употребление *ô* и *о* в новосельском говоре Рязанской губ. Весь этот материал введен в исследование с отметкою: Ряз. Кроме того, в приложении № 5 напечатана сказка, записанная Ф. М. Тоньшиным на новосельском говоре. Пользуюсь случаем принести глубочайшую благодарность Федору Мироновичу за его любезное и внимательное отношение к моим, а также научным, интересам.

2 Заменяем обозначение, примененное в этой работе для закрытого *о* ($о^{1}$), обозначением *ô*.

Труды Московской Диалектологич. Комиссии, вып. 1, 1908, стр. 81; 2) Ряз. губ., Скопинск. у., с. Рудинка: мнуого куонь, впрочем, со знаком вопроса (?), ib. 113; 3) Рязанск. губ., Егорьевск. у., село Починки, в 50 верстах к югу от села Васютина: *харуóший, шируóкий, старуóжка*, Р. Ф. В. 1911 г., № 3 и 4, стр. 193; 4) Рязанск. губ., Петровской вол., село Васютино и соседние деревни: *пирў̆ог, сорў̆ока, котў̆орый, корў̆ова, хорў̆оший*, из письменного ответа на программу Акад. Наук С. Орлина № 133; 5) проф. Е. Будде в своем отчете о поездке в Тульскую и Калужскую губернии (Изв. III, 1898 г., 823—904 и 1273—1330) в говоре села Манаéнки, Белевского уезда, Тульской губ., отметил «дифтонг *у͡о* с очень малым растяжением, так что в говоре некоторых лиц этого села (в особенности у молодых девушек) я уже не мог подметить в этих словах дифтонга, хотя и слышалась какая-то особенность произношения. (Местный священник при этом сказал: «виш, как выварáчиваит»! Но уже это не был чистый дифтонг, а какая-то долгота звука скорее)», стр. 827. Из приведенных здесь примеров и почерпнутых из сделанных проф. Е. Будде записей бóльшая часть безусловно подтверждает выводы нашей работы: *дэвить слабу͡óд, сьвирабу͡óй* (= зверобой, лечебная трава), *с табу͡óю* 840, *ху͡óдим, -ть* 840, из других один: *басу͡óй* 827, за необозначением падежа, должен быть отстранен из исследования и только два противоречат нашему наблюдению: *бальну͡óй* 836 им. п. ед. ч. м. р. и *су͡óли* р. п. 839. Примеры из других мест подходят под наши категории: *ку͡оньк* 844; *пашуть саху͡óю* — с. Драгуны, Крапив. у., *сху͡óдиш тудá* — дер. Даниловка, Кратев. у., стр. 1281.

Что касается дифтонгов на месте *о*, слышанных проф. Е. Будде в Парахинской и Китовской волостях Касимовского у., Рязанской губ., а также в селе Ярыгине (Уч. Зап. Каз. Ун. 1896 г., май, 220—221), то эти случаи не дают возможности причислить говоры означенных мест к типу разбираемых в настоящей работе (*гу͡óт* им. п. ед. ч., *хтару͡óй* (пад.?), *даму͡óй*,

руо́г им. п. ед. ч. и род. п. мн. ч., *за табуо́й, зимуо́й, со́уора̄к, уо́ба, хаминуо, дълякуо́, аднуо́, ницауо́,* м. б. = ницаво́). Характерные для типа наших говоров примеры, сообщенные профессору Е. Будде старожилами из прежнего говора («лет 30 тому назад») деревни Забелина, Погостинской волости: *куонь, Ахуоняів* 207.

Повидимому, рядом с говорами, в которых *ô* и его заместители слышатся в слогах, произносившихся в древности с восходящим ударением, существуют говоры, в которых таким *о* вытесняется открытое *о*. Может быть, этим и объясняется, что старожилы Ряз. губ. приводили примеры *ô* в словах со старым восходящим ударением, а проф. Е. Будде уже слышал дифтонги и в словах со старым нисходящим ударением. Срвн. отмеченный акад. А. А. Шахматовым (Исследования в области русской фонетики, Варш., 1893 г., 296—297) переход ударенного *о* в *о*, склонное к *у*, в говорах южной и средней части Петрозаводского уезда; не только в *комната, пожня* и т. п., но и *золовка, ночь, соцкий* и др. (диалектически иногда появляется *у:* не только *вулю, куни* и т. п., но и: *двух сут, к нучи, груб* и т. п.); кроме того Лужск. *мо̄с* вм. мост.

Возможно, что некоторые говоры, как северновеликорусские, так равно и южнорусские, признаны нами имеющими *ô* лишь в слогах, произносившихся в древности с восходящим ударением, ошибочно, ибо те немногочисленные примеры (часто три — четыре), на которых основано это признание, могли случайно относиться к словам с древним восходящим ударением и в этих говорах *ô* слышится и в словах с древним нисходящим ударением. В виду сего, мы и ввели в свое дальнейшее исследование главным образом говоры, в которых слова с *ô* противополагаются словам с открытым *о* (Тотемск. и Ряз.); Шунгенский говор, описанный Н. Виноградовым, введен нами в исследование, ибо интересующая нас особенность отмечалась в записях, в которых рядом встречались слова с нисходящим ударением, не отмеченные этою особенностью; грязовецкий же говор, описан-

ный В. Мансиккою, мы не игнорировали в виду большого количества приведенных примеров.

Осенью прошлого года (в ноябре 1912 г.) я получил письмо от Ф. М. Тоньшина с известием, что новосельским говором интересуется также и акад. А. А. Шахматов, с которым я тотчас же переговорил и узнал, что интерес его также сосредоточен на звуке *о* и его заместителях. Когда я сообщил ему результат своих наблюдений (что открытость и закрытость *о* из др. *о* обусловлена разного рода древними ударениями), то он, к величайшей моей радости, разделил мой взгляд, и хотя он уже сдал свое исследование об этом явлении в набор, но по моей просьбе согласился обождать с печатанием своего труда до появления в свет моей работы.[1] В разговоре со мною он, между прочим, упомянул, что диалектологическое явление русского языка (об отражении его в памятниках он не знал) у него сравнено с аналогичным явлением других славянских языков. Может быть, мне не следовало из уважения к чужому труду разыскивать этой параллели славянских языков, но бес исследования мне не давал покою, и я без особенного труда уже вскоре после разговора с акад. А. А. Шахматовым знал, в каком славянском языке наблюдается аналогичное явление).[2] Это — словинский язык, в котором, по замечательному наблюдению М. Валявца (M. Valjavec. Glavne točke o naglasu kńiževne slovenštine, Rad CXXXII, 120), гласный *о* под старым восходящим ударением в неконечном слоге суживается в ǫ[3] (ǫ — знак, введенный М. Плетершником для обозначения узкого *о* с призвуком перед ним слабого *u*: Sloven-

[1] Пользуюсь случаем принести акад. А. А. Шахматову свою искреннюю благодарность как за это, так и за многое другое.

[2] Прошу извинения у акад. А. А. Шахматова за этот почти против воли совершившийся поступок.

[3] Что касается конечного слога, то он произносится в большинстве случаев (но не всегда) с кратким ударением, под которым ǫ не наблюдается. Трудно сказать, имеем ли мы в этом случае остаток старины или новое явление (т. е., что и здесь было также ǫ, перешедшее в открытое *о*). Валявец, повидимому, склонен к последнему мнению, я же в виду фактов русского языка более склоняюсь к первому.

sko-nemški slovar izdan na troške rajnega knezoškofa ljubljanskega A. A. Wolfa, uredil M. Pleteršnik, 1894, I—II). Для своего исследования мы пользуемся, по преимуществу, данными словаря Плетершника; данные из работы М. Валявца, а также из «Словинско-русского словаря и грамматики словинского языка, составленных М. М. Хостником, 1900—1901 гг.» нами обыкновенно оговариваются.[1]

Из других славянских языков *ů* чешского и *ô* словацкого наиболее подходят под условия появления их под древним восходящим ударением, и мы, несмотря на порядочное число уклонений, данные этих языков ввели в исследование, памятуя, что такие уклонения могли быть вызваны позднейшею аналогией, как равно и уклонения в противоположную сторону, т. е. отсутствие ожидаемых *ů* и *ô*.

Мало того, появление *ó* в польском языке в открытом слоге часто падает на слова, в которых *о* было под старым восходящим ударением (диал. и лит. próba, rózga, róza, skóra, wóla, który, но: góra, gróza); примеры заимствованы у проф. С. М. Кульбакина: К истории и диалектологии польского языка, 1903, 149—150).

Интересно, что одним из исключений из общего правила в верхнелужицком языке появления узкого *ó* является глагол móžu, móžë, móhl, móhli (открытый слог, в котором *ó* обыкновенно не наблюдается), который и в нижнелужицком языке также уклоняется от общих правил: mógu, mógl, mógli (следует за *о* заднеязычный, перед которым *ó* не бывает). К. Мукке (Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch-wendischen) Sprache. 1891, 100),

[1] При определении старого восходящего ударения имеют часто решающее значение показания сербского языка. Мы пользовались в своей работе, кроме данных словаря В. Караджича, главным образом еще данными из прекрасной грамматики сербского языка Т. Маретича (T. Maretić. Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika, 1899), а для чакавского наречия данными из статьи А. И. Белича: «Заметки по чакавским говорам», Изв. XIV_2; другие источники для сербского ударения оговорены в тексте работы полностью.

у которого мы заимствуем эти данные, объясняет появление *ó* аналогией. Мы же напомним, что в древности в этом глаголе *о*, если на него падало ударение, имело восходящее ударение.

В виду совпадения условий появления напряженного *ó* в русском и словинском языках, а, при известном желании, возможности видеть следы однородного явления и в других славянских языках (чешском, польском и лужицких), зачатки этого явления следует относить к обще-славянскому языку.

Прежде чем перейти к обозрению собранного нами материала, отметим, что для Тотемского говора О. Броком указан, правда с оговорками, еще тон в сочетаниях *ȏо* и *ио*, заместителях *ô*. По Броку (стр. 48), в Паньковском говоре обыкновенный тип этих сочетаний с восходящим тоном: k̯ûȏ̯t. Объясняется это Броком тем, что хотя голосовые связки выдерживают один и тот же тон с начала до конца, но для слушающего в виду того, что у *о* выше «собственный тон», чем *ô*, а у последней выше, чем *у*, получается впечатление восходящего тона. Возможно, что в этом сохранились остатки древнего восходящего ударения. Впрочем, Брок тут же замечает, что Ихалицкая старушка чаще пользовалась обратным движением тона, нисходящим. В виду сего необходимы еще наблюдения над этим явлением и при том незамедлительные, ибо старина вымирает быстро и через некоторое время, может быть, не придется уже услыхать чего-нибудь подобного.

ГЛАВА I.

§ 1. Камора ˆ и в Псалтыри, и в Сборнике употребляется почти исключительно над *о*; над заместителем *о*—буквою ω, которая в этих памятниках встречается часто, камора стоит в виде исключения; вот все замеченные мною случаи: во|спѡ̑йте Псалт. 227 (где ω исправлено, впрочем, из другой буквы);— поклѡ̑новъ Сборн. 19 об.—2, должнѡ̑є 205 об., бг҃ѡсла̑ва 54 об. (последний случай в киновари).

Весьма интересно, что употребление *о* и ω во всех остальных случаях, т. е. там, где над *о* не стоит каморы, может быть под-

ведено под следующее правило: после одной согласной пишется *о*, а после двух и более согласных ω; напр.: хожꙋ́ Псалт. 56 об., но: вхωжа́ше ib. 54 об.; бо́гоу ib. 188 об., но: к бώгꙋ ib. 35 об.; — живото́мъ тв. п. Сборн. 8 об., но: добрώмъ тв. п. ib. 46 и т. п. Однако нередки исключения: предомно́к Псалт. 17, премоу́дрости ib. 48 (срвн. премоу́дрωсть 63 об., — ωсти 67 об.), сквозѣ́ ib. 84 об. и др., словеса Сборн. 4, ȍ оу́трошнѣ́ ib. 27 об.[1] и др., и обратно: ꙗ҆́рωсть Псалт. 108 об., 120 об., (при ꙗ҆́рость 116 об., не ꙗ҆̀ростїю 7). В виду того, что после предлога ѿ обычно пишется *о*, хотя оно следует после двух согласных *звуков:* ѿ рова Псалт. 52 об., ѿ рода ib. 12 об., ѿ сонма́ ib. 53 об., ѿ горы̑ ib. 4 об., ѿ морѧ ib. 95 (срвн. еще твою́ ib. 45, 111), сътво|ри́ти 53, а в словах под титлом, где группа согласных является лишь на письме, ставится ω: нбⷭ҇ω Сборн. 5 об., хвⷭ҇ω ib. 6 об., дхⷪ҇ώвно ib. 16, я думаю, что для писцов наших памятников означенный прием письма был не отражением каких-либо звуковых особенностей их говоров, а лишь внешним графическим приемом, усвоенным из других рукописей, в которых, может быть, он и отражал какую-нибудь особенность произношения, ибо, кроме положения после нескольких согласных, ω пишется и после одной согласной, но тогда, когда перед нею стоит неударенная гласная, долженствующая *одна* составлять слог: и҆сώта Псалт. 24, и҆рώдъ ib. 125, 139, 200; — оу҆гωто́ваннωе Сборн. 25 об., и҆дώлꙋ ib. 72 и т. п., но часто превращающаяся в неслоговую в силу своего положения в начале слова, а потому приближающаяся к согласной; последнее обстоятельство и заставляет заподозревать, что означенный прием вызывался не чисто внешним признаком двух и более согласных букв, а чем то лежащим в произношении тех писцов, которые стали различать *о* и ω на письме. Более подробного рассмотрения употребления букв *о* и ω я сделать не мог; впрочем для характеристики говора наших писцов это и не необходимо.

[1] Чаще всего это наблюдается в конце строк: к бо́|гꙋ псалт. 55, 88 об.; тво|і҆гꙋ́ ib. 59, ѿ пло|да ib. 184, твоі҆ю|ib. 198.

Что касается употребления каморы в других случаях, то в Сборнике она употреблена несколько раз над местоимениями *се* и *си:* си̑рѣчь 4 об., оу̑тверди́ ср҇це си̑ 49 (см. еще 39 об., 40), вре́мѧ се̑ 29, се̑ творѧ̀ 47 (см. еще 32 об., 33 об., 76 об.); кроме того: ко мнѣ̑ 69 об., зл҇ нар. ib., ю҇нъ бѣ̑ 70 об.; затем: шестоѱа̑лъ|ма̀ 31, въе҇ксаѱа̑|лмѣхъ 31; в случае хлѣ́ба 242 об. камора сомнительна; в Псалтыри же камора, кроме слов односложных (во мнѣ̑ 18, мнѣ̑ 206, тмѹ̑ 142 об., тоу̑ 205 об., но̑ 183 об.), обычна на первых 20 страницах на конечном открытом ударенном слоге: ѿ горы̑ 4 об., лоунѹ̑ 9, волы̑ в. п. 9 об., соудбы̑ в. п. 11 об., им. п. 12 об., роука̑ 13, вода̑ 20 об., словеса̑ 14 об., ни даси̑ 17 об., приклони̑ п. н. 18, в средине рукописи редко: землѧ̑ р. п. 81; кроме того, как второе ударение: пра́воты̑ в. п. 17 об., пра́во|тѡ́ю 85 об. (правлено). Возможно, что в данном случае сказалось влияние оригинала, который был подобен вышеупомянутым Новому Завету митрополита Алексия XIV в. и Сборнику Соф. № 1464; писец Псалтыри копировал этот оригинал точнее в начале рукописи, а затем, заметив, что камора на последнем слоге излишня, перестал ее ставить в этом положении.

ГЛАВА II.

Напряженное *о* на месте древнего *ъ*.

§ 2. Как указано уже во введении, камора над *о* из древнего *ъ* в памятниках, в согласии с русскими говорами, является исключением. Исключения такого рода, в которых можно усмотреть описки или новообразования по аналогии при древних формах с *о* открытым, будут оговорены нами в дальнейших частях работы; здесь же мы остановимся на двух случаях напряженного *ô* из древнего *ъ*, для которых недопустимо вышеприведенное объяснение.

I. Такое напряженное *ô* наблюдается в слове *плôть* (←*плъть*). Сборн.: пло̑ть 285 об., 299, 303 об., пло̑ти д. п. 299 об., неплѡ̑тьска 297 об., пло̑ть 29 об., 72 об., 116, 158, 175, 276.

плôти р. п. 206, д. п. 9 об., м. п. 76; Псалт.: плôть 34 об., 73 об., 80, 108, 115, 136; плôти д. п. 107, 110, 188 об., 226 об., м. п. 138, в плôти 49 об., 50, плôть 17 об., 82 об., 98 об., 199, плôтїю 222, плôтеи 32 об., плôти в. п. 173 об. Мало того, что здесь *о* из *ъ*, но и ударение на нем было нисходящее (слов. pȏlt, -ȋ; do pȏlti mǫ̂kar; в древнерусских памятниках энклиза его при предлогах очень обычна: дóплоти Тр. П. 1589 г. 236 об., йсплоти Кормч. 1650 г. 621, óтпло[ти] Новг. Лет. 427, пóплωти Сборн. 297 об., вóплоти Новг. Лет. 449 об., ŏплоти Тр. П. 1589 г. 446 об.; отметим, что в вин. пад. ед. ч. энклизы этого слова мы не встретили: на плóть Торж. XVI в. 366, Сборн. 1647 г. 190, 198, во плóть Злат. 48, за плóть Сборн. 1647 г. 662; встречающееся в говорах: *пó плоти,* а не *пó духу* Терск. Греб. (Караулов), вероятно, книжное. Надо думать, это слово было книжным и в старое время и приобрело *ô* под влиянием слова *плôтъ,* которое в одном из наших памятников как раз имеет напряженное *ô* (см. § 64).

II. Особенного внимания заслуживает колебание открытого *о* с напряженным *ô* в слове *любовь* с производными. Уже в Сборнике колеблется в этом слове обозначение *о:* любôвь 108 об. bis, 111, 193, 201 об., 249 об., *в* — 45 об., любôвїю 34 об., 73 об., 144, 168, 249, с лю|бôвїю 139 об., но чаще с *ó:* любóвь 8 об., 21, 106 об., 107 об., 108 об., 218, 234, 236 об., 248, 249 об., 320 об., 324, 326, *в* — 46 об., за лю|бóвь 128 об., с любôвїю 318, 326 об. bis, 327; кроме того: лю|бôвныи 248, лю|бôвнаго 108, любôвнаѧ ib., но чаще с *о:* любôвнω ср. р. 22 об., (225), -о|внаѧ 107 об.; -óвныѧ 129, -óвнωмꙋ 34 об.; Псалтырь дает лишь один случай: в любóвь 97. Напряженность *ô* поддерживается данными из Тотемск.: l'ubôf, l'ubôvi (35); но в Ряз. имеем открытое *о* в связи с таковым *о* и в суффиксе *-ов-* (см. § 56).

Сравнение с южнославянскими языками ясно указывает, что здесь мы имеем параллельные формы: одне с рефлексом древнего *ъ*, а другие с рефлексом древнего *о:* сербск. љýбов при обычном љубав, љȕбâван, љȕбâвнӣк, -ӣца, љȕбâвца; словинск.

ljubâv, но: ljubọvan и ljubâvan, ljubọ́vnik, -ica, ljubộvca при ljubâvac. Происхождение в них *о* обязано безусловно влиянию подобных образований, в которые входил суффикс *-ov-* (для сербского языка такого мнения держится Т. Maretić, Gramm. i stil. hrv. ili srpskoga književnog jezika, 1899, стр. 88); на это указывает, во первых, напряженное *ô*, которое обычно в образованиях с суффиксом *ov-*, а во вторых означенное влияние не ограничивается одним словом *любовь*, а распространяется и на другие слова с основною на *-ū:* сербск. цр̀кôвнй, цр̀ковина; бу̏ков; смо̏ков; — словинск. cerkọ́van, -ộvnik, -ộvnica, -ộvščina при cę̂rkav, -kve; — smọ́kov, smokọ́van, -ôvnik, -ộvnica,[1] smọ́kovac, -ovje, smokovnják, smokovína при smọ́kav, -avca; — sọ́krovica; при sọ́krvica; — redkovnjāk при rédkav; — jȩ̂trovca (срвн. jȩ̂trva) болг. — любовь. Русский язык ограничивает означенное влияние только словом *любовь*, в остальных подобных словах указывает рефлекс древнего *ъ;* в Сборн.; цр҃кôвнωм 139, -ôвнïи 6, 118, цр҃кωвнõ 131 об., Тотемск. ćerkóvnoį 148, krof, morkóf, svókróf 35, Ряз. церкóвный, свекрóвь.

О напряженном *ô* в случаях *вôнь (←вънь), вôимя (←въимя), вôпль (←въпль)* см. в следующей главе.

ГЛАВА III.

Звук *о* в абсолютном начале слов.

§ 3. Ни в Сборнике, ни в Псалтыри над начальным ударенным *о* не ставится каморы[2] (примеры из первого: и̏зъо̏ка 11,

[1] Отметим, что *о* в этом слове вместо ожидаемого сохранения *ъ* встречается уже в древнейших, не знающих перехода *ъ* в *о*, церковно-славянских памятниках, каковы Савв. и Остр. Евангелия (В. Н. Щепкин, Рассуждение о языке Саввиной книги, 96—98); впрочем проф. В. Н. Щепкин объясняет означенное явление в данных памятниках влиянием глаголических оригиналов, где *о* вм. *ъ* могло являться фонетически.

[2] Отличить стоящее над начальным *о* придыхание от каморы не трудно: первое представляет дужку, обращенную своими концами влево, при чем нижний конец часто бывает заостренный, вторая — дужку, обращенную своими концами вниз, при чем оба конца имеют как бы нажимы и заострений не представляют.

о̆вцы 119 об., ѿстрыи 16, о̆бще 167, о̆пщаго̄ 168 об., о̄ндѣ 313 об., ѿ|вїи 146, ѿного 266, о̆ноу 25 об., о̆хѣ̄ 14, о̆кр̄тъ 115 об., о̆ веще[x] 130 об., о̆ име|ни 169, ѿ мори 250 об. и др.); из второй: до о̆блак 45 об., о̆стрѡви 96, ѿлово 204 об., о̆ко 37, о̆гнь 141 об., о̆гнено 20 об., о̆вчїи 160, и̇о̆вни̇ 209, на ѿдр 183 об., и̇ о̆ б̄сѣ 21 об., о̆крест 180 об. и др.[1]

В согласии с памятниками ни в Тотемск., ни в Ряз. начальное ударенное никогда не бывает напряженным. Примеры для первого наречия приведены О. Броком в подстрочном примечании на стр. 38 (ósy, ós, óśeń, óćeń, on, ókuń, óźöro, Óśip, ókarak, óbruć, óvći, Óľi̯a = Ольга, óśḿero; срвн. еще óko, óći 122, ókna, ókon ib., ópasno 128, ó-sta 130, óba, óbe 129); для Ряз.: óзеро, óсенью, он. За то всегда, если перед начальным ударенным *о* развилось приставочное *в*, и в том, и в другом говоре *о* является напряженным; эту особенность подчеркивает О. Брок в вышеупомянутом подстрочном примечании: «но vô- в трех найденных случаях с ô, а именно vôl'xa, vôśem (род. ośḿí) vôstroi̯»; для Ряз. вôстрый, вôсемь, вôтъ, вôспа, вôспенный, вôтчим, вôспища; может быть, сюда относится вôн (= там).

Напряженность *о* после приставочного *в* вполне понятна, ибо такое *о* развивало призвук *у*, из которого и мог легко образоваться звук *в*; закрытость, или напряженность, этого *о* акад. А. Шахматовым относится к общерусской эпохе (Русское и словенское аканье, стр. 63, срвн. еще Изв. XIII_3, 218—219).

Из Костр. Шунг. можно привести лишь: вуóт 81 (но: вóстрой, вóспа; впрочем, последние примеры могут представлять и неточность записи).

В словинском языке начальное *о* довольно часто бывает напряженным и во многих случаях наблюдается совпадение с русским. ǫ́dαr, ǫ́sαm, ǫ́cαt, ǫ́bαr, ǫ́stαr, ǫ́bči, ǫ́v, ǫ́spica, ǫ́lša, ǫ́ja, ǫ́čim, ǫ́bedva.

---

[1] Точно также ее не бывает над начинающим слог *о*: сїѿнь 180 об., сїѿна 184, і̏фиóплѧне 95 об., і̏фї|óпьскимъ 100 (примеры из Псалт.); семїѿнъ 157 об., феѵ́дотъ 221 об. (примеры из Сборника).

Повидимому, применительно к этой особенности книжное *вонь* *(←вънь)* приобрело в произношении древнерусских книжников напряженное *ô:* Сборн.: вôнь^ж ча̑ 12 об., вôньже 303, вôнь^ж 304 об., вôнье 144 об., 170, вôнже 237 об., вôнь^ж 312 bis, 212 об.; Псалт.: вô'нже 25, 131 об., 137 об. bis, вô'нье 39, вôнь|же 108, вôнже 19 об., 73 об., вôн'же день 190.

Таким же книжным словом было выражение *вôимя* для писца Псалтыри: вô'ймѧ 180, 182 об., вô'имѧ 24 об. bis, 39, 41, 70, 162 об., вô'имѧ 144, вôймѧ 164;[1] но писец Сборника правильно отметил его трижды открытым вôймѧ 115, 116 об., 127 об.

Точно также последний писец отметил открытое *о* в вôпльми 142, но писец Псалтыри трижды написал его с напряженным *ô:* вô'пль 137 об., вôпль 20, 215; может быть, для него живою формою была *вопъ* (в Улож.: слы́шачи кри́къ и вôпъ роз'би́тыхъ людей 310 об. и несколько ниже: накрикъ и̓ навôпъ; в правой грамоте от 15 января 1552 г. игумену Никольского Дудина монастыря на Арбузовых и их людей по иску в сорока рублях с полтиною: Крикъ вопъ великой (Н. П. Лихачев. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб. 1895 г., стр. 229).

ГЛАВА IV.

Напряженное *ô* на месте древних *е, ъ*.

§ 4. На месте древних *е, ъ* напряженное *ô* встречается редко, и почти все случаи, как в памятниках, так и в говорах, могут быть объяснены, как явившиеся по аналогии.

Напр.: болшôмȣ Сборн. 35; *хорошô, свежô, вонючô* Ряз. (но: *кольцô, яйцô, плечô* ib.); *кряжôвник, жôн:* в Тотемск. «*ô* не могло развиваться из *ö*, явившегося на место старшего *е* в известных положениях; следовательно, не встречается «законного» *ô* после

[1] Срвн. превращение этого срощения в новое имя существительное *вôимя* Ярославск. и др.—образ (Даль Слов., срвн. еще Жив. Стар. 1895 г., III—IV, 42), что является не совсем обычным для языка и этим указывается на неправильно усвоенное книжное слово.

палатальной согласной» 34; такое «незаконное» *ô* по аналогии можно отметить в следующих случаях: fśôį 125, fśôm 34, moįôį ib., vorob'įôf 40; и b'er'ežôk 39 — *ô* непонятно, ибо в однородных образованиях имеется открытое *o*. Другие случаи напряженного *ô* в этом положении приведены в разных местах дальнейшего исследования; здесь же мы отметим только случаи открытого *o* из Тотемск.: ćółу (= пчелы) — ćoł, śóła — śoł, o ćóm 34, ńeužóli 103, žon 118, užó 144, kupćóf 120, lićó, įeįćó 121, pl'ećó 122, fśo 125, кроме того: pošóų 107, šópćeš 139 и из Ряз.: пчо́лы, що́тка, чечо́тка, трещо́тка, решо́тка, ночо́вка, счо́т, счо́ты, наперечо́т, ожо́г, почо́тный, ишто́, бережо́к, пятачо́к, чо́рный, жо́лтый, нашо́л, шо́лковый.

ГЛАВА V.

Открытое *o*.

§ 5. Открытое *o* обусловлено, как выше сказано, старым нисходящим ударением, которое устанавливается отчасти путем сравнения с сербским и словинским языками и отчасти перенесением ударения на предлоги и приставки в русском языке.

Оно наблюдается в следующих категориях слов.

В именах существительных мужеского рода, односложных (или ставших двухсложными через полногласие) в им. пад. ед. ч., удерживающих ударение на корне (а с полногласием на первом слоге полногласия). Сюда относятся следующие слова:

Сборн.: бѡ́гъ[1] 207 об.; гнѡ́и 291 об.; го́дъ 112, 113 об., 117 об.; гѡ́ды в. п. 110 об., тв. п. 258 об.; го́стю 149; грѡ́бъ 73; грѡ́мъ 112 об., грѡ́|ми 283; до́мъ 203, -ы в. п. 126 об.; ко́штемъ тв. п. 163 об. bis.; крѡ́въ 176 об.; мо́рȣ д. п. 227 об.; мо́стȣ р. п. 221 об.; мȣжьскі́и по́лъ 126 об.; впѡ́лъ дн҃и 37 об.; пѡ́|ты в. п. 236 об.; ро́въ 200, врѡ́въ 239; ро́дъ 120 об., врѡ́дъ 261 (25 об.), рѡ́дъ ѿсвоѐгѡ ро́да 124, ро́дȣ д. п.

[1] Как здесь, так и далее, без обозначения приводятся формы им. или вин. пад. ед. ч.

111 об., рѡ́доᵐ тв. п. 231 об.; рѡ́ды тв. п. 314; сѡ́къ 44 об.; стѡ́ро|жꙋ д. п. 212 об.; кроме того из ъ: вѡ́лкъ 158 об., 203; дѡ́лгъ 103 об.; сѡ́та р. п. 139, 328 [хѡ́лми 301]. Псалт.: бѡ́гъ 153 об., 160, 164 об., 192 об., 195 об., 200, вбѡ̀гъ 36 об., бѡ́га 148, 148 об., бѡ́гоу д. п. 188 об. (225 об.), а̓небѡ́гꙋ 208 об., кбѡ́гꙋ 35 об., 56 об., бѡ́-гови 88 об., збѡ́гомъ 62 об., бѡ́же 115 об., 150, 153, 153 об., 154 bis., 156, 191 об., бѡ́зи 114, надовсѣ́ми бѡ́ги 132, вбѡ́-ѕѣхъ 118 об., 205 об.; вѡ́скъ 27, 75 об.; гнѡ́и 114 об.; грѡ́бъ 6 об., грѡ́би 64; грѡ́здъ 209 об. bis.; грѡма 104, 141 об.; дѡ́мъ 160 об., 187 неск. раз, 225, вдѡ́мъ 179, вдѡ̀мъ 159 об.; знѡ̀и 219, знѡ́ꙗ р. п. 208; закрѡ́въ 20 об., крѡ́ва р. п. 32 об., 55 об., въкрѡ́вѣ 18, 38, 45 об. (79), крѡ́вы в. п. 212 об.; пѡ́лъ 214 об.; рѡ́въ в. п. 9, врѡ̀въ 33 об., 120, 195 об.; рѡ́гъ 19 об., 122 об., 159, 184 об., 201, 211, 212, рѡ́га р. п. 101, рѡ́зи 212 об.; рѡ́дъ и̓рѡ́дъ 198, врѡ́дъ и̓рѡ́дъ 149, врѡ̀дъ и̓рѡ̀дъ 171 об., врѡ́дъ 12 об., 155, 187, врѡ̀дъ 116 об., рѡ́да р. п. 207 об., 213 об., рѡ́доу д. п. 94 об., врѡ́дѣ 16, въвса́комъ рѡ́дѣ и̓рѡ̀дѣ 198 об. Кромѣ того из ъ: сѡ́тъ 163 об. [хѡ́лми 160]. Тотемск.: Box, 25, 101, bóγu, bóγom 111, boi̯, bok, bor, brot, vosk, gvoś,[1] got 37, gódy 126, goś, grom 37, 142, dom 37, dómu, dómom, dóḿe 119, Их. łoi̯ 37, mosk (mozgí), mor, nos, pou̯ (с колебанием, не имеется ли здесь pôu̯) 37, rof[2] 34, Их. roi̯ 36, rok róga, rot ródu 37, xot 34; с полногласием: vółos, gółot, górot, kórop, stóroš, xvóros 43, кроме того: sórok 43; *о* из ъ: rot, iz rótu, łop, ot łóba, mox, iz móxu 34, 146.

Среди примеров на *ô*, собранных В. Мансиккою, не отмечено ни одного из слов, принадлежащих этому типу.

Н. Н. Виноградов в своих записях обычно в словах этого типа также не отмечает *уо* (*бо́га* 64, *бо́г* 68, *з бо́гом* 66,

---

[1] В северновеликорусских говорах встречается накоренная акцентовка этого слова: гво́здя (Н. Виноградов. О нар. говоре Шунгенской вол. Костромской губ., 68).

[2] Здесь имеется рефлекс древнего *о*, а не ъ, как думает О. Брок; срвн. малорусск. рів, сербск. ро̑в — ро̏ва, слов. rȯv, чешск. rov, польск. rów.

бро́ды 70, *во́ры* 43, *го́сти* 61, *гво́здя* 68, *до́мы* 71, *в до́ме* 64, *но́сом* 79, *рог* 21, 22, *с ро́ду* 63, *ход* 58, *во́лосы* 70, *во́рон* 72, *го́род* 61, *по го́роду* 71, *в го́роде* 65, *ко́лобы* 73 и т. п.), а на стр. 7 утверждает, что «в односложных словах *о* как *уо* по большей части не произносится — *дом, кон*» и далее делает оговорку с весьма интересными примерами: «но стоит им (т. е. односложным словам) при склонении обратиться в двухсложные, и сейчас же появляется уоканье: *коло дуо́ма, два куо́на*». И только всего, стоит стать двусложным и *уо* на лицо? Я подозреваю, что этого недостаточно, ибо если бы этого было достаточно, то зачем наблюдатель привел для примера не просто двухсложные формы падежей этих слов, а прибавил в начале этих слов другие слова, являющиеся проклитиками по отношению к данным; я думаю, это произошло оттого, что выражения *коло дуо́ма, два куо́на*, приближаясь по своему строению к словам сложным *(богосло̂в)*, в которых *уо* обычно (см. § 61), развили это *уо* на том же основании. Что касается до случаев: *буог* 78, *слава буо́гу* 77, то и они характерны тем, что первый приведен в выражении, где перед *буо́гу* стоит слово, тесно к нему примыкающее (слава), а во втором (на следующей странице) *уо* отмечено наблюдателем не как результат действительного наблюдения, а под влиянием только что напечатанного *уо* в *буогу* на предыдущей странице.

Ряз.: *бог, бор, с бро́ду, на воз, вор — во́ру* д. п., *воск, гво́зди* мн. ч., *гной, год, гость, гром, грош, дом, да до́ма, звон, кон — ко́на, лом, нос, пол, пот, ров, рог, род, рост, сор, стог, сто́га, ток, ход; во́рон, во́рот, го́лос, в го́роде, ко́локол, мо́лот, по́рох* (срв. еще *о* из *ъ: вопль, корм, лоб, мох, рот*).

Производные от них имена существительные с суффиксом на *-ик* также имеют открытое *о; гво́здик, гро́шик, до́мик, мо́стик, но́сик* Ряз., срв. напряженное *о̂* в подобных именах, образованных от имен существительных с *о̂* (§ 64). Теоретически на основании полногласной формы *воло̂сик* Ряз. мы здесь ожидали бы напряженное *о̂*.

Для большинства из вышеприведенных слов нисходящее

ударение может быть доказано энклизою их при предлогах, распространенною в древнерусских памятниках и нередкою в современном языке: «дó бога высоко, до царя́ далёко; ý бага дня (=ежедневно) Курск. (Машкин), зá багам молитва, а за царём служба ни прападая ibidem.; нáбога Псалт. 73 об., прéдбогомъ ib. 86, ѡ́бѕ҃е Новг. лет. 407; нáбогы Торж. XVI в. 256 об.; ѡ́боѕеˣ ib. 91; прóбой Улож. 14 об., нáбои Сим. лет. 203 об., Ратн. 7; и вырвал *úз боку* кусок он, как из теста (Вас. Майков); пó боку, *бок ó бок* трется со смертью злой (Крылов); а ныньче барин *пóд боком* (Некрасов); ѿ́бока Кормч. 1650 г. 416 об., нáбокъ Плув. 95 об.; *дó бору* Вятск. Яранск., Ж. Ст. 1903, III, 406, *пó бору* Даль, Посл. 790, *нá бор* Вятск. Котельн., Мат. № 46; нáборе Новг. лет. 511 об.; ȣ́бродȣ ib. 603 об., нáброде ib. 513 об., нáброды Кн. Степ. 519; который *ý воза* хозяйского лежал (Крылов); *пó возу* Терск. Греб. (Караулов); стал *нá воз*; видим: крестится (Некрасов); привыкла собака *зá возам* хадить Курск. (Машкин); нáвозы Сим. лет. 2; у нас, в деревне народ *вор нá воре* Тверск. Кал. (дер. Курапово); оу́вора Лет. 280; зáворомъ Улож. 34 об.; нáвоскъ Кормч. 1650 г. 317 об.; прóгвозди Сказ. о срачицѣ Госп. 82 об. (срвн. твор. пад. гвóздемъ Ратн. 198 об.); ѿ́гнѧ Тр. П. 1589 г. 243; *бéз году неделя, úз году в год*; к нам земская полиция не попадала *пó году* (Некрасов); *зá годом, что зá веком* Даль, Посл.; *нá годы* Моск. (Чернышев); óтгода дóгода Новг. лет. 446; *бéзгода* Сборн. 202; зáгодъ 208; гости *нá гости* хозяевам радости, ȣ́гостѧ Новг. лет. 634 об., послà пó|гости ib. 416, зáгость Алф. 169 об.; *вó гроб* Вологодск. Кадн., Ж. Ст. 1903, I—II, 201, ѝзогроба Хрон. 247 об., сóгроба Кн. Степ. 175 об., кóгробу Злат. 146; нáд-гробом Новг. лет. 575, прúгробе Сборн. 1647 г. 249, вóгробѣхъ Псалт. 86 об., óтгрому Новг. лет. 467 об., óгромеˣ ib. 582 об.; *óт долу* Даль, Слов.; ѿ́долȣ Сборн. 1647 г. 233 об., дóдолȣ Нов. Зав. XIV в. 15 об., Торж. XVI в. 30 об.; *ý дому* ждут ломовые извозчики (Некрасов); пожаловал к вам кто-то *нá дом* (Грибоедов); *ó доме* Костр. Кологр., Мат. № 250; ѝздомȣ

Торж. XVI в. 285; бéздомѹ Сборн. 1647 г. 595; нáдомѣ ib. 737, нáдомы ib. 683 об.; дóзвонѹ Обиход К.-Б. 92; ѿзнолѧ Тр. П. 1589 г. 182 об., Сборн. 1647 г. 240; *йз кону в кон* (Чернышев), *нá кон*; рок на кону бьет, неурочье *зá коном*; деньги *нá кон*; вóкровѣ Кн. степ. 328 об.; *нáкрове* Ев. 1606 г. II, 90, *вóкровех* Час. 1598 г. 19; ѿлова Тр. П. 1589 г. 392 об., нáлов Псалт. 18 об., нáловы Косм. 56; ѿмозгѹ Пс. Брюн. 162; *дó мору* РФВ 1898 г. № 1 и 2, 163; ѡ̆тмора Хрон. 262 об.; пáморъ Новг. лет. 624, ѿморе ib. 562; Что делала? Жила-с *ý моста* Тючкова (Измайлов); Чем *нá мост* нам идти, поищем лучше броду (Крылов), *зá мостом, пóд мостом;* ѹ̆мосту Новг. лет. 508; пóмостѹ ib. 459, ѿмостъ Кн. Степ. 152; что волосы *йз носу* шибко росли (Некрасов); и, поводив Европу *зá* нос (Минаев); а в клетке *нáд носом* твоим висит щеглёнок (Крылов); йзноса Hort. Am. 94 об.; дóноса Плув. 207 об.; зáнос Улож. 324 об.; *бéз палу* Моск. (Чернышев), *пó полу, нá пол*; *пóд полом полóм* ходит барыня с колом (крыса); йсполѹ мертвы Торж. XVI в. 416, дóполѹ Кормч. 1650 г. 402, нáполы Хрон. 248 об.; ночь храпят, наевшись *дó поту* (Некрасов); ѿпотѹ Ратн. 22 об., Кормч. 1650 г. 507 об.; *йз рова* Тотемск.; йзрова Хрон. 223 об.; ѿрова Псалт. 52 об., Сборн. 239; да *пó рогу* еще для случая в запас (Дмитриев); *зá роги* Терск.-Греб. (Караулов); дóрога Пс. Брюн. 255; *йз роду* в род; *óт роду;* дóрода Псалт. 65, óтрода Новг. лет. 401, пóродѹ Тр. П. 1589 г. 81 об.; зáродъ нашъ Охт. 1594 г. 8; ѡ̆родѣ Ап. 1564 г. 13 об.; пó|родѣ Сборн. 1647 г. 338 об.; бéзростѹ Улож. 21, 148 об., зáростъ ib. 47 об.; *нá стог* Новг. (Соловьев) — редко; пашол *нá ток* малатить Курск. Об. (Машкин); *пó току* Терск. Гребк. (Караулов); йсходѹ Улож. 101; хотя слова с полногласием говорят сами за себя о нисходящем ударении, тем не менее приведем энклизу их при предлогах: а проку *нá волос* нет в них (Крылов); схватить *зá волосы;* сказал и *зá ворот* советника схватил (Измайлов); ум *зá морем*, а смерть *зá воротом* (Даль, Посл.); оўворота Подл. 8 об., 13; óтглада Новг. лет. 445; песни *нá голос* заводит (Кольцов); ѿгласа Псалт.

58, 71; сógласомъ ib. 215 об., вóгласѣ ib. 62; вóгласѣхъ Охт. 1594 г. 157 об.; *ѝз городу* Костр. Шунг. (Виноградов); скачут *зá город;* будет дуэль (Некрасов); *зá городом;* дóгорода Алф. 131, пóгороду Новг. лет. 485; пóдгородо^м ib. 487 об.; нáгороде ib. 592; вóграды Хрон. 384; вóградехъ Сборн. 1647 г. 135 об.; ни *ѝз короба,* ни в короб (Даль, Посл. 206); нáпоро^х Hort. Am. 104, дóпороху Ратн. 51, 58 об.; ўсторожа ib. 212.;[1] челавек *дó сараку* Моск. Клинск. (Чернышев); *пó сороку* Новг., Ж. Ст. 1893 г., III, 384; *зá сорок* верст в Кострому прямиком (Некрасов); зáсорокъ лѣтъ Улож. 225 об.

В сербском и словинском языках нисходящее ударение большинства этих слов сохраняется доныне. Сербск. бȏг — бȍга, бȏј — бȍја, бȏк — бȍка, бȏр — бȍра, брȏд — брȍда, вȏз — вȍза Мажуранич (так и у Белича, у Караджича: вȏз — вȏза), вȍсак (под влиянием других падежей) — вȍска, гнȏј — гнȍја, гȏд — гȍда, гȏст — гȍста, грȏм — грȍма (у Караджича грȏм — грòма), дȏ — дȍла, дȏм — дȍма, чак. zvȏn — zvȍna (А. Белич), знȏј — знȍја, крȏв — крȍва, лȏв — лȍва, лȏј — лȍја, мȏзак (или мȍзак) — мȍзга, мȏст — мȍста, нȏс — нȍса, пȏ, пȏт — пȍта, ра̑ст — ра̑ста, рȏв — рȍва, рȏг — рȍга, рȏд — рȍда, рȏј — рȍја, сȏк — сȍка, стȏг — стȍга Маж. (у Караджича стȏг — стòга), бȇлӣ тȏк, хȏд — хȍда; вла̑с, вра̑н, вра̑т, гла̑д, гла̑с, гра̑д, пра̑х (пра̑ха Маж., а Караджич пра̏ха);[2] однако возможны и уклонения от этого типа акцентовки: у Мажуранича отмечены бòја, бòра, рòја; рȍв — рòва, чак. krȍv — krovȁ (А. Белич), срвн. Ряз. *рôй,* Тотемск. гôј̑ при гој̑ 36, также Ряз. *бôй — бôя,* а некоторые слова известны только с иной акцентовкой: грȍб — грòба,

---

[1] Было бы ошибкой думать, что все эти слова и им подобные встречаются в памятниках при предлогах всегда в виде энклитик; правда, реже, но возможны ударения на управляемом слове: от|дóму Новг. лет. 430, задóмъ ib. 476 об.; бескрóва Торж. XVI в. 387 об.; закрóвъ Сборн. 1647 г. 640 об.; налóвъ Хрон. 308 об.; ѡ̀мóстѣ Кн. Степ. 509 об.; зарóдъ Торж. XVI в. 353; поглáсѣ ib. 658; погóроду Сим. лет. 114; безпóроха Кормч. 1650 г. 613 об. и т. п. Наконечная акцентовка этих слов в формах ед. ч., за исключением местн. пад. на -*у*, редка: ѿдомоу̀ Нов. Зав. XIV в. 72, 85 об., ѿдому̀ Сборн. 1647 г. 590; ѿполу̀ Алф. 432.

[2] Энклиза этих слов обычна в сербском языке: дȍ бога, у̏ год, пȍ рогу и т. д.

грȍзд — грòзда, кȍн; чак. grȍb — grobȁ, grȍzd — grozdȁ (А. Белич). Слов. bọ̑g — bogȃ, bọ̑r, brọ̑d, vọ̑z — vọ̑za — vozȃ, vọ̑sk, gnọ̑j — gnojȃ, gọ̑d — gọ̑da — godȗ, gọ̑st — gostȗ — góstа, grọ̑m, dọ̑l, dọ̑m, zvọ̑n — zvọ̑na — zvonȃ, lọ̑j, mọ̑zg, mọ̑st — mọ̑sta — mostȗ и -ȃ, nọ̑s — nọ̑sa — nosȃ и -ȗ, pọ̑l, pọ̑t — pọ̑ta — potȗ, rọ̑g — rọ̑ga — rogȃ, rọ̑d — rọ̑da — rodȗ, rȃst, sọ̑k — sọ̑ka — sokȃ; в словинском языке слов, имеющих иную акцентовку, нежели в русском, более, чем в сербском: bòj — bója, bòk—bóka, kròv — króva, kòšt — kóšta,[1] lòv — lóva, ròv — róva, ròj — rója, stòg — stóga (этим словам в русском языке соответствовали бы слова с наконечной акцентовкой), mòr — mǫ́ra; tòk — tǫ́ka.[2] Появленіе в двух последних словах напряженного ǫ загадочно; однако следует отметить, что три слова: lǫ̂v, hǫ̂d, znǫ̂j в словинском же языке могут иметь акцентовку, выводимую из более древней наконечной: lòv — lóva, hòd — hóda — hodâ, znòj — znója, другие три: drǫ̂zd, hvǫ̂st, plǫ̂d — plǫ̂da — plodû указывают таковую в сербском и русском языках: дроздà, сербск. дрȍзд — дрòзда, плодà (по-сербск. пло̑д — плȍда, возможно и для русского изредка, скорее диалектически, плóда), хвостà; в виду этого, нельзя ли предположить, что принадлежность этих слов к типу слов с нисходящим ударением явилась после того, как выработалось ǫ под прежним восходящим ударением в им. п. ед. ч., но до его сокращения (znòj при králj, trǫ́d)? Из других слов нам известны: bǫ̂d (сербск. бо̑д), kǫ̂v (сербск. ко̑в — кȍва), lǫ̂šč, lǫ̂ž и strǫ̂j.

§ 6. В уменьшительном имени существительном рóжкп Ряз. открытое *о* подтверждается словинским языком, в котором при ударении не на окончании имеется ненапряженное *о* с нисходящим ударением на корне: brọ̑dαk, dọ̑mαk, drọ̑bαk, mọ̑stαk, nọ̑sαk,

---

[1] Впрочем, для русск. *кошта* не имеется явных указаний на нисходящее ударение.

[2] Этому типу в сербском языке соответствует чак. krȍp — krȍpa, т. е. с кратким восходящим ударением во всех падежах (срвн. еще: gòn — gǫ́na, lòm — lǫ́ma, ròk — rǫ́ka, skòk — skǫ́ka, skòt — skǫ́ta, vòd — vǫ́da).

sǫ̂čak, vǫ̂zak; само же rćžak с оттянутым ударением соответствует русск. *рожóк,* срвн. stóžak, stóɫak, móɫak, kózak и т. п.; plǫ̂dak, prǫ̂stki имеют ǫ̂ по аналогии к plǫ̂d, prǫ̂st. Сербск. ро̏жак может подтверждать Ряз. *рóжки.*

§ 7. В двухсложных именах сущ. муж. рода, принадлежавших в древности к разным основам *(-o, -i, -n),* при ударенiи на *o,* находящемся в первом слоге, таковое *o* является обыкновенно открытым. Сборн.: безгώвора 21, рóгозъ в. п. 190 об., гóлѹбь 157; Псалт.: гó|спода р. п. 158 об., гóлоть свöи 201 bis, гóлуби д. п. 71, ӥкóрень 69, гóсподи зв. п. 155 об. bis, ѿ 161 об., гóспωдеви 157 (143 об.), предъ гóспωдемь 137 об. (162); Тотемск.: kókťi 111, kóřeń 121, nókoť 34, 121, с полногласием: góɫoveń 43; Костр. Шунг.: *с кóхтём* 23, *нóхти* ib.; Ряз.: *гóвор, гóспода, кóчет, тóпот* (если здесь *o* не из ъ), *хлóпоты, грóхот; гóсподи* зв. п., *гóлупь, кóрень, кóгти, нóготь.*

Для большинства приведенных слов нисходящее ударение, обуславливавшее открытое *o,* доказывается энклизою этих слов при предлогах: ѿгоспода Псалт. 164, Кормч. 1650 г. 230 об., кóгоспωдѹ Псалт. 102 об., пре́дъгоспωдемъ ib. 155, ŏгоспωдѣ ib. 143 об., ώтъга Новг. лет. 524, кóгдѹ ib. 384, сóгдеᵐ ib. 387 об., нá|гда Улож. 66, нáгда возваˣ Тр. П. 1589 г. 1; и́скорню Моск. (Чернышев), *корень зá корень, око зá око* Даль, Слов.; *пóд корень* довольно обычно, и что ее (=молодежь) когда-нибудь подточит под самый *пóд корень* практическая ложь (Полонский, В дурную погоду); косить *пóд корень* рожь высокую (Кольцов); йскорене Сборн. 304 об., ѿкорени Охт. 1594 г. 51, при́корени Торж. XVI в. 186; пускай же-б он с досады отрубил мне руки *пó локоть* (Пушкин), под нос не *пóд локоть* Даль, Посл. 702; нóгти ѐго пóлактю Пал. XVI в. 20; пóд́нохтемъ Новг. лет. 458 об.; для слов на *-от* срвн. бе́з́трепета Пс. Брюн. 266 об., нáтрωскотъ Псалт. 207 об., Тр. П. 1589 г. 47 об., для слова головень срвн. и́з Городна Новг. лет. 647 об.; срвн. сербск. ѝз говора, до̏ ла̏кта; golǫ̂b, korȩ̂n, nǫ̂hat (и рядом nǫ̂hat), gǫ̂vor (kokǫ̂t); слова на -oz и -ot в словинском языке обычно:

первые придерживаются насуффиксной акцентовки rо́goz, -ǫ́za, gramȍz, -ǫ́za, а вторые наконечной topȍt, -óta, klopȍt, -óta, ropȍt, -óta и т. д., trepȅt, -ę́ta и не могут быть сравниваемы с русскими.

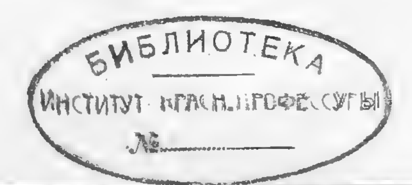
Особого внимания заслуживает им. пад. ед. ч. слова *господь*. Однажды в Псалт. встретилось в этой форме ударение на первом слоге: негóспѡдьли 52 в согласии со слов. gospȏd и сербск. го̏спо̑д (если только последние формы не следует сравнивать с **гос-подъ*); но обычно акцентовкой этой формы в Псалт. является *гос-по̑дь* с напряженным *о̑:* госпо̑дь 9 (87), 132 об., 182 об. (на 161 л. 1 вычеркнуто) и в друг. местах, госпо̑дь 28, госпо̑дь 4, 143, 149, 157, 159 об. bis, 163 об., 164, 181 в согласии с Тотемск. γospȏť 37 и Ряз. *госпо̂дь*. На форму гóсподь я склонен смотреть, как на южнославянское влияние; однажды писец, поставив ударение на первом *о,* не ограничился этим и над вторым *о* написал камору: гóспо̑дь 203.

§ 8. В именах существительных женск. рода с подвижным ударением открытое *ó* обычно; такое *о* появляется в формах вин. пад. ед., дв. и мн. чисел, а в памятниках иногда и в других падежах. Сюда относятся следующие слова: Сборн.: вóдѹ в. п. 14 об., 179 об., вóды мн. ч. 15 об., 142 об.; гóрѹ в. п. 236, востѣи гóрѣ 236 bis, гóры в. п. 108 (сюда же, может быть, следует отнести наречие гóрѣ 21, -е 22 об.), нóгѹ в. п. 183, нóги мн. ч. 23, нóѕѣ дв. ч. 9 об., 39 об., 139 об., нóгѹ | моёю 295, кроме того: дѡ́ски мн. ч. 176 об. Псалт.: вóдѹ в. п. 205 об., вóды мн. ч. 61, 141 bis, 145 об., 146, 201, 218 об.; гóр(оу) в. п. 16, вгѡ́роу 56 об., 205, вгѡ́рѣ 62 об., 135 об., гóры мн. ч. 61, 141 об., 142, 142 об., 160, 180 об., нóѕѣ дв. ч. 52 об., 74, 144 об., 160 об., 169 об., 184, 213 об., нó|ги мн. ч. 221, нóздри мн. ч. 160 об., рóсы мн. ч. 219. Тотемск.: vóždžy 118, góru 117, góry 33, 126, dróždžy 146, kózy, kósy 33, nógu 117, nóǵi 33, nóźri 42, с полногласием: bórodu, gółowy, półosy, skóvorody 43, k stórońe 118, stórony 43. Костр. Шунг.: *вóжжы* 37, *дрóжжы* 29, *кóсу* 74, *нóги* 79, *пóру* 80,

к сторо́не 67. Ряз.: *во́ду, во́ды, во́жъжи, го́ру, го́ры, дро́жъжи, ко́зы, ко́сы, по́лу, по́лы, ро́сы, со́вы, бо́роды;* кроме того: *ко́зну, ско́мьи,* где *о* из *а* по аналогии, и *бло́ху, бло́хи, со́хи,* где *о* из *ъ,* загадочным исключением является: *но́гу, но́ги* и *со́сну* при *сосна́.*

Нисходящее ударение на звуке *о* этих форм доказывается энклизою их при предлогах: *за́ бороду, на́ бороду, по́д бороду* обычно; *за́ воду; на́ воду*; повадился кувшин *по́ воду* ходить, там ему и голову сломить; *по́д воду;* ехать лечиться *на́ воды;* за́водȣ Лет. 272 об., на́водȣ Новг. лет. 621, по́воду Алф. 89, на́воды Мин. 1608 г. 150; *за́ возжу* нар., *за́ вожы* Терск. Греб. (Караулов); *на́ голову, по́д голову*; положить подушку *по́д головы* народн.; поби́ша на́головȣ Лет. 269; *за́ гору;* а то и *по́д гору* и днем Крылов, леший *за́ горы* уйдет Кольцов; *на́ горы;*[1] на́гору Псалт. 29, Сборн. 6 об., за́горы Косм. 49, на́горы Нов. Зав. XIV в. 23, Псалт. 185; *на́ золу* Ряз.; на́козы Тр. П. 1589 г. 399 об.; *за́ косу* ловко схватил он рукой Лермонтов, *на́ косу* народн., *за́ косы* тоже; за́косу Римск. Деян. (изд. Общ. Люб. Др. Письм. 37); *за́ ногу, по́д ногу;* он потопленное тело в воду *за́ ноги* тащит, Пушкин; тихо не лихо: бреди нога *по́ ногу* Даль, Посл.; *на́ ноги;* он *по́д ноги* не стлал ковров персидских, Крылов; за́ногу Кн. Степ. 338 об., на́ногу Требн. 1623 г. 246, за́ноги Сборн. 183 об., по́дноги Псалт. 62, за́нозѣ Новг. лет. 474 об., на́нозѣ Нов. Зав. XIV в. 30 об., Сборн. 39, по́нозѣ і͠сов҃ѣ ӑти Сборн. 1647 г. 597 об., по́днозѣ Ап. 1564 г. 160, до́ногѫ Пал. XVI в. 25, на́ногу своею Ап. 1597 г. 53, ѿ́ногȣ Тр. П. 1589 г. 356, при́ногȣ Ап. 1564 г. 41 об.; за́ноздри Пат. Скитск. 139; *за́ полу;* махнули пола *о́б полу,* ударили рука *о́б руку* Даль,

[1] Я могу даже указать энклизу этого слова в местн. пад., но, к сожалению, в заговоре и песне: *на́ горе* Олон. (Колосов, Заметки 182), ой *на́ гаря* калина Курск., РФВ II, 76; кроме этого слова, в местн. пад. подвергается энклизе *земля:* на́земли Нов. Зав. XIV в. 104, 127, Псалт. 13, 32, Сборн. 243, Ап. 1564 г. 245; энклиза возможна и в род. пад. ѿземлѧ Псалт. 112 (гнул колосья твои *до́ земли,* А. Толстой; а Путятин молвит, *до́ земли* Василисе поклонясь, Суриков; в загадке: не *до́ неба,* не *до́ земли?* Даль, падающие звезды, срвн. еще *о́т почи* Арх. Холм., Мат. № 50).

Посл. 236; и я, безумная, его пустила! я *зá полы* его не уцепилась, Пушкин; *нá полосу* Костр. Кологр., Мат. № 250; сват свату *нá пору* друг Даль, Посл.; *ó пору* и помощь друга Даль, Слов.; скот выгонять *нá росу* Кал. Мещ. (Чернышев); нáросȣ Новг. лет. 386, Тр. П. 1589 г. 53; *нá сковороду* обычно, кроме того Моск. Рузск. (Н. Н. Дурново), Костр. (Виноградов); *зá соху* Вологодск. Никольск., Мат. № 266, Тверск. Каш. (Смирнов), Курск. Об. (Машкин); *пóд соху* наверно клад и попадется, Суриков; *нá сторону,* нáсторонȣ Новг. лет. 599, пóсторонȣ Ратн. 61, нáстороны Плув. (Погод.) 56 об.

Из всех вышеприведенных слов я не уверен в древнем нисходящем ударении слова: «сова» (совр. *сова̀ — сову̀*): в памятниках им. вин. пад. этого слова имеют наконечную акцентовку: *совы̀* Алф. 173 (2), последняя же указывает на принадлежность слова к категории слов с выраженною наконечною акцентовкою: бѣды̀ Нов. Зав. XIV в. 120 об., вдовы̀ Улож. 29, вины̀ Ап. 1564 г. 46 об., дуги̇̀ Кн. Степ. 543, жены̀ Новг. лет. 460 об., и̇гры̀ Лет. 115 об., казны̀ ib. 115, помурзы̀ ib. 188 об., пилы̀ Торж. XVI в. 154 об., рѣки̇̀ Псалт. 100, 134 об., сестры̀ Нов. Зав. XIV в. 21 об., слуги́ ib. 45, снохи̇̀ Кн. Степ. 25, судьи̇̀ Новг. лет. 596, толпы̀ Подл. 3 об., травы́ Нов. Зав. XIV в. 152 об., трубы̀ Новг. лет. 426, тюрмы̀ Улож. 58, ȣ̓зды̀ Косм. 208, хвалы́ Псалт. 105, хулы̀ Ап. 1564 г. 195 об., нащепы̀ Косм. 79.[1] Такая акцентовка обычна у писателей XVIII в. и начала XIX в.: у Сумарокова (ч. VII, изд. 1787 г.): *сестры́* 46, *кумы́* 17, *судьи́* 141, *игры́* 376; у Княжнина (Соч. 1848 г.): взять можно мне в *жены́* I, 631; у Державина (На преодоление врага): и посылал на нас *войны́;* у Богдановича (Соч. 1816 г.): *свечи́* 94; у Вас. Майкова (изд. Глазунова): *лисы́* 202, *сестры́* 196, *вдовы́* 172, *игры́* 216, *трубы́* 252,

---

[1] Накоренная акцентовка является значительно реже: слоу́ги Нов. Зав. XIV в. 51, рѣ́ки Улож. 91 (в этом слове чаще, чем в других), жéны Триф. Кор. 51. Лишь для одного слова такая акцентовка обычна: *пчéлы* Торж. XVI в. 126 об., Сборн. 153, Лет. 7 об., Косм. 128 об., Улож. 19; *за пчéлы* Улож. 170.

сові́ы 234, *змеи́* 236, *слуги́* 407; у Ф. И. Тютчева (Наполеон): но о подводный веры камень в *щепы̀* разбился утлый челн; у А. С. Пушкина: *семьи́, скалы́* (Е. Будде. Оп. грамм. яз. Пушкина. I, 81, 107) и т. д.; народное в загадке: лодка плывет, мертвец поет, ладоном дышет, *свечи́* горят (= пароход), Календарь Вятск. Губ. за 1892 г., 188; *сестры́* мн. ч. Уф. Белеб., Изв. X_2, 99.

Что касается *сôсну* Ряз. при *сосна̀,* то возможно, что наконечная акцентовка *сосна̀* развилась из накоренной, ибо в великорусских говорах и старом языке обычна акцентовка накоренная: *со́сна* Олон. Петроз., Мат. № 30, Вологодск. Кадн., Мат. № 25, Новг. Устюж., Мат. № 28, Арх. Холм., Мат. № 50, Костр. Мак., Мат. № 56, Вятск. Яранск., Мат. № 59, Псковск. Остр., Мат. № 33 и др.; со́сна Алф. 389 об., со́сну Новг. лет. 499 об., ȍ со́сне Hort. Am. 19, 167 об.; у Сумарокова (изд. 1787 г., VII): *со́сна* 215, *под со́сною* 216; так что *ô* в *сôсну* можно рассматривать, как результат прежней акцентовки с восходящим ударением.

Сербский язык обычною энклизою этих слов при предлогах (пȍ воду, ȕ гору, зȁ косу, нȁ ноге, мȅђу ноге и т. п.; но в форме дв. ч. энклиза утеряна: на̀ ногӯ, испрѐд ногӯ) указывает также на нисходящее ударение.

В словинском языке большинство слов имеет в им. пад. ед. ч. акцентовку, свидетельствующую о древней наконечной: gốra, kósa, kóza, nóga, póla, rósa, sóha, sóva, vóda, а в вин. пад. наконечную, свидетельствующую о древнем нисходящем ударении коренной гласной: gorǫ̑, kosǫ̑, vodǫ̑ и т. д., а с предлогом же za gǫ̑ro, na vǫ̑do; русск. *дро́жжи* соответствует вполне слов. drožję̑. Что касается слов. nǫ̑zdra при сербск. нȍздра, то это слово иного образования, нежели русское ноздря̀ (< nozdrja): срвн. параллельные формы слов. nǫ̑zdrva, сербск. нȍздрва, а в словах на -va (см. несколько выше) обычно восходящее ударение корня.

§ 9. В именах существительных среднего рода на *-о, -е* обыкновенно в корне бывает открытое *о*. Сборн.: го́ре|ми 14,

гóре 75 об., 76; лóжа р. п. 124; мѡ́ре 113, вмѡ|ри 283, пóле 301, слѡ́во 4, вслѡ́вѣ 327; Псалт.: кóло 115, лóже 7 об., 54 об., мóре 142 об., 159 об., -ѧ р. п. 150 об., 191, мн. ч. 219, вмѡ́ре 152, 204, 226 и в друг. местах, -и 148 об., -ѣ 212 об., -ѣхъ 224 об. (186 об.), вп͠ѡ́лѣхъ 183 об., слѡ́во 54 об., 141, 144, 144 об., 146, 151 об., 168 bis, 169, 170, 183, въ- 171 bis; Тотемск.: póľö, -ä, -ü, öm 120, móŕö, sľóvo 33 и с полногласием kóľokoľo 43; Костр. Шунг.: *в пóле* 61; Ряз.: *гóре, лóже, мóре, пóле, прóсо, с прóсом* (приведено наблюдателем в противоположность твор. пад. *спрôсом*), *слóво,* кроме того, *зóлото.*

О древнем нисходящем ударении коренной гласной свидетельствует слов. язык своим переносом ударения на окончание: gorjȩ̑, morjȩ̑, poljȩ̑ (возможно и сохранение нисходящего ударения на корне: mǫ̑rje, pǫ̑lje); kolǫ̑, prosǫ̑, slovǫ̑, -ȩ̑sa (но в новообразовании slóvo — slóva), zlatǫ̑, а также сербский и русский язык развитой энклизой этих слов при предлогах: сербск. шток. ȳ поље, на̏ пољи, ȍkolo; чак. nȁ more, dȍ mora; русск. гóре нáгоре Сборн. 1647 г. 133 об.; *ý горя* и догадки; не *пó горю* плачут, а *óт горя;* Пятрок спиць сабе *бéз горя* Могил. Чер., Ром. IV, 132; ѝзморѧ Торж. XVI в. 215 об., дóморѧ Новг. лет. 398, ѿ́морѧ Псалт. 95 об., пóморю Нов. Зав. XIV в. 9, прѝмори Ап. 1564 г. 39, нáмори Сборн. 106, нáдморе Новг. лет. 391 об., нáморѣхъ Псалт. 29; *ý моря* погоды ждать; с ними *ѝз моря* выходит... (Пушкин) и т. п.; дóполѧ Новг. лет. 526, нáполе Псалт. 212 об., нáполехъ Новг. лет. 630 об.; худая трава *ѝз поля* вон; *вó поле* пóле затóпали кони, заревел медведь на ярмарке (песты и жернова на мельнице), Даль; *óколо,* народн. *óкали* Моск. (Чернышев); бéзслова Ап. 1564 г. 65 об., нáдъслово Охт. 1594 г. 179, нáсловѣ Лет. 292, сóсловом Тр. П. 1589 г. 51 об.; и слово *зá слово* знакомятся они (Крылов); *зá словом* в карман не полезет; я *óт слова* до слова его бы затвердил (Лермонтов); красно мое *нá золоте* — ласка (Куликовский), *пóд золотом* (о кинжалах Терск. Греб., Караулов). Одно

лишь слово *лóже* вызывает у меня сомнение в принадлежности к предыдущей категории слов не только в виду слов. lǫže и чешск. lůže, но также и потому, что как я ни старался, но не мог определить, к какой категории слов принадлежит означенное слово в тех памятниках, откуда я привожу обыкновенно примеры. Дело в том, что все вышеприведенные слова чуждаются наконечной акцентовки, слово же *лóже,* а также и другое *лóно* (чешск. lůno) нередко имеют последнюю: наложи́ едином Нов. Зав. XIV в. 36 об., наложи́ своѐмъ Псалт. 45 об.; ѿложа̀ Торж. XVI в. 648 (654), Злат. 238 (срвн. долóжа Торж. XVI в. 5, налóже Хрон. 193, Лет. 53, налóжи Сборн. 1647 г. 511, раз даже с энклизой на́ложе свое Пал. XVI в. 22); налонó Нов. Зав. XIV в. 36, Новг. лет. 386, лонò Злат. 194 об., ло|на́ своего́ Псалт. 182 об., налонѣ̀ Нов. Зав. XIV в. 48 об., Сборн. 75 об., Новг. лет. 448 (срвн. влóнѣ Hort. Am. 87, ѹлóна ib. 255, налóнѣ Сб. 1647 г. 101 об. и раз даже: на́лонѣ Тр. П. 1589 г. 405 об.) и также в дубликате его: налонѝ очи Кн. Степ. 573 об., налонѐ в. п. Злат. 275 (срвн. влóни Торж. XVI в. 105 об., лóне мое Хрон. 298 об.). В виду сего вопрос об исконности открытого *о* в слове *лóже* (а также и *лóно,* если таковое встретилось бы с открытым *о* в говорах или памятниках, знающих *ô*) я оставляю открытым.

В противоположность слову *зóлото* с открытым *о* имеют правильно напряженное *о:* bołôto, mołôka Тотемск. 43, *болôто* Грязов., *воруóта* Костр. Шунг. 71, неск. раз, *-ам* ib., *-ах* ib., *болôто* Ряз.

Слово *гóрло* Ряз., gôrło Тотемск. 39 имеет *о* из *ъ*.

§ 10. В трехсложном сóчивѹ Сборн. 38 об. открытость *о* обусловлена нисходящим ударением, засвидетельствованным слов. языком: sočȋvǫ, срвн. tvorȋvǫ, vozȋvǫ, kolȋvǫ, kurȋvǫ и т. п. (русск. мéсиво, мéливо, крýживо, сѐчивомь Псалт. 99 об., кóливо Требн. 1623 г. 297). Суффикс -iv имел нисходящую долготу: сербск. пȋво, русск. на́пиво Улож. 337 об. *на́ пиво* не теча Новг. Череп., Ж. Ст. 1893 г. III 382, *пó пиво* Костр. Мак., Мат. № 56 (срвн. напряженное *ô* при суффиксе -ilo, § 33, I).

§ 11. Открытое *о* встречается в следующих именах существительных женск. рода с основою на *ĭ:* Сборн.: кости в. п. 23-2 об., нώщъ 129 об., сόль 27 об., 107 об., сόли р. п. 106 об., сόлїю 205 об., бόль 156 (кроме того: кόзни им. п. мн. ч. 155 об., крώвь 11 об. (285 об.), вкрό|вь 113 об., къкрόви 9 об., крόвми 287 об., скώрьбь 101, скώрбїю 8 об., вскόрбѣхъ 10 bis, вскώрбѣхъ 73 об.); Псалт.: кόсть 191, 193 об., вкώсти в. п. 155 об., 213 об., вкώстехъ 49 об., нὸщь 3 об., нόщь 191 bis, нόщїю 18, 178 об. (146), внώщи м. п. 169, внώщехъ 185 (кроме того: вькрώвь 145 об., крώ|ви р. п. 191 об., крώ|вми 149 об., скώрбь 26 об., 161 об., ѿскώрби 163, въскώрби м. п. 5, скώрбеи 31 об., трώсть 59; Тотемск.: boľ, drop 37, koś, noć, nóći р. п., nóće д. и м. п., nóćįöį, nóći мн. ч. 122, k nóći 112; кроме того: voš, droš, žoľš, łoš 37, doć, brof, bróv́i мн. ч. 34; Костр. Шунг.: *с нόчи* 64, *к нόче* ib., *вόлосте* 64; Ряз.: *боль, дробь, кость, новь, ночь, соль, вόлость, кόрапь* (=короб) род?, кроме того: *бровь, вошь, дочь, кровь;* исключением является: «кричать во всю *мόчь*» не под влиянием ли неопределенного наклонения от глагола *могу.*

Открытое *о* в этой категории слов обусловлено некогда бывшим на нем нисходящим ударением, которое может быть доказано:

1) распространенною энклизою этих слов при предлогах в памятниках и русских говорах: *бéз боли* Ярославск. Ром.-Борис.; *прό волость* Костр. Варн.; нáволость Сим. лет. 563, пόволости Новг. лет. 495 об., нáволости в. п. ib. 520 об., ѿ́власти Ратн. 14 об., сόвластїю Новг. лет. 654 об., кόвластемъ Ап. 1597 г. 187 об.; *бéс кости* Вологодск. Тотемск., Ж. Ст. 1906 г. I, 62; милого побои не *нá кости,* Даль, Посл.; дόкости Пат. Скитск. 380; стати нáкостехъ Сим. лет. 217 об., 244 об., 262 об.; с утра *дό ночи,* ходил *όт ночи дό ночи,* Костр. (Виноградов), зашла беседа ваша *зá ночь* (Грибоедов), *пόд ночь;* ӥзнощи Тр. П. 1589 г. 103 об., пόнощи Сборн. 1647 г. 223, ώбнощь Торж. XVI в. 297, нáночь Сборн. 213, прӥнощи Ратн. 205 об.; неми-

лого целовать, что щи *бéз соли* хлебать; благодарить: за хлеб, *зá соль, зá щи* с квасом..., Даль, Посл. 119; *нá соль* Влад. Юрьевск. (Чернышев), *нá соли* м. п. Тульск. Новос. (Будде).[1]

2) Сохранением нисходящего ударения в сербском и словинском языках (сербск. [бȏл — м. р.], влȃст, [дрȏб — дрȍба], кȏст — кȍсти, нȏћ — нȍћи, сȏ — сȍли; слов. bộł, -i, drộb — drobî, vlâst, -î, kộst, -î, nộč — nočî, sộł — solî). Не совсем ясно проникновение в словинском языке в эту категорию слов ọ: kộv, dộb, gộł, hộd, mnộž, ộr, ộs, ộst. Не произносились ли эти слова первоначально с восходящим ударением, под которым и развилось ọ (срвн. слов. mệd, -î, pệst — pestî, rîs, pệsǝn, -sni при сербск. мȅд, пȅст, рȉс, пȅсма; срвн. еще nȉt, но уже в род. пад. nîti, в сербск. нȉти)? Чешский язык противоречит вышесказанному только одним своим sůl.

§ 12. Открытое *о* в двухсложных словах женского рода на -ъ с ударением на первом слоге (Ряз.: *лóшадь, плóщадь*) также обусловлено бывшим некогда на нем нисходящим ударением, о котором свидетельствует энклиза этих слов при предлогах: Молчалин *нá лошадь* садился (Грибоедов); *пó лошадь* Костр., Ж. Ст. 1897 г. III—IV, 462, Вятск. Нол., Мат. № 52; *зá лошадью* Моск. Рузск. (Н. Дурново); за̑лошадь Улож. 56 об., 315, на̑лошедь Журн. Шерем. 185 об.; пусть *нá площадь* идет, Тредьяковский I, 72; и пошел Садко прямо *нá площадь* (Суриков); на̑площадь Кн. Степ. 464 об., на̑площадї в. п. Нов. Зав. XIV в. 32 об.; срвн. слов. ploščâd.

Имена сущ. ж. рода на *-ость* имеют при ударении на первом слоге открытое *о:* Сборн.: ѝзгбрестїю 196 об., крѡ́тости р. п. 41, крбтостїю 14 об., с҃- 149 об., кроме того *о* из *ъ:* ббдрѡсть 220; Псалт.: гбрести р. п. 12 об., 209 об., крѡ́тость 183 об., ѝкрѡ́тости р. п. 59 об., доскѡ́рости 201; кроме того

[1] Рядом возможны формы и без энклизы, что наблюдается уже в памятниках: подвла́стїю Новг. лет. 422 об.; отко́сти Хрон. 311 об.; обно́щъ Новг. лет. 532 об.; безсо́ли Кормч. 1650 г. 13 об. (III).

о из *ъ:* вгѡ́рдѡсти 12;[1] Ряз. *го́ресть, но́вость.* В настоящее время эти слова в русском языке энклизе при предлогах не подвергаются (или очень редко), но в древнерусских памятниках энклиза их возможна, хотя и не часта: на́кротость Торж. XIV в. 62 об., на́бодрость Мин. 1608 г. 157 об., ѿгордости Сборн. 273 об., 286, бе́злѣпости Нов. Зав. XIV в. 128 об., (сербск. за̏ лудо̑ст, о̏д лудости, за̏ милошħу, бе̏з жалости); срвн. слов. gorȩ̂st, novǫ̂st, krotkǫ̂st, bolȩ̂st, dobrǫ̂st, mnogǫ̂st, grdǫ̂st, lȩnǒst и т. п.; о нисходящем ударении в этой категории слов свидетельствует и русск. *мо́лодость.*

§ 13. В сложных именах сущ. муж. рода типа *по́вод* и женск. рода типа *по́мочь,* т. е. с ударением на приставке, обычно открытое *о.* Сборн.: оу̂по́греба 155 об.; и̂пѡ́двиг в. п. 135, по́двизѣ 130, по́двигомъ 29 об., ѿпо́мысла 140 об., по́мыслꙋ д. п. 36 об., по́мыслъ р. п. 21 об., ѿ- 203 об., о̂по́мыслехъ 22 об., прѡ́мыслꙋ д. п. 275 об., по́ꙗсъ 9; по́вѣсть 112, и̂по́вѣсти 5, по́мощъ 32 об., 104, про́пасть 264 об., прѡ́пасти 29, впрѡ́пасти 126 об., впро́пасти в. п. 29, пѡ́хоти в. п. 240 об., по́хоте[х] 274 об., 275 об., по́чести р. п. 43, 45 об., в. п. 26 об. (срвн.: во́здꙋхъ 143 об., 307 (11 об., 113), не- 23-2, во́зраста 32, ѿво́стѡка 111 — редкая акцентовка; несо́вѣсть 40); Псалт.: по́ꙗсъ 155 об.; по́мощъ 24 об., 154, 178 об., впѡ́мощъ 43, 51, по́мощи р. п. 2; впѡ́хотѣ[х] 12; Тотемск: pȏvot, pȏxorony 33, но: pȏgŕop 33, pȏgŕöby 120; Ряз.: *по́вод, по́греба* р. п., *по́яс, по́дпол, про́мысел; про́лубь, по́честь.*

Нисходящее ударение на приставке таких слов доказывается:

1) распространенною энклизою подобных слов при предлогах в древнерусских памятниках и сохранением энклизы их в великорусских говорах; напр.: а) но *за́ повод* коня схватил (Лермонтов); наш воевода, что понурая кобыла: *за́ повод* возьми, куда хошь веди (Даль, Посл. 225); на́погребѣ Торж. XVI в. 565;

[1] О случаях из Псалт.: вмерзѡ́стехъ 208 об., премудрѡ́сти 158, и̂ро́стїю 213. См. выше в введении.

на́|подвигъ сеи ib. 164 об., ѿподвигъ[1] 506, на́подвиги Сборн. 1647 г. 566 об.; бе́зпо|мысла Сборн. 19-2 об., ѿ помысла ib. 75, 114; *за́ пояс* в работе он заткнет любова (Некрасов); Пантелей-государь ходил *по́ полю*, и цветов, и травы ему *по́ пояс* (А. Толстой); с дураком дружись, а обух *за́ поясом* держи (Даль, Посл. 479); ѿ поѧса Ратн. 71 об., до́поѧса Подл. 148 об., бе́споѧса Торж. XVI в. 599 об., при́поѧсѣ Требн. 1623 г. 373 об., о́поѧсѣ Подл. 198 об. (срвн. еще у других слов: по́возрастꙋ Ап. 1564 г. 73 об., на́запад Час. 1565 г. 11 об., на́западѣ Ап. 1564 г. 88, на́запады Псалт. 86, до́западъ ib. 65, до́йскꙋпꙋ Улож. 47, по́дъо́блакомъ Ап. 1564 г. 122 об., во́ѡ́блацѣ ib. 122 об., на́ѡ́блацѣхъ Охт. 1594 г. 263, по́ѡ́бразꙋ Ап. 1564 г. 218 об., за́ѡ́бразъ ib. 191, пре́дъо́бразомъ Тр. П. 1589 г. 371; бе́зобыскꙋ Улож. 305 об., на́о́кꙋпъ ib. 5 об., ѡ́покꙋпъ Сборн. 1647 г. 507 об., *на́ остров* Олон. Петроз. (Куликовский), на́островъ Лет. 124 об., на́о́стровѣ Кн. Степ. 608, во́о́стровы Тр. П. 1589 г. 359; на́ѿкꙋпъ Улож. 240 об., за́прокормъ ib. 48, на́про́мыслъ Косм. 107 об., во́ꙋжасѣ Псалт. 88; б) на́повѣсть Сборн. 1647 г. 686; бог *на́ помочь* народн., бе́спомощи Псалт. 120, на́помощь Новг. лет. 547, за́помощь Пал. XVI в. 150 об.; ѿ похоти Сборн. 23 об., на́похоти ib. 275 об.; за́почесть Тр. П. 1589 г. 163 об., на́почесть Кормч. 1650 г. 271 (срвн. ѿ зависти Сборн. 158, по́зависти Ап. 1564 г. 167 об., по́записи Улож. 274, по́заповѣди Тр. П. 1589 г. 204, по́заповѣдемъ Ап. 1564 г. 82 об., ѝзаповѣ|де[x] Сборн. 239 об., *на́ исповѣдь* Новг. Устюж., Мат. № 28, Кал. Мещ. (Чернышев), по́ѡ́бласти Ап. 1564 г. 121 об., *на́ опаш* нар. Олон. Петр. (Куликовский), ко́ѡпаши Кн. Степ. 53, со́ѝпашью Тр. П. 1589 г. 230; по́переписи Новг. лет. 618 об., на́пособь к ним́ не пошли́ Улож. 311, на́прелесть Торж. XVI в. 125 об., йсприбыли Арифм. (ГПБ) 144, на́проповѣдь Торж. XVI в. 576, о́проповѣди Ап. 1564 г. 45 об., на́роспись Ратн. 40 bis);

[1] Эти слова, в отличие от односложных (см. § 5), подвергаются энклизе и в род. пад. мн. ч.

2) энклизою подобных слов в сербск. языке: за̏ појâс, у̏ облâке, на̏ дохвâт; чак. vȁ razgovōr Изв. XIV_2, 212, и

3) переносом ударения на слѣдующий слог в словинском языке; pojâs, oblâk, obîsk, izkûp (o-, po-, od-), vzrâst; pomộč, počâst, povệst, propâst, zavîst, oblâst, pohột (ọ под влиянием hộčeš), izpộvẹd (pro-, za-); что касается prẹ́lαst, то это слово в слов. языке заимствованное из ц.-слав. языка. Иногда в слов. яз. им. сущ. муж. рода имеют акцентовку другого типа: obràz, -ráza; ostròv, -rộva; pogrèb, -grẹ́ba; podvìg, -dvíga; zapàd, -páda; удивляться этому не следует, ибо даже в пределах одной языковой области наблюдается подобное колебание: лит. *на́сморк* и *насмо́рк, о́бухом* и *обу́хом, за́мах* и *зама́х;* теперь мы говорим *при́став, при́знак,* а в памятниках и у писателей XVII в. *приста́в, призна́к.*

С великорусской акцентовкой *по́вод* не следует сопоставлять малорусскую *на́рід,* являющуюся часто в соответствии с великорусскою *наро́д* (напр.: *до́каз, за́кін, за́твір, за́хід, на́каз, на́мек, по́жар, по́клад, по́мет, при́пас, при́плід, ро́звід, ро́зказ, ро́зкіл, у́род, у́тес, у́хват* и много других); здесь приставка безусловно была под древним восходящим ударением: не говоря об отсутствии энклизы этих слов в малорусск. наречии, укажем, что приставка *пере-* обычно в таком случае имеет ударение на втором слоге: *пере́ворот, пере́їзд, пере́полох, пере́рив, пере́суд* и др. С малорусским же *до́каз* следует сопоставлять чешск. důkaz (еще: důhon, důmysl, důchod, důvod; původ, půboj, způsob, průběh, průchod, průlom, průmysl, průsek, průtok и т. п.), и это весьма правдоподобно в виду обычного сохранения долготы старых долгих гласных в этом случае: základ, záchod, zákon, národ, nákaz, příplod, útok и т. п. (срвн. приставку vý-, которая, без сомнения, была искони под восходящим ударением). Точно также и чешск. ů в приставках других категорий слов: důvěra, průprava; důstatek, půžitek, průčelek, zůstatek, důminka; průpověd, průseč (důležitost); důstojný, průsvitný, průvodný и т. п. должно быть сопоставлено с малорусским: *пере́става, пере́їда; пере́м̄-*

сок; перéвязка, перéдїлка, перéкладка; перéйди, перéсїчь, перéболонь; перéкупний, перéхiдний.

Подобно тому, как мы некоторые немногочисленные сложения слов. языка типа vinǫgrad сравним с малорусским *чернóслив* (см. § 61), так точно придется допустить подобное сравнение и в словах, сближенных с приставками; сюда относятся: pǫdsęd (нар. zapǫred); pǫdprda, pǫdpernja, pǫstelja (малор. *пóстеля*); prǫstiralo; pǫstelj, dǫmlati.

§ 14. I. Те двухсложные прилагательные, которые в членной форме имеют ударение на окончании, в нечленной форме, за исключением им. пад. ед. ж. р. и им.-вин. пад. мн. ср. р., таковое имеют на корне и подвергаются энклизе при предлогах и отрицании *не;* напр.: благóє Ап. 1564 г. 66; блáгꙋ в. п. Тр. 1623 г. 667 об., но: благà ж. р. Сб. 1647 г. 48; вóбл҃го врéмѧ Требн. 1623 г. 479; = *босóй* бóсꙋ д. п. Сб. 1647 г. 704; обули *нá босу* ногу, Даль, Посл. 132; = глꙋ́хíе Улож. 117 об.; глоу́хи ib. 33 об.; нáглꙋхо ib. 91; = *густóй; гýсто* нар.; *нá густо;* = ѿдесны́ѧ Тр. 1623 г. 35 об.; начáло дéсно Сб. 1647 г. 5 об.; нáдесно ib. 171; = *дорогóй; дóрого;* купи *зá дорого,* продай *зá дешево,* Даль, Слов.; = *другóй;* имя сущ. *друг-дрýга;* друг *бéз друга* они не ели и не пили, Крылов; друг *нó други,* а бог по всех; дрꙋгъ сóдрꙋгоⷨ Новг. лет. 468 об.; зáдрꙋги ib. 637; = живóмꙋ Охт. 1594 г. 261 об.; воды̀ жи́вы р. п. Сб. 1647 г. 78 об.; о, лучше в могилу мне *зá живо* лечь, Некр.; = златы́й Охт. 1594 г. 278 об.; ведрò злáто Сборн. 1647 г. 490 об.; красно мое *нá золоте* (Куликовский); = *косóй;* кóсо Ратн. 74; *и́скоса;* = кривы́мъ тв. п. Тр. 1623 г. 262 об.; кри́вꙋ д. п. Сборн. 1647 г. 673 об.; ктò поцелоу́ет кр҇тъ нáкривѣ Улож. 26; лихóй; ли́хо ср. р. Сб. 1647 г. 622; не *óттесна* плачут, а *óтлиха* (Даль, Слов.); одобрѣ | и ѻ̆лихѣ Сим. лет. 535 об.; намлады́ѧ Тр. 1623 г. 284; млáда р. п. м. р. Охт. 1594 г. 198 об.; и̏змлада Мин. 1608 г. 15 об.; месяц *нá молоде* Даль, Слов., луна перевертывается с вётху *нá молод* ib.; = нагóю Сборн. 1647 г. 167; вна́зѣ ib. 830 об.; пóнагоу Ев.

1606 г. 197 об.; *простóй;* спрóста Сб. 1647 г. 53; пóпростꙋ Ратн. 99 об.; играют *зá просто* в бостон, Крылов; нéпростѡ Сб. 1647 г. 552 об.; прамáѧ Улож. 163; прáмы Сб. 1647 г. 109; дóпрама Улож. 66; = пꙋстóе ib. 199; лежáть пꙋсты ib. 36; *пó пусту* девица милого звала, Суриков; святóй — свáтꙋ в. п. Охт. 1594 г. 355; жить пó *святу,* Даль, Слов.; = *скупóй; скýпо;* пóскꙋпꙋ Кормч. 1650 г. 313 г.; = слѣ́пыѧ Тр. П. 1589 г. 131; слѣ́пы в. п. Сб. 1647 г. 785; *сóслепу;* сꙋхáѧ Тр. 1623 г. 546; сосца̀ сꙋха дв. ч. Сб. 1647 г. 502; пóсꙋсѣ землѝ Ап. 1564 г. 223 об.; отошел, как *óт суха,* Даль, Слов.;= *холостóй;* не *пó холосту* живем, Даль, Посл. 401; хꙋдáѧ Улож. 30 об.; хоýды ib. 7; *прú худе* худо, а *бéз худа* еще хуже, Тверск. у. (срвн. шток. бо̑с, глу̑х, гу̑ст, дра̑г, дру̑г, жи̑в, кри̑в, мла̑д, на̑г, пу̑ст, све̑т, ску̑п, сли̑јеп, су̑х; чак. blâg, drâg, glûh, gûst, hûd, krîv, mlâd, pûst, svêt, sûh, zlât, žîv).

Вследствие изложенного вполне понятно, что у таких имен прилагательных в нечленной форме будет наблюдаться открытое *о,* ибо оно находилось под нисходящим ударением; Сборн.: прѡ́сть 42 об., прóстѡ 70 (100), *-а* р. п. 165, *-ꙋ* в. п. 41 об., *-ы* мн. ч. 173 об., 239, Ряз. *прóсто,* а также и в членной форме, явившейся по аналогии к нечленной, вместо *простóй, прóстый;* сербский (про̏ст, -а, -о) и словинский (prȍst, prósta при prǫ́st, prǫ́sta) языки указывают на принадлежность этого прилагательного к другому типу акцентовки.

Далее, сюда относятся Тотемск. płох, płóхо (срвн. плохóй), bos 37 (срвн. слов. bǫ̑s), bółoźe, dórogo, mółot 43, Ряз. кóсо, мóлод.

II. Два имени прилагательных, сохраняющих в членной форме накоренную акцентовку и имеющих в ней *ô,* в нечленной форме имеют открытое *о.* Надо заметить, что энклиза их в нечленной форме очень распространена в русском языке, а потому можно думать, что они в этой форме имели нисходящее ударение, превратившееся в членной форме в восходящее (срвн. отсутствие энклизы их в членной форме). Это — *новый* и *скорый.* Сборн.:

но́въ 9 об., 103 об., 173 об., -о 18, 113 об., -ꙋ 173 об., -ы мн. ч. ib., вно́вѣ 231; вско́рѣ 73 об. (102); но: скоро̂е 31, кроме того, неясно, почему в им. пад. ед. ч. муж. рода: скоръ 41 об. bis; но̂вое 15 об., но̂вын 150 об., 157 об., -ое 174; Псалт.: бо̂гъ но̀въ 113, нано́въ мѣсяцъ 112 об., но́вꙋ в. п. 40, 52 об., 132, 197, 201 об.; ско́ро 46, 190, 195, вско́рѣ 4 об., 7 об.; в Ряз. произошло уподобление в одном случае к форме членной: не только *но̂вый,* но и *но̂в, сно̂ва,* а в другом к нечленной: не только *ско́ро,* но и *ско́рый.* Слов. nǫ̂vi подкрепляет о̂ русского языка в членной форме и имеет по аналогии ǫ̂ в наречии zno̍va, izno̍va; но в нечленной форме имеет наконечную акцентовку: no̍v — nóva против сербск. но̏в, но̏ва, но̏во; точно также и в наречии слов. skórǫ при сербск. ско̀ро является наконечная акцентовка. В виду отрицательных данных в слав. языках весьма ценным показателем нисходящего ударения в русской нечленной форме является вышепомянутая энклиза этой формы при предлогах: готова *сызнова* сказать, Грибоедов; *по́ нову* сеять, *по́ нову* ехать, Даль, Слов.; *за́ ново; на́ ново; на́ нове,* Даль, Слов., Кас. Мещ. (Чернышев); и̂знова Ратн. 13, не́новꙋ д. п. Ап. 1564 г. 157 об., не́новѣ ib. 203; *по́ скору* народн., Даль, Слов.; все *на́скоро* в пути замечу на полете, Крылов; *на́скоре* слепых рожают, Даль, Посл. 614; по́скоро (бе̂пѣнїѧ) Тр. П. 1589 г. 276 об. 359; на́скорѡ Ратн. 128, на́скорѣ Сб. 1647 г. 242, не́скоро Ап. 1564 г. 187 об. Повидимому, к этим словам следует отнести: Тотемск. xvôroj 37, ńezdorôvoj ib. (срвн. *здо́рово!*), Ряз. *пло̂ский* (слов. plôsk, plóska).

§ 15. Имена прилагат. с суффиксом *-ък-,* несмотря на указание случаем *коро̂ткий* при *ко́ротко,* не имеют отличия в звуке *о* между членной и нечленной формами и имеют безразлично то *о́,* то *о̂* в той и другой форме, находясь под сильным влиянием родственных образований, в частности образующих слов: *го́рький, кро́ткий, ро́бкий, ло́вкий, гро́мко, хо́дкий* Ряз. под влиянием *го́ре, кро́тость, *ро́бость, ло́в, гро́м, хо́д,* а *ло̂мок, то̂пок, хо̂дко* Вологодск., *ко̂лкий, но̂ский, ло̂вкий* Ряз., *бо̂йкий* под влиянием *ло̂миш,*

тôпишь, хôдишь, кôлешь, нôсишь, лôвишь, бôй. Приведем данные: Сборн.: гóрекъ 216 об., 301 об., 315 об., гóркѡ 124 об., 197; гóркїа 322, -ѹю 291, -ими 125 об., 199 об.; крѡ́токъ 17 об., 206 об., -ко 134 об. (230), -кѹ д. п. 244 об.; и̂кро́|ткагѡ 141; кроме того: тѡнка р. п. 72 об.; Псалт.: гóркѹ в. п. 81 об.; кроме того: пóлзѡкъ 43; Тотемск.: góŕkoį 128 (при goŕkóį ib.); lóvok 127 (при lofkóį 128), róbok, rópko, rópki, rópkoį 127 (при ropkóį ib.); но: lômok 39, 127, tôpkoį 127, korôtka 43; правильно *о* из *ъ*: tónok 127; Грязов.: *хо́дко;* Ряз.: *го́рько, го́рький, гро́мко, кро́ткий, ло́вкий* (= лит. *ло́вкий*), *ро́бкий, хо́дко, хо́дкий* (кроме того: *то́нкий, то́пкий* от слова *топтать*), но: *бôйкий, зôркий, кôлкий, лôмкий, лôвкий* (которого легко ловить, ловливый), *нôский, тôпкое болôто, тôпкая печь, корôткий.*

Для сравнения представляет интерес лишь слов. lǫmαk, ибо другие прилагательные имеют в этом языке наконечную акцентовку: górak, krótak или krotâk, zvónαk, tópαk и т. п. (срвн. русск. *лего́к,* а в членной форме: кроткы́и Пал. XVI в. 133 об., горкóю ib. 41, кро́ткия Новг. лет. 574 об., кроткáго Ап. 1564 г. 65 об.; отметим энклизу некоторых из них в нечленной форме: не́кротци Пал. XVI в. 182; Тр. П. 1589 г. 293 об., нáкороткѣ 166 об.).

§ 16. В именах прилагательных с суффиксом *-ĭjo-* наблюдается колебание *о* и *ô:* Сборн.: бó|жїа мн. ч. 319; но: вкôзїахъ 166 об.; Псалт.: бóжїи им. п. ед. ч. 107, 119 об., -їє 114 об., 132, -їа р. п. 86, ср. р. мн. ч. 84, 111 об., -їю в. п. 23, -їи мн. ч. 62 об., -їихъ 105 об.; кóзлихъ 208, но: кôзлїю в. п. 66; Ряз. *бóжий, кóзий.* По сравнению с сербским языком здесь, повидимому, было в древности восходящее ударение: кра̏вљӣ, ми̏шјӣ, пти̏чјӣ, ри̏бљӣ, бо̏жјӣ, ко̏зјӣ. В словинском языке в большинстве случаев наблюдается напряженное ọ: kǫ̂zji, ǫ̂rlji, ǫ̂sji, ǫ̂včji, sǫ̂vji, škǫ̂fji, sokǫ̂lji, otrǫ̂čji, volǫ̂vji, sokolǫ̂vji, sinǫ̂vji, bratǫ̂vlji; что касается bóžji, kóblji (коневий), kózlji (срвн. имя сущ. kǫ̂zlja — стручек), то они имеют ударение оттянутое, срвн. сербск. ву̏чјӣ,

вра́нчјй. Следовательно, надо допустить влияние со стороны образующих слов *бо́г, ко́зу.*

Здесь же упомянем: ѡтсѣ́ти ло́вча Псалт. 126 об., но в Ряз. *ло̂вчий, го̂нчий.*

§ 17. В Псалт. встречаются следующие интересные формы 1 л. ед. ч.: по́ю 10 об., 15 об., 33, 199 об. и по аналогии: воспѡ́ю 143 об., 153, 189 об. (срвн. рядом пою́ бг҃оу 143 об., пою̀ 153, пою́ тебѣ̀ 153 об.); взы́|въ 74 (в других лицах только насуффиксная акцентовка: пою́ть 201 об., взѡвоу́|ть 83 об., призове́мъ (101).

Прежде всего отметим, что формы *по́ю* и *зо́ву* являются вполне обычными для русских памятников XVI в., напр., в старопечатных московских книгах: по́ю Ап. 1564 г. 230, Тр. П. 1589 г. 16; зо́въ Тр. П. 1589 г. 126 об., Охт. 1594 г. 47 об. (кроме того: по́ю Торж. XVI в. 166); они стоят не особняком: а̂зъ жи́въ Тр. П. 1589 г. 201 об. (в формах других лиц наконечная акцентовка: зове́мъ Тр. П. 1589 г. 179, живе́те ib. 211 об.); такие же формы возможны и от глаголов на *-ити* и *-ѣти (-ати):* 1) го́ворю Ратн. 67 об., 217 (срвн.: говоря́тъ ib. 223); 2) бо́юса Тр. П. 1589 г. 39 об., бѣ̂жъ ib. 331 об., ле́жъ ib. 102, 114. Безусловно *о* в этих формах должно было иметь нисходящее ударение, ибо с приставками эти глаголы и другие им подобные переносят ударения на приставку: при́зовъ Ап. 1564 г. 230, Час. 1565 г. 117 об., во́ззовъ Ап. 1564 г. 239 об.; на́ведъ Тр. П. 1589 г. 110 об., при́ведъ 1600 г. 166, по́женъ Час. 1565 г. 115 об., при́несъ Охт. 1594 г. 276, по́несъ Тр. П. 1589 г. 107 (срвн. еще: ѝвве́дъ Тр. П. 1589 г. 64 об.); со́творю Тр. П. 1589 г. 101, по́треблю ib. 231 об., по́корю ib. 417 об., на́оу̂чю Час. 1565 г. 25 об., во́звѣщъ Служ. 1602 г. 333 об., по́ложъ Псалт. 1568 г. 13 об.; ѿ́стою Ап. 1564 г. 175 об., кого́са оу́бою ib. 230[1] (срвн.: в Тр. П. 1589 г., а подобно ей и в других памятниках, формы других

[1] Все эти формы встречаются и с наконечной акцентовкой, вроде положъ Тр. П. 1589 г. 150 об.

лиц всегда с насуффиксной акцентовкой: призове́ши 124 об., дайзведꙋ́тъ 112, принесе́мъ 108 об., сотвора́тъ 75, непокори́мсѧ 147, возвѣсти́тъ 111, оубѣжи́мъ 84 об. и т. д.). Подобные формы встречаются и в летописах: го́ловꙋ по́ложꙋ зановгоро̑ Новг. лет. 488 об. (срвн. еще 558 об.), о́тложꙋ ib. 642; но в формах других лиц ударение находится на окончании: положи́мъ 400 об., возложа́тъ 398 об. и с более новою акцентовкою поло́жатъ 398 об. Гораздо реже наблюдается ударение на приставке от глаголов типов *ношу́ — но́сишь* и *вяжу́ — вя́жешь*: о̑мочю Час. 1565 г. 102 об., Час. 1598 г. 116 (срвн. о̑мо́чить Ев. 1606 г. II, 86 об.), при́ношꙋ Охт. 1594 г. 231 об., 389 об. (срвн. прино́сите ib. 40); да по́кажꙋ Новг. лет. 192 (срвн. пока́жемъ ib. 344 об.), во́здѣжꙋ Час. 1565 г. 74 (срвн. возде́же Тр. П. 1589 г. 179 об.).[1]

Вопрос, русские ли это формы или занесенные с юга славянства, должен быть решаем с большо̀ю осторожностью. Существование в южнославянских рукописях подобных форм мною найдено в «Книгѣ Константина философа и грамматика о письменехъ», изданной акад. И. В. Ягичем по сербской рукописи Карловицкой библиотеки XV столетия («Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке», 383—487): ре́кꙋ 397, 447, по́ю 422, жи́вꙋ 447, и̑зрекоу 398, на́несꙋу 403, при́зовꙋ 465 bis; въ́звѣщꙋ 415, оу̑лоучю 419, про́ıавлю 407; ще́жꙋ 432, сѣ́жоу 410; но: рече́мь 398, непою́ть 439, живе́т'бо 458, вънесе́ть 396, принесе́ть 459, зове́ши 462; възвѣсти́ть 420, прилꙋчи́тсе 408, и̑зьıави́мь 420; сѣди́ши 471, сѣди́ть 410. Однако и современным русским говорам не чужды подобные формы: я имею в виду энклизу формы первого лица ед. ч. при отрицании *не: не́ боюсь* Вологодск.

[1] Такие формы встречаются с первых древнерусских рукописей с проставленными ударениями; Нов. Зав. XIV в.: ре́коу 113 (но: рече́ши 103), те́коу 122; тво́рю 47, 99, ство́рю 43 (но: твори́ши 100); по́гоублю 108 об., не́погоублю 44 об.; све́ршю 43 об. (но: сверши́те изъяв. накл. 119), ра́здражю 104 об., ра́щиню 113 (иногда по аналогии к бесприставочной форме: разрѣ́шю 41); ща̏жю 111, не́поещажю 121, ле́жю 128 (но: лежи́мъ 133), сго́рю 113 об.

Тотемск., Мат. № 201; *хачу́ — вскочу, хачу́ — нé вскочу* Ворон., Дикарев 243.[1] Но мало того, я могу указать, как в устах одного и того русского рассказчика (в данном случае малорусского) глаголы типа *лежáть — лежу́* имеют ударение в 1-м лице ед. числа на первом слоге, а в остальных на окончании. Я имею в виду малорусские записи, сделанные Володимиром Гнатюком в Пужнаках Бугацького повіту со слов некоего Тимка Гришиного, родившегося «в Слобітці Коши́лївскі, повіті Залісéцкім» (Етнографічний Збірник, т. VI, 1899 г.): я найбільши *бóю* се 83, бо се *бóю*, бим ни загуби́ла цнóти 71, *бóю* се 210; но: можы ти

---

[1] Следует отметить, что у глагольных форм энклиза при отрицании *не* в русском языке возможна лишь в том случае, если разбираемая форма способна при сложении с приставками терять ударение в пользу последних; напр.: *нé жил — пóжил; нé были — прóбыли; нé брал — нáбрал; пóйдут — нéйдутъ, нé зван — пóзван, нé взято* (то же Улож. 122) — *зáнято; нé хотя, пóходя, зáгодя,* бить кого чем *не пóпадя* (последнее сопоставление, впрочем, несовсем точно) (срвн. в памятниках: нéвзявъ Улож. 284 — зáнѧвъ ib. 161, нéимал ib. 88 об. — пóимали ib. 168; нéйметъ Hort. Am. 121 об. — ѹ̌йметъ ib. 50 об.; почто̀ нéиде ќпр҄квь брáте Пат. Ск. 169). Мало того, и энклиза имен существительных и прилагательных при отрицании *не* возможна лишь у тех имен, которые способны к энклизе при предлогах; напр.: нешто мы *нé люди;* пьем, едим, как люди, чем же мы *нé люди?* (Даль, Словарь); что *зá люди,* стыдно показаться *нá люди;* один сын *нé сын,* два сына *пóл сына,* три сына — сын (Курск. Сб. IV, 11); поп не венчает — *зá сына* чает; *нé втолк* (Даль, Слов.); что *бéз толку* всегда журю (Грибоедов); *нé впору* гость хуже татарина (Ж. Стар. 1903 г. I—II, 188); сват свату *нá пору* друг (Даль, Посл. 844); *нé время* (Тоб. Тюм., Мат. № 27, Кал. Мещ.-Чернышев), срвн. также чакавск. nȅ vrīme Изв. XIV_2, 222, — одолжить книгу *нá время;* вы что то *нé веселы* стали (Грибоедов) — быть *нá веселе;* и *нé любо,* да смейся — сделаться *пó любу,* т. е. полюбовно (Даль, Слов.) и т. п.; следует отметить, что приведенные в последнее время В. Мансиккою формы: *нé брат* Изв. XVII_2, 127, *нé видали* РФВ 1912 г., № 4, 279, первая представляет энклизу не при отрицании *не,* а при глаголе *нѣ,* а вторая явилась, повидимому, путем недоразумения и смешения с им. сущ. *невидаль;* то же самое и в памятниках: нé врѧд стоѧ̆ть Пал. XVI в. 188—ӣзрѧдѹ Ратн. 61 об., пóрѧдѹ Новг. лет. 400 об., нéвчесть Ап. 1564 г. 101 об. — зáчесть Новг. лет. 620, бéзчести Тр. П. 1589 г. 282 об.; нéвремѧ Алф. XVII в. 464 об. — нáвремѧ Улож. 79, зáвремѧ Кормч. 1650 г. 327 об.; въпѹти̇̀ нéблаги Тр. П. 1589 г. 203 об. — вóбл҃го времѧ Требн. 1623 г. 479 и т. д. В виду сего допустимо заключение, что в говорах, знающих *нé боюсь, нé вскочу,* существуют или существовали формы вроде *у́боюсь, пóскочу;* срвн. Вологодск. Тотемск.: *зáгону* загадку, *зáброшу* на грядку (Жив. Стар. 1906 г., I, 65).

кра́сти приходив, що се *бої́и* сказати 105, *боя́т* се 210; вони́ мине́ ду́жи се *бое́* 75, *сі́джу* 48; а міро́шник ка́жи: ей, говори́, ти ни долива́в, та *сиди́ш,* а́ли я биз верх брав, та *сі́джу* 25, но: *сиди́ш* 3, *сиди́т* 49, 51, *сиде́* 42; может быть, сюда относится: я ни *сві́щу*, если оно от *свистеть,* а не от *свиста́ть;* в других формах ударение обычное: *боя́в* се 48, се *боя́в* 318, *боя́ла* се 54 (один раз: се *бо́яли* 216, м. б., опечатка); *сиді́ло* 39, *сиді́в* 7, 332, *сиді́ли* 8, *сиді́ти* 208; что касается *заси́діли* 174, то это обычный для малорусского наречия перенос ударения с окончания на предыдущий слог в словах, сложенных с приставками: *сте́рпі́ти* 318, *відле́тів* 155, *нале́жит* 17; данные других глаголов этого типа не вызывают никаких сомнений: *бі́жи́т* 69, 333, *боли́т* 326, *лижи́т* 38, 62, *лижи́в* 38, *лити́т* 66, *горі́ли* 62, *горі́ти* ib., *грими́т* 24, *кіпи́т* 6, *кричи́т* 17, 55, *кричи́в* 54, *кричи́ло* 344, *стої́т* 36, 203, *стоя́т* 116, *стоя́ли* 190, *стоя́ло* 325, *шипи́т* 109; к сожалению, форм 1-го л. ед. ч. от этих глаголов в записях не встретилось; *ви́сит* 51, *ви́сів* 315 отражает древнюю акцентовку (сербск. ви̏сити). С описанным явлением не следует смешивать образовавшихся по аналогии к другим лицам: *лю́бю* 77, *хо́джу* 66, *ска́жу* 118, *хо́чу* 69; *хо́дит* 163, *лю́бит* 78, *хо́чиш* 69.

§ 18. В связи с предыдущим выясняется открытость *о* в приставках *по* и *про* в формах того же 1-го лица ед. ч. глаголов с исчезавшим в основе гласным: по́жроу Псалт. 70 об., по́жрꙋ ib. 215 об., прѡ́лїю ib. 194. Приставки *по* и *про* в этих формах в отличие от форм других лиц могли иметь только открытое *о,* тогда как в других лицах они могли иметь и напряженное *о̂,* которое и наблюдается в памятниках (в Псалт. чаще, чем в Сборнике).

Сборн.: по̂иде̄ 76 об., по̂иде̄ 26 об., но обычно *о̂:* по̂идеши 137 об., по̂идꙋтъ 121 об. bis, 124 об., 247, по̂идꙋт 125 об., по̂иде 229; прѡ́иде̄ 19-2, прѡ́идемъ 162, прѡ́иде 280; по̂|жнетъ 13, по̂жне̄ ib., по̂жнетъ 118; непо̂слешисѧ 33, по̂слетъ 40 об., 302 об. bis, и̂пѡ́слетъ 138 об., по̂шлютсѧ 122;

пóчтꙋтсѧ 118 (срвн. всегда с *о:* ѡ҆тбиде 228 об., вóзме|ши 155, вóзметъ 48 об., вóзметсѧ 122; сбвьютсѧ 113 об.); Псалт.: по-идеши 39, пóйдоуть 113, 122 об., 213, не- 160 об., прóидеть 140 об., прóидоуть 141 об., прóйде 144 об., прóидоуть 142 об., прóйдоуть 84; пóжнꙋт 181; пóслетъ 157, пóслетти 24 об. (157), пóслет 201, реже в этих глаголах с *ó:* пóидоуть 115 об., не- 123 об., пóслеши 143, но всегда с *ó* у глаголов: пóжроуть 151 об., не|прѡстроуть 180 об.[1] (срвн. правильно: вóзметсѧ 214, сóлжеть 213 об., -оуть 85).

Для говоров я могу лишь отметить Ряз. *пóйдет* (правильно ib. *вóзьмет*).

Открытость *о* в приставках *по* и *про* в 1-м л. ед. ч. объясняется: 1) способностью передачи ударения с приставок на отрицание *не* в подобных формах: нéоумрꙋ Тр. П. 1589 г. 392 bis, чего не наблюдается в формах других лиц: неоуснꙋтъ Тр. П. 1589 г. 184 об., непóйдет Улож. 13, незáпрется ib. 14 об., нéпобьют Ратн. 128 об., и 2) тем, что если приставка принимает двусложный вид, то в форме 1-го лица она может иметь ударение лишь на первом слогѣ: ȍтошьлю Погодинский список Геннадиевой библии нач. XVI в. № 84, 322 л.; ȁзъ бѡ ѡ҆тобїю ѐрп|хðнаны Пал. XVI в. 93 (но: побїю́ть ib. 70, оу҆бїéтсѧ ib. 132 об., срвн. в этом памятнике: пóчрьпꙋ ѐго 120, пóмаѧ|нꙋ 96 об., нé|трьплю 42, рóждоу 111, ȉпжщꙋ 58, ȉѿпж-щоу 58 об.), а в формах других лиц исключительно на втором слоге: ѡ҆тóшьлем Погод. список Генн. библии XVI в. 321 об., 330, ѡтóидуть Новг. лет. 581 об., неподóй|мꙋтъ ib. 565 об., подó|жжетъ Улож. 152 об., подóшлетъ ib. 141 об. (= непóшлетъ), при чем приставка с полногласием *пере-* отражает как бы восходящее ударение: перéжгꙋтъ Новг. лет. 396 об., перéбьютъ Ратн. 201 (срвн. сербск. шток. пȍчнêм, но: зàпочнêм, прȍстрêм,

[1] Эти глаголы, в отличие от первых, часто имеют насуффиксную акцентовку: пожрéтъ 75 об., -ть 204 об., -мъ 44 об.; прѡстроý 78, -стрéши 116 об., -стрéтъ 72, 204 об., -стрéть 190.

но: ра̀застре̂м, и̏збије̂м, но: за̀узбије̂м, о̀тме̂м, но: прѐотме̂м, за̏мкне̂м, но: за̀макне̂м).

Это открытое *о* из формы 1-го лица ед. ч. проникало в формы других лиц, отсюда вышеотмеченная двойственность в произношении звука *о*.

Напряженность *о* в этих формах засвидетельствована славянскими языками: чешск. půjdu при pojdu, словинск. pǫ́jdem при pǫ̀jdem, pǫ́jdem; pǫ́šljem, pǫ́gnem, ǫ́gnem (обыкновенно же ударение падает на окончание: počnèm, požrèm).

§ 19. Открытое *о* в стώѧ Сборн. 136 об. *стóя* Ряз. (Ф. Тоньшин в противоположность этой форме подчеркнул 3 л. мн. ч. от глагола *стôить: стôя*) доказывается энклизой подобных форм при отрицании *не:* совр. лит. *нé хотя,* нéхотѧ Торж. XVI в. 486, Тр. П. 1589 г. 446, нéмолча Тр. П. 1589 г. 324, срвн. сербск. чакавск. nȅhote Изв. XIV_2, 238. Кроме того, в Сборн. *о* из *ъ:* мóлъчѧ 38 об. (39, 180 об.).

§ 20. Открытое *о* в начальном ударенном слоге причастий на *-л*, на *-ити* (Сборн.: влώ|жилъ 49 об., слώ|жили 250, гóвори̏ е̏смъ 325 об., а также Ряз.: бóг *прóстил* говорится о благополучно разрешившейся роженице) подтверждается, с одной стороны, слов. rodȋl, rodȋlo, lovȋli и чакавск. rȍdīl, rȍdīlo, zvȍnīl, zvȍnīlo Изв. XIV_2, 249, свóбоди̏ Хрон. 285 об., а главным образом способностью этих форм передавать ударение приставкам и отрицанию *не* (ЖМНПр. 1904, авг., 464—469): слов. nalȍvilo, чакавск. ȍslobodīl, zȁzvonīl Изв. XIV_2, 249; ώбнови̏ Новг. лет. 653, нéсогрѣшилъ Ап. 1564 г. 119 об., и̏ нéтворили бы Пал. XVI в. 165.

§ 21. В виду того, что со стоящих непосредственно перед корнем глагола приставок в причастиях на *-л* ударение передается вторым приставкам, стоящим перед первыми и отрицанию *не,* а двухслоговые приставки имеют ударение на первом слоге (прúподнѧлсѧ Ратн. 47, нéпочали Улож. 3, нéѿбылib. 29; *рóзорвало* Тверск. Каш. (Смирнов), Симб. (Мотовилов), *óторвав* Вологодск. Устьсыс. РФВ, 1887 г., XVIII, 236, *рóзогнал*

Пермск. Соликамск., Мат. № 281; нерб́зорвало Ратн. 45, -и 109,[1] срвн. шток. ȍбумро, рȁзапео, зȁпачео, ȍдузео, зȁдобио, пȍднанио, ȍбавио, рȁспродао, ȍдабрао, ȍдазвао), открытость *о* на таковых приставках не подлежит сомнению: по́жерли Псалт. 180, Тотемск.: ró́ẇer 33, 141, rórl̓uu̯, -l̓o, -l̓i 135; rózvau̯ 136, кроме того, *о* из *ъ*: sóžrau̯, sóv́rau̯, sóv́rali 135, Ряз.: *по́мерли, до́был, по́нял.*

§ 22. Причастия прош. вр. страд. зал. с окончанием на *-ан* в отношении ударения представляют в современном русском языке и его живыхъ памятниках довольно однообразную картину. При *не* насуффиксной акцентовке других форм, в которые входит суффиксальное *а*, ударение в этих причастиях падает на тот же слог, который ударяется и в других формах; напр.: *обра́довать, обра́довал, обра́дованный, вы́работать, вы́работаю, вы́работанный, опоя́сать, опоя́сал, опоя́санный.* Если же ударерение в других формах падает на это суффиксальное *а*, то в причастиях в современном литературном языке ударение падает на предыдущий слог, а в памятниках и говорах часто удерживается на этом *а*,[2] напр.: *прочита́ть — прочи́танный, вяза́ть — вя́занный* и т. д.; срвн. в говорах: *шшипа́ной хвартук, жева́ный, растрепа́ные волоса, завяза́ная, немота́ная бумага* Кал. Мещ., Мат. № 41[1]; в памятниках: Нов. Зав. XIV в.: написа́но 149 об. — напи́сано 157, наказа́нъ 74 об. — ска́зана 125 об.; раско́панаѧ 69, ѡбразова́но 117, дарова́наꙗ 109; Торж. XVI в.: завѣ|ща́наѧ 493, Подл.: начерта́ннаго 73 об., воспита́нъ 2 об., Алф. ȯкова́наѧ 335 об., Лет. ѡ҆чарова́на 279 об. — прико́ванъ 82 об., Новг. лет.: прикова́нъ 531, обѣтова́|нную 431 об., ора́-

---

[1] Формы ото́рвал, разо́гнал и т. п. я считаю новейшими, обязанными исчезновению глухого в корне.

[2] Одно время я думал, что первая акцентовка присуща нечленным причастиям, а вторая — членным; но подтверждения своей мысли в наблюдаемых фактах не встретил. Наоборот, могу указать имя существительное, по своему происхождению нечленное причастие, в котором можно было бы ожидать сохранение акцентовки нечленной формы, однако оно имеет ударение на *а*: *смета́на,* так и в памятниках: с смета́ною Hort. Am. 206 об.

наѧ 633 и окóванъ 291 об., насбвано 491, поѹкáзаннымъ 582; Улож.: полихованымъ ѡбы|скóмъ 56 (57) и вé|рстанымъ 233 и т. д. Односложные через исчезновение коренного гласного причастия, сложенные с приставками, подчиняются вышеописанному закону (таким образом на двухсложной приставке ударение падает на второй слог) с сохранением, впрочем, под влиянием не сложенных с приставками причастий способности к наконечной акцентовке в нечленных формах, напр.: *послáть — пóсланый, собрáть — сóбран, разобрáть — разóбраны;* возможно сказать: *позвана̀, созданы̀;* в памятниках: Нов. Зав. XIV в.: послáнии 65; Новг. лет.: отогнáнъ 336, прóгнани 564 об., погнанѻ 489 об.; вѡдáнную 623 об., сѡдана̀ 225 об.; Торж. XVI в.: наткáно 254, нáстлано ib.; Лет.: ѡбодрáномъ 284, разóсланы 371; Подл.: ра|зóдраны 183; Улож.: подóсланъ 141 об., собрана̀ 114; Ратн.: познáнъ 10 об., пóпранъ 28 об., розорваны̀ 163 об. Исходя из такого наблюдения, мы могли бы придти к заключению, что звук о в таких формах, как *дарóван, пóслан* должен бы быть напряженным, ибо он не передает предыдущему своего ударения, и только подвижность ударения в односложных причастиях, сложенных с приставками, заставляет быть осторожнее в выводе. И действительно, при внимательном просметре памятников оказывается: 1) что в них некоторые многосложные глаголы в причастиях могут иметь наконечную акцентовку, а иногда передавать ударение приставке; таких глаголов я заметил два: Нов. Зав. XIV в.: ѡснова|нѝ 126 (130 об.); Торж. XVI в.: ѿкованъ 226, -ы 227 об., 338 об., -ный 26 об., ѡкованы 42; Новг. лет.: основана̀ 463 об.; Лет. ѡкованы̀ 173, ѿснована́ же бы́сть 33; Пат. Скитск.: ѿкована̀ ж. р. 382, -ѹ 341 об.; Косм.: ѡкован 204 об.; Кн. Степ.: прѝ|кован 343,[1] и 2) в односложных

[1] Эти же глаголы передают ударение приставке и в причастиях на *-л:* ѡснова Сим. лет. 551 об., ѡкова Новг. лет. 648 об.; кроме них, я знаю лишь один глагол на *-ати,* который передавал бы в причастии на *-л* ударение приставке: дóралъ Косм. 45 об. (срвн. плжгом ѡралъ Обих. Кирилловский XVI в., Соф. № 1516, 21 об.).

глаголах, сложенных с приставками, ударение может падать на первую часть приставки: рóзорваны Ратн. 220 об. Сравнение с сербским языком подтверждает догадку о подвижности ударения у некоторых глаголов в причастии прош. врем. на *-ан:* шток. ȍкова̑н, кȕпова̑н, нȁкупова̑н, ȍглода̑н, прȍчита̑н, прȍкљува̑н, но: прòда̑ва̑н, кàри̑ва̑н, прѝве̑за̑н; ȍдазва̑н, ȍдабра̑н, ȍдагна̑н; чакавск. ȍtrovān, но: pozȍbāno, raspȍrāno, popísăno. Поэтому вполне понятны согласные показания памятников и говоров на открытое *о* в этих формах. Сборн.: пóзванъ 74, пóсланъ ib. (290), -о 49 об., -ѣ 143 об.; кроме того *ó* из *ъ:* ѿтóсланъ 197, ӥскрóпана 166 об. (167), 172 об., -ы 220 об., неӥскрóпаны 173 (срвн.: сербск. крпати, чешск. krpec — лапоть); Тотемск.; skóvano, sóvano, osnóvano 138, oglódano 139; кроме того *ó* из *ъ:* otóbran 135; sóžrano ib.; Ряз.: *подкóван, дарóван, оснóван, облюбóван, избалóваный, вкóпаный, пóзван, пóслан* и здесь же упомянем: *прóдан* (срвн. нéроздано Улож. 223); кроме того *о* из *ъ: обсóсан, растóптан.* Что касается Ряз. *обглôдан,* то оно имеет напряженное *ô* заимствованным из настоящего времени, где оно закономерно: *глôжеш* (срвн. чакавск. oglȍdāno).

§ 23. Приставка *про* в причастии прош. врем. страд. залога *проклят* имеет открытое *о*. Сборн.: прѡ́клѧтъ 49 (19), -о 178, -и 69 об.; Тотемск. prókl̓ät, -a 96. Сербский язык дальнейшим переносом ударения с первой приставки на вторую в причастиях подобного рода указывает, что на первой приставке было нисходящее ударение, обусловливающее открытость *о*; напр., шток. пȍднапи̑т, зȁпочет, рȁспродат, прȅодпе̑т, ȍдузе̑т, срвн. еще двусложные приставки, имеющие ударение на первом слоге: ȍбави̑т, рȁзапет.

§ 24. Звук *о* в предлогах с перенесенным на них с управляемых слов ударением всегда бывает открытым; объясняется это, конечно, тем, что он имел некогда нисходящее ударение, о котором свидетельствует довольно часто встречающаяся в памятниках энклиза сочетания «предлог + управляемое слово» при отрицании *не* (о том, что энклиза при отрицании *не* не отличается

ничем по своему характеру от энклизы при предлогах см. подстрочное примечание к § 17 на стр. 49): ѩко ре́вность бж҃ью ймоу҄, но не́|поразоумоу Нов. За́в. XIV в. 104, не́обозѣ Псалт. 209, не́поморю Пал. XVI в. 53, недосыти Сборн. 71, не́вовремѧ Тр. П. 1589 г. 28 (срвн. еще ни́надрево Нов. Зав. XIV в. 151 об.); срвн. сербск. ни̏ за бога, ни̏ у море, а также ӥ у гла̂ву, ӥ у ногу (М. Rešetar, Schriften der Balkancommission. Linguistische Abtheilung I, 1900, 210); сербск. ӥспод леда, ӥспод му̏кла являются возможными лишь под тем условием, если допустить, что *под* имело бы нисходящее ударение, если бы стояло одно.

Приведем примеры на открытое *о* в разбираемом здесь положении.

Сборн.: до́|дни 7, до́дне 189 об., 230, до́вѣка 328, до́запада 308 об., до́запа҃д 276, 302, до́слѡва 148, до́морѧ 300 об., до́земли 18 об., 19 об., 45 об., до́сыти 44 об.; по́чинꙋ 40, 108, по́домыслꙋ 266, 271 об., по́бо|ѕѣ 192 об. (12, 101 об.), по́морю 111, по́времени 314, по́плѡти 195, 297 об., по́зависти 10 об., по́заповѣде[х] 16, по́нагꙋ тѣлꙋ 19-2 об., по́три 174, по́|не 241 об., 244 об.; по́дъдрево҃м 103, по́дъвластїю 216 (срвн. во́градѣ 12 об., во́страсѣ 320, во́дни 314, во́вѣки 7 об., 18, 26, 75 об., 295, во́чревѣ 304 об., во́|времѧ 274, во́|стѡ 174 об. (175), во́блго 326 об.; ко́грѡбꙋ 135, ко́гоу 227 об.; со́дрꙋго҃м 75, со́гнѣво҃м 308 об., со́страхомъ 12 об., со́гдемъ 26; редко с сохранением на письме *ъ*: къ́гдꙋ 143). Псалт.: до́вѣка 149, до́рода 65, до́вечера 142 об., до́западъ 65, до́нощи 17; по́чиноу 157 об., по́дни 131 об., по́срцоу҃д 24 об., по́земли 98 об., 209, по́соухꙋ 205 об.; по́днѡѕѣ 9 об., по́днѡги 62 (срвн. во́градъ 150 об., во́дне[х] 26, во́вратѣхъ 11 об., во́времѧ 3 об.; ко́гбу 5, 150 об.; со́гласомъ 215 об., со́страхомъ 4 об.; изредка с сохранением на письме *ъ*: въ́градѣ 38, въ́брани 29 об., въ́блго 12). Тотемск.: pó-prostu 33, pód-goru 117. Н. Н. Виноградов ни разу не отметил в этом положении *уо* (см. напр.: *до́низу* 63, *до́ ночи* 64, *на́ меру* 12, *по́ верьхю* 68, *по́ ушы* 78, *по́д лёд* 73,

по́д мостом 63). Ряз.: *до́ полу, до́ дому, по́ мосту, по́ просту, по́д носом, по́д гору.*

Такое же открытое *о* имеется в наречии *до́ндеже.*

Сборн.: до́ндеже 103, 115 об., 117 об., 142 об., 143; до́нде[ж] 10 об., 38 об., 39, 127, 137 об. (до́нелѣ[ж] 137, повидимому, описка); Псалт.: до́ндеже 74, 75 об., 94 об., 95 об., 98, 130 об. bis, 143 об., 183 об., 215. Однажды написанное в Псалт. до̑ндеже 205 не может подрывать общего наблюдения, и к тому же здесь было одно условие, располагающее к перемене интонации, а именно исчезновение в следующем слоге глухого.

§ 24а. В именах существительных с суффиксом *-о́к, -ока̀,* вместо ожидаемого *ô* (срвн. *живо̂т — живота̀* § 65), наблюдается открытое *о:* Тотемск. xodók, i̯odók, i̯ozdók, śödók 39, Ряз. *ходо́к, ездо́к, едо́к.*

Сербский язык указывает в этом суффиксе восходящее ударение: свѐдок — свѐдока; словинский же, указывая ǫ, отличается от сербского и русского языков удержанием ударения на *о:* svẹdòk или с оттянутым ударением svẹ́doka, род. пад. svedǫ̑ka).

Открытое *о* здесь явилось по аналогии к именам существительным с древним суффиксом *-ъкъ-*. Сборн.: пѧ|то́къ 70 об., вчетвертѡ́къ 163 об., лего́къ 71; Псалт.: пѣсо́къ 107; Тотемск.: gl̓otók, mol̓otók, ṕosók, v́onók, ćul̓ók, pol̓ók 39, ćvötók 22, kusóćik 147; Ряз.: *висо́к* (часть лица), *песо́к, кусо́к, домо́к, цвето́к, мосто́чек, листо́чек.* Очень редко можно встретить здесь *ô:* впѧ|то̂къ Сборн. 164, b̓er̓ežôk Тотемск. 39 (в последнем случае *ô* на месте *ъ*).

§ 25. Кроме того, открытое *о* имеется в следующих наречиях и частицах: 1) Сборн.: по́слѣ 116 об., 194, 196 об., 288, 292 об., и̏пѡ́слѣ 196; Тотемск. pósl̓e 144 (есть и новообразование pôsl̓e 33); Ряз. *по́сле;* срвн. слов. poslẹ̑). 2) Ряз.: *скро́сь;* срвн. слов. skǫ̑z. 3) Ряз.: *про́тив;* срвн. слов. naprǫ̑ti. 4) Сборн.: го́дѣ боу́детъ 10. 5) Сборн.: до́лѹ 17, 117; и̏дѡ́лѹ 72; до́лѣ 22 об., 31, 265 (сербск. до̏ље, слов. dóli и dólu). 6) Сборн.: дрѹго́йцы 190 об.

Наконец, отметим открытое *о* из *ъ:* 1) Сборн.: вóнъ нар. 127 об., 146, вѡ́нъ 18 об.; Псалт.: вôнъ 37, 54 об.; Ряз. *вон* (= наружу). 2) Сборн.: тóчїю 6; нетóкмѡ 4, 110 об.

ГЛАВА VI.

Напряженное *ô* в срединном открытом слоге.[1]

§ 26. Повидимому, в русском языке были односложные слова муж. рода с восходящим ударением на *о* во всех падежах типа сербск. skȍt — skȍta, слов. skòt — skǫ́ta: Ряз. бôй — бôя, пôд — пôда (срвн. производное от этого слова имя прилагательное: пôдлиннѡж Сборн. 127 об.), прôк — прôка, стрôй — стрôя. Срвн. шток. пȍд — пȍда (Вук) при пȍд — пòда (Мажуранич), слов. stròj — strója и глагол strójiti — strǫ́jim, а в русском глагол *стрóить,* как бы предполагающий производящее имя существительное с восходящим ударением; срвн. для прôк глагол прôчить.

Для слов с полногласием под восходящим ударением имеются следующие примеры: Тотемск. mǫrôs, ot morôzu, gorôx, porôm 43, Грязов.: порôг-от, Костр. Шунг.: *горуóх, поруóг* 21, Ряз. *морôз* (срвн. сербск. гра̏х — гра̏ха, мра̏з — мра̏за, пра̏г — пра̏га, пра̏м — пра̏ма, слов. gràh — gráha, mràz — mráza, pràg — prága).

§ 27. Имена сущ. муж. рода, сложенные с приставками, при ударении на корне обыкновенно имеют *ô* (об именах сущ. муж. рода этого же типа, но с ударением на приставке, см. § 23). Сборн.: разбôѧ р. п. 119; всѡбôръ 34, насобô|ре 223; ра|здôръ[2] 179; взôръ 75 об., зазôры 214 об.; поклôновъ 73; поклѡ̑новъ 19-2 об. (с ѡ вм. *о*); покôи 257, покôи 28, 104, -ѧ 29, 70, 125 об.; закôни 240; закôнъ 107 об., 138, в- 173, ѿзакôна 4 (26 об.), закôни 209 об.; взапôръ 227; вопрôсъ 277 об., въ- 318; нарôдъ 6 об., -ꙋ 10 об., -ы 6 об.; оу҆рôдъ

[1] Встречающиеся рядом формы, где *ô* в закрытом слоге, не могут быть считаемы за исходные.

[2] Как здесь, так и ниже, формы на *ъ* без обозначения равняются им. или вин. пад. ед. ч.

189; срѡ̑ки 29; пре|стѡ̑ли 311 об.; взатвѡ̑ръ 226 об.; ѿвостѡ̑ка 113, ѿвостѡ̑къ 276; потѡ̑пъ 287 об., потѡ̑пъ 278; прихѡ̑да 261 об., вхѡ̑дꙋ 132, и̓схѡ̑|да 76, воисхѡ̑дѣ 76 об., воѿхѡ̑|дѣ 231 об., прихѡ̑дъ 230; замечено одно исключение: покрѡ́въ 22, безпокрѡ́ва 203. Псалт.: съборы 17; окѡ̑|вы тв. п. 202, въѡ́кѡ̑вѣхъ 144 об.; впѡкѡ̑и 84 об. 184 (161 об.), покѡ̑и 183 об., 184 об.; закѡ̑нъ 23 об., 167 об., 169 неск. раз, 170 об., 171 об., 172; -а 146 об., 166 об., 169, -оу 170, взакѡ̑нѣ 165 об.; закѡ̑нъ 168 об., -нже 176 об., -а 169 об., 173, взакѡ̑нѣ 3 об.; покрѡ̑въ в. п. 178 об.; понѡ̑съ 167; ѡ̑плѡ̑тъ 112, -ы 124; беспѡрѡ̑ка 16; прѡрѡ̑ка 99 об., -цы 219 об., впрѡрѡ̑цѣхъ 144 об.; на|престѡ̑лѣ 184 bis, престѡ̑ли 179, съпрестѡ̑лъ р. п. 220; престѡ̑лъ 211 об., -ѣ 218 об., -и 179; въстѡ̑къ 221, ѿвъстѡ̑къ 150 об., 159, ѿвостѡ̑къ 65, навъстѡ̑ки 88 об.; потѡ̑къ 35, 180, -омъ тв. п. 45 об.; -и в. п. 181, -ы 100, впѡтѡ̑цѣ 114 об., ѿпотѡ̑ка 157 об., потѡ̑цы 20; впѡтѡ̑пѣ 39; и̓схѡ̑дъ 23 об., -ы 83, воисхѡ̑дѣ 159 об.; коисхѡ̑|дꙋ 222 об.; прѡхѡ̑да 197 об.; замечено одно исключение: впѡкрѡ́въ и̓мъ 146. Тотемск.: obôj̥i мн. ч. 129, p̓er̓ebôr, p̓er̓evôs, na p̓er̓evôže, zavôt, na zavôd̓e, zavôdy, p̓er̓evôt, rozgovôry (на стр. 73: rozgowór возможна опечатка: на стр. 36 сказано, что это слово отмечено только во мн. ч.), zgôn 36, vzdôr 149, potkôf, dva potkôva, nal̓ôk, napôj̥, narôt, narôdu, zastôj̥, vosxôt, zaxôt, p̓r̓ixôt, f p̓r̓ixôd̓e, sxôt, sxôdy, na sxôdax (но: Их. sxód̓e) 36; исключение (или, может быть, неточность записи) одно: osmót, -tra 108. Грязов.: *прибôр, завôды, навôз, огорôды, закôн, поднôс, нарôд, припôры, обихôд*. Костр. Шунг.: *огоруóд*[1] 21, *спруóс* 7, *обруóк* 72. Ряз.: *разбôй, забôр, сбрôд, завôд, перевôд, навôз, оборôт, разговôр, узôры, закôн, покôс, улôв, перенôс, спрôсом, срôк, потôк, дохôд, захôд* (срвн.: *помóи, насóс,* поцеловать в *засóс*); исключения: *засóв, Покрóв, астрóх.*

Кроме того, Тотемск. potyl̓ôk, -l̓ôka, Ряз. *потолôк, -лкá.*

---

[1] В оригинале написано ogоруóд. *Е. К.*

Подобным словам в словинском языке соответствует не один тип по ударению слов, а несколько типов, сводящихся, впрочем, к двум основным; 1) zahȍd или с перенесенным на предыдущий слог ударением záhod — zahǫ́da (ǫ) и 2) ponȍs или с перенесенным на предыдущий слог ударением pónos — pónosa (o); изредка встречается приноровление или, может быть, самостоятельное перенесение к акцентовке именительного падежа других падежей: zákon — zákona (при zakǫ́na). К первому типу относятся следующие слова: zavȍd, prévȍd,[1] -vǫ́da; navȍz, prévoz, -vǫ́za; zgȍn, -gǫ́na; pokȍj, -kǫ́ja; zákon, -kǫ́na; nálog, -lǫ́ga; óplȍt, -plǫ́ta; národ, urȍd, -rǫ́da; obrȍk, pórȍk, prórok, srȍk, -rǫ́ka; ostrȍg, -strǫ́ga; zátvȍr, -tvǫ́ra; pótȍk, -tǫ́ka; potȍp, -tǫ́pa; iz-, od-, dó-, vhȍd, príhȍd, záhȍd, -hǫ́da; ко второму: obȍj, razbȍj, -bója; zbȍr — zbóra; razdȍr, -dóra; zazȍr, vzȍr, -zǫ́ra; poklȍn, -klóna; okȍv, podkȍv, -kóva; pókrȍv, -króva; ulȍv, -lóva; pónȍs, podnȍs, prenȍs, -nósa; nápȍj, -pója; zapȍr, pripȍr, -póra; zastȍj, -stója; préstol, -stóla; zásov, -sóva. Обыкновенно при разных приставках слова с одним корнем относятся к одному и тому же типу; но бывают и исключения: при zgȍn, progȍn, -gǫ́na имеется izgȍn, -góna, при nakȍp, -kǫ́pa имеется pókȍp, prekȍp, — kópa; при zavȍr, -vǫ́ra имеется návȍr, prevȍr, -vóra. Русская акцентовка вполне соответствует первому типу zahód, -hǫ́da; для второй акцентовки соответствий в русском литературном языке, повидимому, нет, но в говорах и древнерусских памятниках можно найти кое-что для сравнения (примеры приводятся и на слова, имеющие в корне другие гласные): название праздника: Покрова Пресвятые Богородицы в говорах звучит: *Покрóв — Покровá*[2] (срвн. у Некрасова: «да не сладко Катеринушке мужа

---

[1] Так обозначаю возможность двоякой акцентовки (prévod и prevȍd).

[2] Срвн. сохранение старой акцентовки в названиях других праздников: *Успеньё̀, Введеньё̀, Стритиньё̀* Новг. Белоз., Мат. № 162; *Успеньё̀, Веденьё̀* Арх. Онежск., Мат. № 260; *до Веденья́, к Веденью́* Костр. у., Мат. № 264, *Звиженьё̀* (= Воздвиженье) Д. Зеленин, Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию 1903, стр. 59. Означенная акцентовка безусловно русская, срвн. *сватаньё̀* Моск. у. (Чернышев), *вставаньё̀* Арх. Холм., Мат. № 50, *в селенья́х* Д. Зе-

ждать до Покрова́»);[1] *от пожара́* М. А. Караулов. Материалы для этнографии Терской области. 1902, 35; в Торж. XVI в. читаем (если только это слово не женского рода): возлива́хꙋ на него̀ помьѧ̀ 434, помьѧ́ми ѻ̓бли|ва́хꙋть ѧ̓̀ 435 об. (= совр. помо́и); не привожу из других памятников обыкновенно единичных примеров, как возможных описок (вроде: до ӥсхода̀ дш҃а Кн. Степ. 151), но не могу не упомянуть, что в Нов. Зав. XIV в. на 121 об. слово законъ имеет дважды наконечную акцентовку: ѿзако|на́же, неѿзакона̀ (срвн. ibidem, ѻ̓ꙁако́нѣ, анеѿзако́на). Итак, русский язык, имевший в древности и ныне имеющий в говорах тип акцентовки подобный второму обычному типу в словинском языке (такая акцентовка известна также чакавским говорам: potȍk, potȍka и potokȁ Изв. XIV_2, 213, pokrȍv, pokrovȁ ib. 216), в настоящее время потерял его, уподобив первому типу. Что касается ударения в типе zahòd — zahọ̑da, захо́д — захо́да, то оно было, без всякого сомнения, восходящее: 1) на это указывают русские полногласные формы: поворо́т, -а, огоро́д, -а; 2) краткое *о* в им. пад. ед. ч. в словинском языке не может быть рассматриваемо отдельно от сохранившихся в этом положении некогда долгих гласных: zapàd, -páda, odsvẹ̀t, -svẹ́ta, poljùb, -ljúba, razsìp, -sípa, odpìs, -písa, obrèd, -rẹda, omòt, -mọ́ta, pogòlt, -gólta, posŕk, -sŕka (срвн. еще с *е*, судьба которого в словинском языке во многом подобна судьбе *о:* utèk — utẹ́ka), а такое отношение им. пад. к кратким гласным при долгом гласном в других падежах наблюдается как раз в словах, имевших по общепринятому взгляду восходящее ударение: bràt — bráta, dẹ̀d — dẹ́da, jùg — júga, dìm — díma, klìn — klína, mràz — mráza, 3) в сербском же языке, в котором только

ленин, op. cit. 142, *деленьѣ̑* — детская игра в мяч ib. 47; срвн. в Сборн.: варенїѐ 164, варенїа̀ 204 об. (ibidem: чтенїѐ 31, 32 об., -їа̀ р. п. 228 об., мн. ч. 109, -ї́ю 35, 180 об., начтенїй 4, во- 32 об., реже: чте́нїю 31 об.; проклѧтїѐ 179, распѧтїѐ).

[1] Не случайно, вероятно, это слово и в памятниках и в говорах имеет открытое *о*: перенос ударения совершился в ту эпоху, когда закончился процесс образования напряженного *ô*.

что приведенные слова проводят краткость по всем падежам: бра̏т — бра̏та, де̏д — де̏да, ди̏м — ди̏ма, кли̏н — кли̏на, мра̏з — мра̏за, и сложные слова имеют краткий гласный тоже во всех падежах: штокавск. за́каз, на́мен, при́ступ, за́зив, за́врат, прије̏лаз, са́вет, по́пис или: ѝзлаз, ỳплив, зàвез, пòруб, дòтик, пòдпис; чакавск. susȇd — susȇda, obȇd — obȇda.

В этом случае сохраняет краткость и звук *о:* штокавск. ȍдрод, дȍнос, ра́злог, и́роч и т. п., чакавск. potȍk — potȍka, otrȍk — otrȍka, но в штокавск. перед *j,* а в чакавском перед *n* (а, может быть, и другими) *о* в именительном падеже получало восходящую долготу: шток. ра́збо̑ј — ра́збоја, пòло̑ј — пòлоја, зàво̑ј — зàвоја, за́по̑ј — за́поја, чакавск. prōgón — prōgȍna, zākón—zakȍna Изв. XIV_2, 213; срвн. восходящее долгое ударение в словах hrén — hrȅna, kl̥ín — kl̥ȉna ib. 208, где указаны и другие согласные, перед которыми встречается долгота в соответствии с краткостью в штокавском наречии: *j, r, l, m, n, v* (последнее я поставил бы под сомнение, за отсутствием подтверждающих примеров, срвн. обратно несколько приведенное выше lȁv — lȁva).

II. Двусложные слова муж. рода с выдержанным ударением на втором слоге подобно словам, сложным с приставками: зако̑н — зако̑на, имеют напряженное *ô* во всех падежах. Псалт.; глаго̑лъ 23, глаго̑ли 23 об., глаго̑|ли 193 об., глаго̑лы; копо̑бъ 78, 153 об.; ѿчерто̑га 23 об.

§ 28. Точно так же и в сложных с приставками словах женск. рода на *-ъ* при ударении не на приставке корень имеет напряженное *ô:* оўдо̑ль Псалт. 153 об., воз̆до̑ли ib. 115 об. (впрочем, один раз: оўдо́ль ib. 78).

§ 29. I. Имена сущ. женск. рода (двусложные и трехсложные через полногласие) с выдержанною накоренною акцентовкою имеют *ô (-оро̂-).*

Сборн.: во̑ла им. ед. 12, -ю 11 об., 103, -ею 27 об., 75, во̑ла им. ед. 69 об., -и р. п. 100 об., -ю 4, 13 об., -ею 192 об., -амъ 220, 235 об., бе̏во̑|ла 217 об., пово̑ли 13; ко̑жею 293,

вко̆̂жи 193, ко̆̂жахъ 166 об. (но правильно: в̓бро́неи мѣ̆̂стѡ 111 об., во́лна 116, 311, -ы мн. ч. 207, мо́лъва 152 об., -ы мн. ч. 148 об., намѡ́|лъвꙋ 41 об.);[1] Псалт.: во̆̂лю 195 об., 199, -ею 35 об., 70 об., 114, -ѧхъ 157 об., вво̆̂ли 35 об., во̂лѧ им. ед. 3 об., -ю 53; ко̆̂жу 141 (но правильно: то́лща 193 об.; во́лны мн. ч. 152, во́лнъ 83, 122); Тотемск.: lôvľa 36, rôža, rôžy мн. ч., rôšča 37, vôľa, sôsna, sôsny мн. ч., sôsen 38, vorôna, korôva, korôf, dorôga, dorôk, род. dorôǵi 43 (но правильно: króša 38); Грязов.: *вôлē, кôжа, дорôга, корôва;* Костр. Шунг.: *вуо́ли* 43, *наруо́же* 71, *воруо́на* 44, *коруо́ва* 7; Ряз.: *вôля, дôля, кôжа, лôвля, рôжа, рôща; школа, на дорôге, корôва, корôв* (срвн. прилаг. *рôзовый,* допускающее сущ. *рôза); правильно: со́ня* (= сонливый), *по́рча, ко́рчи, со́тня;* исключением являются: *кро́вля, мо́да, ро́вня.*

Древнее восходящее ударение корня этих слов ясно из отсутствия энклизы их в русском языке при предлогах («и *до̀ воли* наплачешься» Кольцов — может быть следует сравнивать не с *воля,*[2] а с нареч. *доволе,* акцентовка коего, впрочем, из древнерусских памятников мне неизвестна), а для полногласных из сербск. краткого *а:* вра̏на, кра̏ва, дра̏га; в слов. языке подобные слова имеют *ǫ:* 1) kǫ̑ža, vǫ̑lja и 2) rǫ̑ža, škǫ̑la, bǫ̑jna, prǫ̑sba; многочисленные примеры на акцентовку первого и второго родов см. у Валявца (Rad 132; 134, 149 и 150). В русском языке характерным исключением является слово *ро́зга,* имеющее открытое *о* и в памятниках, и в говорах (ро́зги мн. ч. Псалт. 112, rózǵi, rózok Тотемск. 42; *ро́зга, ро́зги* род. пад. ед. ч. и им.-вин. пад. мн. ч. Ряз.); и сербск. ро̏зга и слов. rǫ̑zga указывают на закрытое *ô.* Чем объяснить это уклонение, трудно

---

[1] Что касается насто́гна^х 300, 300 об., то оба раза *о* переделано из другой буквы (*е*?) и знак ударения проставлен другими чернилами.

[2] Срвн. из̓во́ли Улож. 291, ѿво́ли Сборн. 1647 г. 556, пово́ли Ап. 1564 г. 150, наво́лю Улож. 46, Ратн. 129, наво́ли Лет. XVII в. 230; впрочем в Нов. Зав. XIV в. им. пад. ед. ч. всегда имеет наконечную акцентовку: волѧ̀ бѣ|ѧ 133, волѧ̀ г҃нѧ 74, 126, неволѧ̀ моѧ̀ 39 и в других местах; кроме того волѧ́ моеѧ 43, но: пово́ли 85, 90, 141.

сказать; отметим лишь, что в памятниках при рȏзга Нов. Зав. XIV в. 49, рȏзгу ib. 49, имеется розга̀ Ев. 1606 г. II, 196, рȏзгу ib. II, 195, так что, может быть, выдержанная накоренная акцентовка в этом слове развилась на русской почве из подвижной независимо от сербск. и слов. языков. Чешский язык целым рядом слов, кроме vůlě и kůže : vůně (слов. vǫ́nja), chůze (слов. hǫ́ja), tůně (слов. tǫ̂nja), růže (слов. rǫ̂ža), nůše (слов. nǫ́ša, русск. *но́ша*), důle (русск. *до́ля*), bůta (слов. bǫ́ta), průba (русск. *про́ба*) заставляет думать, что и в нем *ŭ* в этой категории слов развивалось под восходящим ударением; что касается случаев sůva, smůla, kůra, hrůza, hůra (shůry, vzhůru),[1] то они, вероятно, имеют другую акцентовку, нежели эти слова в других славянских языках: срвн. колебание слов. skǫ́ba, сербск. ско̏ба, а в русск. скоба́, слов. hǫ́ja, vǫ́nja, nǫ́ša, сербск. хо̀ђа, во̀ња, но̀ша; это явление замечается в пределах одного и того же языка: при обычной в великорусских говорах акцентовке спи́на (Вологодск. Кадн., Мат. № 26, Вятск. Котельн., Мат. № 46, Псковск. Остр., Мат. № 33, Курск. Льговск., Мат. № 76, Донск., Мат. № 42², Тульск. Новос., Будде; тоже и в памятниках: спи́на Hort. Am. 39, поспи́не Косм. 134, наспи́нѣ Алф. 403) в литер. языке *спина̀ — спи́ну* («и *на́ спину* к себе бросает» Сумароков), «вперед не *на́ спину,* а *на́ бок* спать ложися» Измайлов; срвн. *по́д спину* Тверск. Каш. Смирнов; *го́ра* Петерб. Ямбургск. при обычном *гора̀ — го́ру.*

Здесь же упомянем неплȏды Псалт. 211, неплȏдове в. п. ib. 159 об.; подобные слова имеют в слов. обыкновенно *ǫ:* smǫ̂kva, kǫ̂tva, lǫ̂kva, plǫ̂skva, zmǫ̂kve мн. ч.; шток. бри̏тва, бу̏ква, же̏тва ясно указывают на восходящее ударение в словах этого типа.

§ 30. I. Трехсложные имена существительные женск. рода на *-a,* сложенные с приставками при ударении на коренном *о* чаще имеют это *о* напряженным, нежели открытым: спȏна

---

[1] Отметим еще чешск. krůpě, strůje, důje, chůda, chůva, půda, půle, для которых нам не удалось подобрать параллели из сербск., слов. и русск. языков.

Сборн. 105 об., охôta Тотемск. 147; *охôта* Грязов.; *на охýбту* Костр. Шунг. 75; в Ряз.: *охôта, опôра, занôза, подвôда, порôда, оснôва, ссôра,* но: *подкóва.*[1] Срвн. сербск. ȍпона, ȍснова, пȍткова и т. п., указывающие на древнее восходящее ударение на *о*. В словинском языке в словах этого типа обычно ǫ (нисходящее ударение развилось на слов. почве из старого восходящего): pomǫ̑ra, ponǫ̑va, pregǫ̑na, prirǫ̑da, ugǫ̑da, potvǫ̑ra, utǫ̑ka, zamǫ̑ga, zbrǫ̑da, podǫ̑ba, odkǫ̑pa, opǫ̑na, osnǫ̑va, osǫ̑ba, но: podkǫ̑va, okǫ̑va (в согласии с Ряз.), dolǫ̑ga, razpǫ̑ra, opǫ̑ra, zaslǫ̑na, zagǫ̑zda; а pohóta по образцу имен сущ. с суффиксом -óta.

II. Здесь же отметим: ќкѡтȏрамъ Сборн. 41 об., кѡтȏра ib. 202; torgôvl'a Тотемск. 38, тоже Ряз. (срвн. слов. rogǫ̑ža = русск. рогóжа).

§ 31. Слово злôба и в памятниках,[2] и в говорах имеет *ô* (Сборн.: злобою 282, злôбы 119, -ѣ 184 об., -ꙋ 8; Псалт.: ȍзлȍбѣже 45 об., незлȍбою 31 об., злôба 8 об., -ою 32, понезлôбе 8 об.; Ряз. *злôба,* а также в производном имени прилагательном: незлôбивыи Сборн. 157, -ое 102 об.; незлȍбивїи Псалт. 31 об.); это ô проникает по аналогии и в род. пад. мн. ч. ѿзлобъ Псалт. 152 об. (срвн. слов. kǫ̑ž, явившееся также по аналогии, ибо здесь нисходящее ударение; а также Тотемск. корôв вместо ожидаемого **кóров*, слов. krâv, чешск. krav при kráva). В слов. яз. zlóba, сербск. злȍба (злȍба Мажуранич) указывает наконечную акцентовку, как и большинство других слов с суффиксом *-óва,* также и малорусское *злобà.*[3] Это один из ярких случаев несовпадения акцентовок в разных славянских языках. Другое трехсложное слово с суффиксом *-ова* также имеет *ô:* оу҆трôбꙋ Сборн. 38, -ы р. п. ib. 39, мн. ч. 142 об.; оу҆трȍба Псалт. 17, -ы р. п. ib. 191, мн. ч. 31 об., воу҆трȍбоу ib. 155 об., оу҆трôбы

---

[1] Здесь же отметим *подóшва* Ряз., где *о* из ъ.

[2] Отметим несколько примеров накоренной акцентовки из других памятников: безъзлóбы Кормч. 1650 г. 118 об., ѿзлóбы Лет. 96 об., оз҆лóбѣ Новг. Лет. 449.

[3] Срвн. в Анф. Киев. 1619 г.: ѕлобà 707, ѕлобȣ̑ 743, ѕлобы̑ мн. ч. 616 при ѕлóбы р. п. 776, ѡ҆злóбѣ 257.

р. п. ib. 8 об.; слов. и сербск. яз. указывают накоренную акцентовку: útroba, ȕтроба; в первом языке возможна и наконечная акцентовка otróba.

§ 32. Имена существительные женск. рода с суффиксом *-ота* при ударении на суффиксальном *о* принадлежат к негибким словам, а потому допускают предположение о старом восходящем ударении на этом *о,* которое в силу последнего обстоятельства является напряженным; эта напряженность наблюдается во всех падежах, а также и в род. пад. мн. ч. (срвн. сказанное выше относительно род. пад. мн. ч. от злоба). Сборн.: добротами 6, ѿработы 289 об., ѡработѣ 199 об., тѧготъ 71 об. (может быть, от тѧгота̀), нечистотъ 207; Псалт.: добротѣ д. п. 35 об., 60, -оу 62 (109), -ою 59; ѿработы 222; щедроты мн. ч. 170 об., 176, 198, в- 150, ѿщедротъ 53 об.; Тотемск.: ľgôta, robôta 38, porobôťé 69 (Их. robóta 38), zabôta Их. 38 (при zobóta 143); Костр. Шунг.: *льһуóта* 22; Ряз.: *льгôта, в рабôте.* В сербск. и слов. языках слова этого типа чаще указывают наконечную акцентовку: чисто̀та, добро̀та, тего̀та, но: ра̀бота в согласии с русским; слов.: tegóta, lagóta, но: dobrọta, rabọta имеют перенесенное с первого слога ударение.

§ 33. I. Суффикс -ilo имел восходящую долготу: сербск. пи̏ло, слов. bẹlilọ, cẹdilọ и т. п.; в русском языке, в противоположность суффиксу -iv- (см. § 10), он притягивает на себя ударение (Псалт.: скади́ломь 84 об., въсвати́ло 98, соуши́ло 137 об.), но в тех случаях, где корень имел восходящую долготу, ударение могло задерживаться на корне *пра́вило,* но: народн. *прави́ло* (инструмент); теперь говорят: *мери́ло,* а в Псалт. вмѣрилѣхъ 80; ударение в *пра́вило, ме́рило* было восходящее, а отсюда я заключаю, что при задержанном ударении в pôiľo, stôiľo Тотемск. ударение могло лишь быть восходящее, иначе бы оно было перетянуто на *i.*

II. Равным образом и суффикс -išče имел восходящую долготу и перетягивал на себя ударение. В Сборнике: съкро|ви́ще 9, сокрѡви́ща 114 об., 263 об., рꙋби́|ще 166 (166 об.), нагнойщы

106, жили́ще 16 об., 108, реже: жи́|лища 40 об.; в Псалт.: въскрови́щехъ 209 об., вжили́щехъ 71 об. (78) и жи́лище 142, 206 (56 об.). При задержанном на корне ударении оно могло быть лишь восходящим, а отсюда вполне понятна обычная напряженность звука *о* в этих словах.

Сборн.: ѿко̑|злищъ 119 об. и 120; ко̑злища в. п. 120 bis, по̑|прищь 189 об.; прїисхо̑дищи^х 323 об. (срвн.: натóржищихъ 142, и̑зсóнмища 154 об., сѡ́нмища мн. ч. 179). Псалт. ѿгно̑ища 211 об.; и̑схо̑дища 152 об., 175, воисхо̑дищехъ 197 об., прї-исхо̑дищихъ 3 об., воисхо̑дищ(а) 152 об. Ряз.: *сбо̑рище, про̑звище.*

Словинский язык обычно указывает в этом случае насуффиксное ударение izhodíšče, gnoíšče, popríšče, sαnjmíšče, pozoríšče и т. п и не может быть полезен при сравнении для установления напряженного ô; в других же двух словах при накоренной акцентовке имеется не ǫ: prǫ́sišče при prosíšče и okǫ̑lišče; последнее под влиянiем okǫ̑li.

III. Суффиксы -ica и -ina при ударении на i имели также восходящее ударение: чак. lisȉca, шток. ли̏сица, слов. lisíca — чак. družȉna, шток. дру̏жина, слов. družína. Для того, чтобы ударение падало в словах этих категорий не на суффикс (-íca, -ína), а на один из предыдущих слогов, необходимо, чтобы ударение имело восходящий характер: ма́ковица, ра́ковина (сербск. ма̏к, ра̏к); в русском языке это хорошо видно на словах с полногласием: *чересполо́сица, сморо́дина,* белор. *сере́дзина,* невозможно (или крайне редко по какой-нибудь особой ассоциации), чтобы перед этими суффиксами было *-о́ро-, -о́ло-, -е́ре-.* В виду сего вполне понятно, что ударенное *о* перед названными суффиксами обыкновенно является напряженным, оно было некогда под восходящим ударением.

Сборн.: колóдцею 18 об.; мно̑жицею 117 об., 133 об., 216 об., 315; исключение двѡ́и|чны^м 284 об.; Псалт.: мн|о̑жицею 150, 182; тро̑ице 221, втро̑ица 223, тро̑ице 1 об. (правильно гóрлица 115 об.); Ряз.: *Тро̑ицын день, перено̑сица;*

Тотемск.: xrakôťína 42 (или Их. xar-), smorôďína 146, xorôḿína 44; Грязов.: *рôдина, сморôдина;* Костр. Шунг.: *всю вуóчину* 76, *стервуóтину* 22; Ряз.: *сморôдина.*

Слов. яз. при dvojíca, trojíca дает trǫ̂jica, явившееся под влиянием trǫ̂j; срвн. okǫ̂lica под влиянием okǫ̂li; русское окóлица при óколо расположением ударения в слогах *око-* напоминает таковое расположение в полногласии и предполагает в отличие от слов. языка напряженное *о* (среди собранных мною примеров на *ô* этого слова нет); правильно: mnǫ̂žica. Для суффикса -ina слов. язык дает хорошее указание на напряженное *о* словами gǫ̂dina (срвн. шток. нȁ годину Маретић, Gram. 176), ǫ̂bčina; слов. rodína имеет другую акцентовку сравнительно с русскою; колебание акцентовки в одном слове обычно и в русском в пределах даже одного языка: русск. *óбщина* и *вобщинá* Вологодск. Кадн., Ж. Ст. 1895 г., III—IV, 387, Олон. (Куликовский), *рóдина* и *родинá* Псковск. Холмск., Мат. № 54, Костр. Мак., Мат. № 56 и др.; слов. sǫ̂lina под влиянием sǫ̂ł.

IV. Суффикс *-ýшка* также под ударением имеет такое в виде восходящего: сербск. пѐрушка, а потому вполне понятны: Костр. Шунг. *со сторуóнушки* 71, Ряз. *молôдушка, солôвушка* (срвн. ibidem при подобном суффиксе *сóлнышко, гóрлышко, дóнышко,* где *о* из *ъ*).

§ 34. В именах сущ. ср. р. на *-ie* с ударенным *о* в предыдущем суффиксу слоге это *о* обычно бывает напряженным.

Сборн.; оу҆дȏлїа 300 об.; поподȏбїю 16, подȏбїе 6 об.; ѻ҆незлȏбїи҃ 15, незлȏбїе 6 об.; безакȏнїе 72; ѿвȏщїе, но: гвóздїе 176 об. (срвн. правильно: кбезмѡ́лвїю 6 и в др. падежах 6 об., 47 об., 102 об., 263; сóнїе 24 об.); Псалт.: вбезгȏдїи 175 об.; оу҆дȏлїа 83 об.; подȏбїе 197 об.; впѡ|дȏбїе 148 об.; незлȏбїе 48 об., внезлȏбїи 110; бе҇законїе 153 (155, 165 об., 193 об.), вбе|ззакȏнїи 180 об., беззакȏнїа мн. ч. 182 об., -їи р. п. 151 об., вбе҇законїихъ 150, безꙁакȏнїе 174 об., 175 об., -їа р. п. 192, мн. ч. 183, -їи 151 об. и в других местах; поднȏжїе 157, -їю 135; но: дрѡ́ждїе 101 об. (срвн. сȏнїе 98); Ряз. вполне под-

тверждают показание памятников: приво̑лье, раздо̑лье, подо̑бие, пово̑дья, подпо̑лье.

Сербск. беза́коње, по̀дно̑жје, ра̀здо̑ље, за̀го̑рје указывают на древнее восходящее ударение на звуке *о;* в односложных словах в роде гво̑жђе, гро̑жђе, ло̑зје, можно догадываться, было то же ударение, срвн. шток. пе̑рје при чак. pérjĩ (Изв. XIV_2, 222). В словинском языке в этой категории слов обычно *о;* но как и в других категориях производных слов, и эта категория часто имеет *ǫ* под влиянием первообразных слов. nǫ̑žje, gǫ̑rje[1] (Valjavec 132, 152), bǫ̑rje (Val., но у Плетершника bọ̑rje под влиянием bọ̑r) так же, как в plọ̑tje, prọ̑sje звук *ọ* под влиянием plọ̑t, na prọ̑so; срвн. др.-русск. *гво́здіе, дро́ждіе* под влиянием *гвоздь* и *дро́жди*); breznǫ̑žje, brezvǫ̑dje, oplǫ̑tje, ovǫ̑čje, pogǫ̑stje, razdǫ̑bje, obnǫ̑žje, okǫ̑stje, medgǫ̑rje, mednǫ̑žje, medǫ̑čje, medvǫ̑dje, prigǫ̑rje, razvǫ̑dje, zamǫ̑rje, zaplǫ̑tje и т. п. Последние десять слов отмечены с *ǫ* у Валявца, а у Плетершника имеют *ọ* по ассоциации с первообразными словами: na nọ̑gu, kọ̑st, na gọ̑ru, na ọ̑kọ, na vọ̑du, za mọ̑re, plọ̑t, по той же ассоциации имеют *ọ:* predmọ̑stje, podọ̑lje, podpọ̑lje, brezpomọ̑čje (срвн. mọ̑st, dọ̑l, pọ̑le, pomọ̑č). Вероятно, такого же происхождения Тотемск. povódi̯a 33; что же касается voĺóśi̯a ib. 44, то не следует ли допустить перенос ударения с конечного слога (волосьё̈); в nokóti̯a 34 — *о* из ъ.

§ 35. Имя прилагательное *мно́гий* имеет и в членной и в нечленной формах накоренную акцентовку и проводит *о̑* и в той и в другой формах. Сборн.: мно̋гаѧ ср. р. 25 об., мно̑|гїа р. п. 5 об., мно̑гꙋю 193, -ои 184 об., сомно̑гимъ 4, наⷣмно̑гими 243 об., помно̑гиⷯ 226, вомно̑зѣп 25, кроме того; немно̑го нар. 20, мно̑ги 82, на- 83 об., мно̑ѕѣмъ тв. п. 82, 141, 195 об., ѿмно̑зѣхъ 72; Псалт.: мно̋гаѧ ж. р. 211, -имъ д. п. 157 об., попремно̋гомꙋ 202, мно̑гаа 1 об.; кроме того: ми́ръ мно̋гъ 176 об. (30 об.), мно̋го 24, 178 об., 183, -и 176, -ахъ 152, помно̋гꙋ 179 об., мно̋ѕи 4 об., 176, не- 144 об., мно̋ѕѣ м. п. 44,

[1] Не привожу здесь так и ниже слов, у которых первообразные имеют не *ọ*, а другой звук, в роде plǫ̑dje, grǫ̑bje, izgǫ̑nje, obstǫ̑žje, preddvǫ̑zje, ugǫ̑dje и т. п.

мнôго 37 об., -ꙋ в. п. 176 об., -и 186 об., посредѣ мнôгъ 156 об., мнôѕи 4 об.; Тотемск. vnôgo 120, 148; Грязов. *мнôго;* Костр. Шунг. *внýго* 7 и еще в 15 местах; Ряз. *мнôго*. Энклиза этого слова ни в великорусских говорах,[1] ни в памятниках неизвестна: намнóгы дн҃і Нов. Зав. XIV в. 70, намнóзѣ ib. 73; вомнóзе Ап. 1564 г. 101 об., непомнóзе ib. 50; незамнóго Новг. Лет. 622 об.; помнώги дни Кн. Степ. 552, несомнóга Ратн. 210, вомнóги дни Сборн. 1647 г. 313, намнóги часы Пат. Скитск. 333 об. и т. д. Слов. язык подтверждает напряженность *о:* mnộg — mnộga и mnộgi (сербск. яз. указывает на выдержанную накоренную акцентовку: мнȍго и мнȍги). Повидимому, однородным с именем прилагательным мнóгий является имя прилагат. прóчий. Сборн.: прȍчаѧ 9 об., -ихъ 28 об. (236 об.), ѿпрȍчи[х] 239, ȍпрȍчихъ[ж] 247, прôчеє 5, 103 об., -ѧа 13, -аѧ 11 об., 14, -ии 189 об., впрôчаѧ 234; сербск. прȍчи, слов. prộč наречие подтверждает Тотемск. prộć 38, Ряз. *прôчь* (из древнего *проче*).

II. Несколько имен прилагат. имеют *ô* в членной форме и в нечленной форме им.-вин. падежа ед. ч. м. рода (в других падежах нечленной формы они имеют наконечную акцентовку, за очень редкими исключениями, о них ниже). Сюда относятся: *гôлый, дôбрый, мôкрый, вôстрый, хорôший* и, может быть, *пôлый;* в памятниках *хрôмый;* Сборн.: дȍбрѡе 11 об. (248 об.), -ꙋю 18 об., -аѧ ср. р. 21 об., 27 об., -ы[х] 105; дôбрѡе 12, 47, -ое 182, -ѡмꙋ 32, -ымси пóдвигомъ 29 об., -їи 117, ѿдô|бры[х] 27, вдôбрѡ[м] 240 об., -ы[х] 100 об.; кроме того: дôбръ им. п. ед. ч. 37; хрôмое 8 об., кроме того: хрôмъ им. п. ед. ч. 235 об.; Псалт.: дôбрыхъ р. п. 2, дô|брыми ib.; Тотемск.: gộu̯ — gộłoi̯ 127; dộp — dộbroi̯ 33, dộbroi̯ö 41 (на стр. 73 и 144: dóbrova, может быть, неточность записи), vộstroi̯ 38, xorộšova 43; Костр. Шунг.:

---

[1] В белорусском наречии энклиза этого слова возможна: *зáмного* нар. = многовато, *нáмного* нар. = нáдолго, пóмного (Носович, Белор. Слов.), но надо иметь в виду, что в белорусском наречии энклиза несколько отличается от великорусской, срвн. *нá пахах* держи его усё (Носович, Белор. Слов.) при *пáха* = рука; *зá грыву* Могил. Гор. (Романов, VI, 49).

гу́лой 21, *хору́шова* 22, *-ую* 65, *-ых* 78, *на хору́шай* 65; Ряз.: *го̂лый, до̂брый, мо̂крый, по̂лый.* Слов.: dǫ̂bar — dóbra, mǫ̂kar — mókra, ǫ̂star — óstra при dǫ̂bri, mǫ̂kri, ǫ̂stri вполне совпадают с русск.; в gòł — góla, hròm — hróma произошло в им. пад. м. рода сокращение такого же рода, как в dvòr (чак. gól указывает на восходящее ударение).

Исключением является открытое *о* в наречии до́брѣ Сборн. 26, 44, 104, 144, 183 (21 об.), Псалт. 40.

Далее мы ожидали бы напряженное *ô* в до̂бль Сборн. 46.

III. Здесь же приведем из наших памятников имена прилагательные, имеющие *о* из *ъ;* Сборн.: бо̂рзѡ 19-2, нибо̂|рзѡ[ж] 72 и 72 об., него̂рдꙋ 21, надо̂лзѣ[ж] 72 об., по̂лна ср. р. 187, ло̂жъ 107, зѡ̂лъ 291; Псалт.: по̂лна ср. р. 12 об., то̂лъсти 197 об., то̂щъ 8, ло̂жъ 162, -ь 41, зо̂лъ р. п. 120, 153; Тотемск.: zoł 127, to̯us 108, dółok, połon 127, sóto̯i 130;[1] Ряз. *бо́дрый (бо́дро), до́лгий, по́лный, то́лстый,* и отметим неясное для нас *о* в слове *стро́гий:* strók — strógo̯i Тотемск. 127, и даже в форме сравнительной степени stróžə 128 (срвн. § 39), Ряз. *стро́гий,* и в сравн. степени: góže̯ö Тотемск. 103, 129.

Наоборот, на месте древнего *ъ* имеется *ô* в прилагательном rôchło̯i 35.

§ 36. В имени прилагательном наро̂читыи Сборн. 112 об., наро̂читыхъ ib. 224 напряженное *ô* обусловлено тем же, что *ô* перед суффиксами имен существительных -ilo, -išče, -ica, -ina (см. § 33), т. е. восходящей долготой следующего слога. Современное *наро́чи́тый* — новообразование. В сербском языке имеется на̀рочито, совпадающее с *наро́читый* памятников.

§ 37. Имена прилагательные с суффиксом *-ok-* при ударении на нем имеют напряженное *ô* и в членных, и в нечленных формах. Сборн.: вы|со̂кꙋ д. п. 245, высо̂кое 14, -ꙋю 273 об.; Псалт.: высо̂къ 135, 159 об., 190, -ïа 142 об., -ою̀ 188, -аа 190, навысо̂кихъ 159 об., в- 129 об., высо̂каѧ 211, -ою 226;

[1] Под влиянием sótoi явилось d̕evanóstoi 130 при d̕evanôsto (тоже и в Ряз. *девяно̂сто*).

ѿглоубо̑|кихъ 90; Тотемск.: šyrôk, gɫybôk 37, gɫybôkoį 128; Ряз.: *висо̂к, висо̂кий, глубо̂к, широ̂к*. Сербский язык указывает древнее восходящее ударение на этом *о*: ви̏сокӣ, ду̏бокӣ, ши̏рокӣ, ви̏сок, ду̏бок, ши̏рок (но: висо̀ка, -о̀ко, дубо̀ка, -о̀ко, ши̏рока, -о̀ко). В словинском же языке имеется в нечленной форме муж. рода открытое *о* благодаря краткому ударению: visòk, globòk, širòk; в visóka, globóka, širóka — оттянутое с конца ударение (качество *о* в членных формах мне неизвестно). Исключением является: жестώкою Псалт. 205 об., если только это не случайная описка. Впрочем, надо заметить, что это слово по акцентовке отличается от предыдущих: в памятниках первые имена прилаг. в членной форме обыкновенно имеют ударение на суффиксе, а в нечленной на суффиксе или на окончании; напр.: высо́кою Тр. П. 1589 г. 175, въглꙋбо́кꙋю ib. 134, широ́кꙋю Мин. 1619 г. 451; глꙋбоко̀ Торж. XVI в. 623, свысока̀ лѣ́та ib. 325. реже: глꙋбо́кꙋ в. п. Сборн. 1647 г. 167 об., навысо́цѣ мѣ|сте Злат. 152 (последние, вероятно, новообразования применительно к членной форме); накоренная акцентовка: вы̏сокою Нов. Зав. XIV в. 67 об. — большая редкость;[1] прилагательное же *жестокий* и в членной и в нечленной формах имеет или накоренную акцентовку, или наконечную; напр.: же́стокъ Хрон. 292 об., же́стокïи ib. 279 об., же́стокаго ib. 257; же́стоцы Лет. 95 об.; же́стоко Ратн. 22 об. (даже: же́сточе Злат. 194); срвн. сербск. же̏сток; пожестоко́мꙋ Ап. 1564 г. 92 об., жестоко́е Улож. 69, 139; жестоки́ми Ратн. 219; жестоко̀ Ап. 1564 г. 17 об., жесто́къ Тр. П. 1589 г. 317 об. В Сборн.: жестокі́и 48 об.; же|стωка́ѧ 246 об. при же́стωкъ 226 об., же́стωко 120, же́стωка ср. р. 327, но: жестωка̀ ж. р. 327. В виду сего, не следует ли допустить, что форма с насуффиксною акцентовкою для писца Псалтыри была чуждою, и он не мог проверить звуковых ее особенностей своим произношением. Словинский язык, в отличие от

[1] В русских говорах в нечленной форме изредка встречается такая акцентовка: *вы́соко* Куб., Ж. Ст. 1903, III, 360, *ши́роко* ib., *глы́боко* Тверск. Ржевск. (Е. Карский).

русского и сербского, имеет выдержанную насуффиксную акцентовку, под влиянием которой в нем развилось *o:* žestȍk, žestǫ́ka.

Имя прилагат. *готóвый* имеет напряженное *ô* и в членной, и в нечленной формах. Сборн.: готôвъ 41 об., -о 70, -ꙋ 22 об., -и 12 об.; Псалт.: готôвъ 50 об., готôво 153 bis (158 об.), сътотôваго 40 об., готôвъ 18 об., вготôвое 205; Тотемск.: gotôf — gotôva 37, gotôvo 141, в соответствии со слов. gotȍf — gotǫ́va; сербск. указывает на восходящее ударение го̀тов, -а, -о, го̀тови.

Здесь же упомянем напряженное *ô* в местоимении *котôрый*, неподвижность ударения коего на слоге *-то-* позволяет допускать восходящее ударение. Сборн.: котôрыи 112, -ое 27 об., -агож҇ѡ 34 об., -ои 70 об. bis, 156, 156 об., -ые 163 об., -о|мꙋ 18, -ꙋю 161 об., а̓кѡтôрые 155 об., никотôрого 211 об. (212), вко|тôрꙋю 47 об.; Тотемск.: kotôroį, kotôra 125.

Что касается Грязов. *комôлой* при слов. komǫ̂ł,[1] то оно могло приобрести напряженное *о* в членной форме (срвн. *мóлод* — диал. *молóдый*).

В памятниках имя прилагат. *убóгий* всегда имеет *ô*. Сборн.: оу̓бôгагô 105 об., -sїи 118, ꙋ̓бôгꙋ д. п. 35 об., оу̓бôгїи 33 об.; Псалт.: оу̓бôгъ 54, 155 об., -а 155, 159 об., -ꙋ 153, -агô 156 об., -имъ 159 об., оу̓бôгимъ 193. В Ряз. же наблюдается колебание: *убôгий* и *убóгий*. Сербск. у̑бог, -а, -о — у̑богӣ свидетельствует о втором восходящем ударении; слов. ubǫ̂g, подтверждая напряженность *ô*, непонятно своим нисходящим ударением, и потому слов. nebǫ̂g первоначальнее своим *ǫ*. Из других прилагательных, сложенных с приставками, имеют *ô* в Ряз.: *пригôжий, осôбый, отхôжий*.

§ 38. Суффикс *-ov-* у имен прилагательных и местоимений, оканчивающихся на этот суффикс, при ударении на нем имеет обыкновенно напряженное *ô*. Сборн.: въи̓мѣ лвôве 106; какôвъ 111, какôвъ 112; такôвъ 224, 294 (срвн. еще: доа̓нти̓|христôва

[1] Имя сущ. *кóмель* безусловно имело нисходящее ударение на *о*: нáкомель Алф. 259.

261 об., но доа̓нти́христωва 314); в Псалт. лишь гроздώвȣ 208 об.; Тотемск. Ṗotrôf 35, p̓ötrôv-d́eń 127, ṗötrôva dńi ib., -vu dńi ib.; tołkôvoį 37, ḃestołkôvaįa 63, tołkôveńka 96; Ряз.: *Петрôв, Соколôв, Попôв; целкôвый, столôвый, дубôвый, бестолкôвый, ольхôвый;* сербск. бо̀бов, -а, ду̀бов, -а, Хри̏стов, ка̏ков, та̀кови̑ указывают на восходящее ударение; слов. язык при ударении на суффиксе имеет обыкновенно ǫ: ḃobǫ́v, ḃorǫ́v, jelǫ́v, kozlǫ́v, zlatǫ́v, kakǫ́v, njegòv, -ǫ́va; также обычно -ův в чешск. языке.

Если ударение падает не на суффикс -ov-, а на корень, то этот корень в нечленной форме имени прилагат. в древности имел характер ударения производящего слова, сохранившийся доселе в корнях с полногласием: *Ко̓лосов, Шо́рохов, Во́лосово* (станция по Балтийской жел. дороге), но *Березов, Моро́зов, Горо́хов,* а в членной форме у первых ударение переходило на окончание (или суффикс): *городово́й, голосово́й,* а у вторых оставалось на корне: *бере́зовый, горо́ховый.* Срвн. при *полево́й, снегово́й, духово́й, носово́й, мохово́й, громово́й* и *дубо́вый* и дȣбовы́я Алф. 406,[1] терно́вый, Го́рев, По́левъ Лет. 563 об., вса̓ снѣ̈говы напа́|сти Пат. Ск. 268, *Ду́хов день, Но́сов, Мо́хов, Гро́мов,* сн҃а гро́мова Сборн. 1647 г. 858 об., дȣ̈бово Алф. 180, вѣ̈не́цъ те́рновъ Торж. XVI в. 64 об., Сб. 1647 г. 596; но *ли́повый, ма́ковый, лу́ковый,* и̓зо оўстъ | ки́товы[x] [2] Торж. XVI в. 241 (срвн. вочревѣ̀ ки́товѣ Алф. 87 об.) (сербск.: ли̏па, ма̏к, лу̏к, ки̏т). Первые, повидимому, были способны к энклизе при предлогах: на́ Волотове Новг. Лет. 533 об. (срвн. Во́|лотово Лет. 10). Отсюда вполне понятно открытое *о* в Ряз. *Ко́лосов.* Что касается Грязов. *Новгорôдова* (название деревни), то здесь мы имеем дело с срощением; в срощениях же, так и в сложениях (см. § 61, I) слова,

---

1 Это колебание мне напоминает колебание: *мо́лод — молодо́й* и диалектич. *моло́дый.*

2 Совр. *кито́вый* имеет производящим *кит — кита̀,* тогда как в памятниках производящее слово обычно имеет акцентовку, согласную с сербск. языком: ки́та Хрон. 261, ѿки́та Мин. 1619 г. 306, вки́тѣ Пал. XVI в. 195 (но: ѿкита̀ Мин. 1608 г. 145 об., 161).

составляющие вторую часть срощения, имели, надо думать, восходящее ударение.

Что касается нис8р̂во Сборн. 72 об., surôf Тотемск. 37, то напряженность *о* подтверждается словинским языком sirǫ̂v, -ǫ̂va, хотя и непонятно появление его под нисходящим ударением: сербск. сȉров и обычная накоренная акцентовка в древнерусских памятниках: с8ровѣ нар. Тр. П. 1589 г. 159, с8рово Сборн. 1647 г. 693, соу́рова р. п. Нов. Зав. XIV в. 72 об., соу́рови ib. 139 об., оу̉|с8ровы ве́си Торж. XVI в. 420 об., а также в русских говорах: «*ни су́рово* ни бе́ло — свое рукоделье» Мат. № 41[1], Кал. Мещ., предполагали бы для словинск. яз. или *sírov, или *sirǫ̂v. За последнюю говорят членные формы из древних русских памятников: ѿс8ровы́ѧ Сборн. 1647 г. 266 (при с8ро́вое ib. 693), с8ровы́ми Торж. XVI в. 63 об., с8ровѡ́м8 Кн. Степ. 695 (срвн. *дубово́й* и *дубо́вой* при *ду́бов,* где на *у* нисходящее ударение), а также и в русских говорах: *сурово́й* Вологодск. Кадн., Мат. № 25, Олон. Петрозав., Мат. № 38, Вятск. Слоб., Мат. № 50, Арх. Холм., Мат. № 52. Надо предположить, что здесь было влияние со стороны других имен прилагат. на -ǫ́v. Тотемск. surо́voḭ 37, может быть, следует объяснять заимствованием из чужого говора, срвн. surovо́ḭ 128.

§ 39. В формах сравнительной степени с суффиксом -jьš и в памятниках, и в говорах наблюдается *ô*. Сборн.: небо̂лши 39, бо̂лша р. п. 286, бо̂лш8 в. п. 192, 192 об. bis, бо̂лшаѧ р. п. 136, вбо̂лшаѧ р. п. 37, вбо̂лшаѧ сп^x 15 об., оу̉бо̂льшаго̂ 186 об. (108); го̂рши 207 об.; Тотемск.: bôľe 42, 128, bôľše 128; korôće, moľôže 44 (срвн. dóle, чешск. delši, слов. dlje, подробнее см. у Г. А. Ильинского, РФВ, 1908, т. 60, 432 и след.; tóu̯št͡šə 61, tónše 120); Грязов.: *бо̂лше;* Костр. Шунг.: *буо́ле* 79; Ряз.: *бо̂льше, про̂ще, коро̂че,* но: *до́льше, то́ньше, то́лще.*

Древнее восходящее ударение в подобных формах устанавливается сербским и чешским языками; шток. мла̏ђӣ, у̏жӣ, вӣше̑ и т. п.; чешск.: dráže, lépe, více, blíže, výše и т. п. (с вы-

падением глухого ударение из восходящего изменялось в чешском языке в нисходящее и вместо долготы ныне является краткость: lepší, bližší, vyšší и т. п.). Показания словинского языка в данном случае странным образом раздваиваются: вполне подтверждается напряженность *ô* в *гóрши:* gộrji, gộrši (и производные: gộršati) и указывается открытость в *бóле:* bộlji, bộljši (и производные bộljšati), кроме того, сокращенная форма bòlj. Следы напряженного *о* я также усматриваю в чешских: hůře, hůř при правильном horší и spůze (срвн. snáze от snadně).

§ 40. В формах praesens'a глагола *мочь* (а в памятниках во 2 и 3 л. ед. ч. aorist'a) и глаголов на *-нути,* а также глаголов, образованных при помощи суффикса -jo-, при ударении на коренном *о* обыкновенно это *о* является напряженным. Сборн.: мо̋жетъ 11 об., не- 13 об., воз- 25 об., мо̋жемъ 9, не- 251, мо̋жете 10 об., мо̋гѹтъ 91, мо̂жет 76 об., 106 об., мо̂гѹтъ 16, немо̂гѹт 108, возмо̂же аор., не- 182 об.; хо̂щеши 4, 9, 16 об. bis, 101, хо̋щет 94, хо̋|щем 29 об., нехо̋щемъ 130, хо̂щета 115 об.; бо̂ретсѧ 186 (срвн. ро́пщетъ 41² об., -ё 74 об., неро́пщем 75, ро́пщѹщїи 74 об., -щим 294 об. при одном исключении неро̂пщетъ 108 об., кроме того, во|здѡ́хнемъ 116 об., въздѡ́хнѹтъ 124, и с выдержанной накоренною акцентовкою: неѿто́ргнет 74 об., ѿто́|ргнѹти 316, ѿто́рже 200, оу̓мѡ́лъкни 102, пре|со́хнѹтъ 113); Псалт.: немо̋гоуть 46, и̓зне- 75 об., по- 177 об., 210, помо̋же 153, пренемо̋же 103, помо̋жеми 34, и̓знемо̂жетѣ 22, невозмо̂гоуть ib., и̓знемо̂же 211 bis; хо̋ще|ть 26 об., восхо̋щеть 158 об., въсхо̋|щеть 47 об., восхо̂щет 200 об., и с выдержанною накоренною акцентовкою: възглаго̋лю 65 об., неглаго̋лють 160 об., взглаго̋лют 199, глаго̋лѧ 144, глаго̋люще 171, 218, глаго̋лющими 34, -их 155 об. (срвн. поро́|пщоуть 77, кроме того: и̓стѡ́ргнешимѧ̑ 36 об., растѡ́ргнетѣта 69); Тотемск.: bormôćeš 139, gł́ôžoš...gł́ôžut, pôl'öš...pôl'ut 131, pôŕöš 137, stôńöš 139, tôńeš...tônut 136, xł́opôćeš 139, xoxôćeš 139, poł́ôščöš 139, есть и исключения: mόžöš, mόžet'ö, mόgut 135, xόćöš и т. д. 33, но: xôš 33, kόl'eš и т. д. 137, zόbl'eš 139

(срвн. tópćeš 42, 139, rókćeš (= ропчешь) 139, zakrójot 100, vójöt 136, móju, króju, róju, on nójöt 139); Грязов., в противоположность Тотемск., подтверждает формы: *мôжеш, мôгут* и *хôчет;* Ряз.: *мôжу, мôжешь; бôрются, глôжешь, пôрю, пôрешь, кôлю, кôлешь, пôлю, пôлешь, пôля, пôлют, хôчет, грохôчет, хлопôчем, лапôчишь, тôнет* (срвн.: *засóхнут; крóю, крóешь, вымóешь, мóю, мóй* п. н., *нóю, рóпчут, тóпчешь).*

Все глаголы этих типов, для которых нам удалось подыскать параллели в словинском языке, а также им подобные имеют в нем ǫ и восходящее или новое нисходящее (из восходящего) ударения: móči — mǫ́rem (mórem); tóniti — tǫ́nim (срвн. móknit — mǫ̂knem, kótniti — kǫ̂tnem, hlópniti — hlǫ̂pnem, poskókniti — poskǫ̂knem — о новом нисходящем ударении см. Rad, 132, 155); hotẹ́ti — hǫ́čem, kǫ́ljem, pǫ́rjem (pórjem), pǫ́ljem, glódati (Хостник)[1] — glǫ́jem (lókati — lǫ́čem, kópati — kǫ́pljem, rováti — rǫ́vljem и т. п.); hohotáti, -ǫ́čem, hlopotáti, -ǫ́čem, grohotáti, -ǫ́čem, lopotáti, -ǫ́čem (klokotáti, -ǫ́čem, ropotáti, -ǫ́čem и масса им подобных). Глагол *орать,* допускающий в русском языке в praesens'е двоякую акцентовку, как и некоторые другие глаголы, *óрет* и *орêт,* и в словинском имеет также двоякую órjem при orjệm и ǫ́rjem.

Чешск. язык имеет mohu — můžeš, koli — kůleš, stoni — stůneš и старочешск. и диалект. choču — chóčeš (Gebauer Hist. ml. I, 588) и лишь zovu — zůveš является исключением.

§ 41. Формы глаголов с суффиксом *-а-* с ударением на предыдущем слоге имеют обыкновенно в этом слоге *ô,* которое поддерживалось аналогией слов, производящих эти глаголы: *рабôтати, готôвати, глагôлати, подôбает* под влиянием *рабôта* (см. § 32), *готôв* (см. § 37), *глагôл* (см. § 27), *подôба* (см. § 31). Сборн.: рабо̂тати 11 об., 23-2 об., 144 об., 195 об., -ю̂ще 28; оу̂гѡто̂ваннѡе 25 об.; оу̂гото̂вати 76, -аннѡе 13, -анныи 23-2 об., гото̂ва|ютъ 45; Псалт.: глаго̂лахъ 168 об., во|з- 162,

---

[1] У Плетершника glódati, но Valjavec (Rad, 132, 143 и 145) отмечает: glodáti, glodálǫ.

возглаго̂ла 153 об., глаго̂лаша 154, 197 bis, глаго̂лахѹ 44 об.; оу̂гото̂ваѐши 26, -ахъ 184 об., гото̂вающемѹ 200 об., ѹ̂гото̂вати 221, оу̂гото̂ванїе 13 об., -а и̂ 8 об., -а́стѣ 205, -аша 13 об., гото̂ваѧ 210; по|рабо̂таеть 28, -ють -96, -та|ша 149 и 149 об., рабо̂таите 4 об., кроме того: подо̂баѐтъ 129 об.[1]

На стр. 69 О. Брок отмечает в Тотемск. poroḃôtaš с оговоркою: «наверное описка вм. -ḃôtaš»; последняя форма засвидетельствована Грязов. *робо̂тают* и Ряз. *рабо̂тал.* Что касается Ряз. *тро́гать, хло́пать,* то в первом *о* из *ъ*, а во втором мы ожидали бы *о̂* (слов. hlôpati имеет оттянутое ударение, но срвн. hlǫ́pljem). Сербск. рабо̀тати соответствует русск. диал. *работа́ти* («Все соседи твои *работа́ют* давно» — Кольцов), а слов. rabọ̑tati под влиянием rabọ̑ta.[2]

---

[1] Такую акцентовку можно засвидетельствовать и памятниками: подо́баѥт Нов. Зав. XIV в. 108, 140 и во многих других местах, подо́баше ib. 146 и малорусским нар. сподо́бае Ет. Зб. VI, 68, подо́бала ib. 78; об акцентовке глаголов этого типа в великорусском наречии см. следующее подстрочное примечание.

[2] Что касается напряженного *ô* в слов. языке в глаголах несовершенного вида ukrǫ́čati, uprǫ́ščati, ustanǫ́vljati, zadovǫ́ljati и т. п., то они при сравнении с русским языком (великорусским наречием) имеют *ô* как бы в неударенном слоге: *укроща́ть, упроща́ть, установля́ть* и т. п. Однако при последнем сравнении не следует упускать из виду, что тот действующий в русском языке в настоящее время закон, по которому сложенные с приставками глаголы на *-ати* несовершенного вида непременно имеют ударение на суффиксе: *па́дать — напада́ть, ре́зать — разреза́ть, бе́гать — убега́ть, дви́гать — раздвига́ть* и т. п. (но совершенный вид по более тесной ассоциации с глаголами без приставок удерживает ударение корня: *напа́дать, разре́зать, убе́гаться, раздви́гать* и т. д.), в древнерусских памятниках еще только намечается и довольно часто глаголы несовершенного вида имеют ударение на корне: впа́дают Нов. Зав. XIV в. 138 об., прѡгнѣ́вающе Сборн. 130, срѣ́ꙁаѐмо Торж. XVI в. 483 об., пома́заѧ ib. 610, посы́пающих Пат. Ск. 45, повѣ́шаютсѧ Тр. П. 1589 г. 168 об., ѝска́паѧ Мин. 1658 г. 212, препла́ваѧ ib. 139 об., припа́даетъ Улож. 186 об., размѣ́рѧетъ Кормч. 1650 г. 207 об. (срвн. сербск. ȕпадати, пòсипати, прѐпливати). Точно так же и глаголы несов. вида, без приставок не употребительные, часто имеют ударение на корне вместо теперешнего насуффиксного, напр.: изба́влѧти Нов. Зав. XIV в. 87, прибли́жаюмъсѧ ib. 145, просла́влѧю ib. 104 об., съста́влѧти ib. 117, оутѣ́шаѧй 118 об., озло́блѧѧ ib. 85, испо́лнѧѧ ib. 114, порабо́щаю ib. 112, оу̂кра́дающими Торж. XVI в. 36 об., покла́даѧ ib. 547, со|глѧ́даѧ Кн. Степ. 583 об., обла́дающаго 4 (на всякий случай упомянем, что в московских грамотах конца XVI—XVII в. в слове обладатель принято писать два *а*: облаадатель,

§ 42. Переходя к рассмотрению употребления *ô* в глаголах на *-ити,* мы прежде всего оговоримся, что нам придется иметь дело с тремя типами акцентовок в этих глаголах: 1) *пра́вить — пра́влю — пра́вишь,* 2) *люби́ти — люблю́ — лю́бишь* и 3) *святи́ть — свячу́ — святи́шь.* Относительно последнего типа следует отметить, что в древнем русском языке он был значительно более распространен, нежели теперь (*яви́т, учи́т, вали́т, сади́т, губи́т, лени́тся, пусти́т, приценя́тся, гаси́т, получи́т, измени́мся* и много подобных других являются весьма обычными для древнерусских памятников); в настоящее время язык имеет тенденцию переводить глаголы из последнего типа акцентовки во второй («сено *ко́сят*», но в специальном выражении: «глазами *коси́т*),[1] при чем в акающих говорах это явление замечается в более широком размере, нежели в окающих, а в белорусском наречии этот переход достигает огромных размеров; там можно встретить не только *ро́диць, зво́ниць,* но и: *рассме́шиць, до́ўбиш, жи́виць, кре́пится, ре́шиць, householdво́ришь, че́щишь, то́ўпишся, цвѐрдзишь* и т. п. (по данным словаря И. Носовича). Первому типу в словинском языке соответствует práviti — prâvit, а в сербском: шток. пра̏вити — пра̏вим и чакавск. prȁvit — prȁvin; второму — в слов. яз.: ljúbiti — ljúbim, а в сербск.: шток. љу́бити — љу̑би̑м и чакавск. gūbȉt — gúbȋn; третьему — в слов. яз. sušíti — suším, а в сербск.: шток. чи̏нити — чи̏ни̑м, чакавск. učȉt — učȋn (последний тип, как в русском языке, в особенности с некогда долгими гласными, так и в сербском языке, перешел в большинстве глаголов во второй: шток. ја́вити — ја̑ви̑м, су́шити — су̑ши̑м, чакавск. sādȉt — sádȋn, а в оставшихся в этом типе глаго-

почему?), оу̓ма́лаю̓тже Тр. П. 1589 г. 317, оумно́жаа ib. 150 об., оура́нае̓маго ib. 160 об. и т. п. (срвн. сербск. за̏стављати, и̏збављати, про̏слављати, о̏творати, у̏клоњати; реже: про̏гледати сов. в. при прогле́дати несов. в.). В виду сего настаивать на насуффиксной акцентовке вышеприведенных словинских глаголов надо осторожно.

[1] Срвн. в одном говоре Уфимск. Белев. Изв. X_2, 99 наблюдатель отмечает безразличное употребление *коси́т глазами* и *кося́т траву,* т. е. по старому.

лах долгие гласные сократились по образцу глаголов с древними краткими). В старом восходящем ударении на коренном гласном в первом типе акцентовки сомневаться не приходится; что же касается восходящего ударения в настоящем времени глаголов второго типа акцентовки, то и его на основании чакавских форм также признают (акад. А. А. Шахматов, К истории ударений в славянских языках, Изв., III, 3), объяснение же долготы вместо ожидаемой краткости проникновением ее из неударенных слогов дано А. Беличем (О чакавском ʹ. Zbornik u slavu V. Jagića. Berlin. 1908, 449 и след.).

Мы предпослали сравнению русского *ȏ* со словинским *o* в глаголах на *-ити* распределение означенных глаголов по типам акцентовки по той причине, что находим правильнее сравнивать не отдельные глаголы, а именно эти категории. Ибо возможно, что в глубокой древности круг глаголов, принадлежавших к тому или другому типу акцентовки, был и в русском языке, и в словинском языке один и тот же (на это указывают многие совпадения между отдельными глаголами), но со временем аналогия увеличила, с одной стороны, известный тип глаголов в русском языке одними глаголами, а в словинском другими, а с другой уменьшила также неодинаковыми глаголами, присоединив их к другому типу; типы же категорий сохранились и в том, и в другом языке одинаковые.

I. Если глагол с *o* в основе принадлежит к первому типу акцентовки, то он имеет напряженное *ȏ* во всех формах.

В русском языке к этому типу относятся следующие глаголы.

Сборн.: вȏлитъ 30 об.; и̓звȍльши^{х} 27; довȏли|тсѧ 163, и̓звȏ|листе 208, вȏлѧщȣ д. п. 63, и̓звȏлившȣ 160, и̓|звȏлиша 327 об.; готȏвитсѧ 109, оу̓гѡ|тȏвимсѧ 241 об., неоу̓го|тȏвленъ 70, оу̓готȏвль 185 об.; мнȍжатсѧ 104; оу̓|мнȏжȣ 242 об.; оу̓подȏбивсѧ 5 об.; неспѡдȏбльсѧ 36; спѡдȏбль|шасѧ 294 об., спѡдȏбльши^{м}сѧ 316 об.; пѡкȍѧтъ 248; покȏити 156, -и̓ти 156 об., -и|тисѧ 201, покȏю 1 л. 17 об.; порабȏ|титисѧ 198, порабȏтив-

шасѧ 200, порабо̂тилъсѧ 169;[1] стро̂|и́тисѧ 257; стро̂итъ 276 об., оу- 216, неоустро̂|ѧ́тъли 318 об., оустро̂|илъ 291 об.; досто̂итъ 22, 44, 89 (срвн.: испо́лнится 14, напо́лни^м 5, напо́лни аор. 216 об., испо́лненъ 70, испо́лнени 120 об., испо́лнь 280); Псалт.: бл҃гоизво̂лать 64 об., изво̂лихъ 167 об., 177, 184 об., изво̂ли аор. 30 об.; оуното̂вихсѧ 169 об.; пригото̂|витисѧ 2; о̂злобити 123, о̂зло̂бишасѧ 153; оумно̂жатсѧ 191 об., оумно̂жи|шимѧ 190, оумно̂жилъ 15, 45 об., оумно̂жисѧ 149, оумно̂жишасѧ 170, ȣмно̂жи|ши 216 об., оумно̂жишасѧ 153, -ишѧ 4 об.; оуподо̂блюсѧ 195 об., оуподо̂битьтисѧ 53, оуподо̂блюсѧ 33 об., оуподо̂битсѧ 114, оуподо̂бисѧ аор. 196 об.; оустро̂и п. н. 44; ȣстро̂и|ть 222 (срвн.: испо́лнатсѧ 143, испо́лнїши 17 об., здесь же упомянем: ско́рблю 36, поско́рбить 91 об.). Тотемск. все глаголы, сюда относящиеся, имеют напряженное *о* (см. стр. 141): strôit́, strôi̯u . . . strôi̯šö; ńe strôit; gotôvit́, zgotôvľu . . . пов. izgotôf, izgotôfťe, zgotôvľöno; zaḃôťitšö (срвн.: ispórťu, pórťiš . . . ispórťiu̯, pórťit́). Грязов.: *сто̂ит, стро̂итсё, успоко̂иш*. Ряз.: *гото̂вить, спо̂рить, вздо̂рить, сто̂ить, удво̂ить, забо̂титься, познако̂мить, удосто̂ить, расстро̂ить, постро̂илась, позво̂лить, поло̂зить, коро̂биться, око̂нчить, присво̂ить* (срвн.: *бро́сю, бро́сить, по́ртить, по́ртит, напо́лнить, мо́лвить, ко́рчиться*).

С точки зрения современного русского литературного языка акцентовка глагола *сподо́биться* не вызывает замечаний; но со стороны общей картины ударения в Сборнике она является исключением, ибо этот глагол во многих других местах имеет насуффиксную акцентовку: спѡдоби́тї 170, спѡдоблю́сѧ 216 об., -би́шисѧ 136, -би́тъ 162, -би́тсѧ 136, -би́лсѧ 264, -би́вши^х сѧ 129, -би́ша 218 об. (срвн. сербск. сподо̀бити се — спо̀добим се, но слов. spodǫ́biti se, -dǫ̂bim se). Объяснять такую двоякую акцентовку одного и того же слова можно по разному:

---

[1] Подобная акцентовка свойственна и другим древнерусским памятникам: порабо́тѧ^т Нов. Зав. XIV в. 122, порабо́тивше ib. 102, порабо́ти^х ib. 111; порабо́тиласѧ Пал. XVI в. 134; порабо́ти^м Тр. П. 1589 г. 121 об.

одну можно отнести на счет писца, а другую на счет оригинала памятника, а можно допускать, что и в устах одного и того же книжника этот глагол употреблялся с двоякой акцентовкой, переживая переходную стадию (я, напр., одинаково могу произносить: понуди́ть и пону́дить, и не знаю, что для меня является более нормальным). Отмечу из Сборника еще несколько глаголов, которые в настоящее время принадлежат к первому типу акцентовки, а в нем относятся к второму или третьему: ѝсчисли́ши 257 об., числи́тсѧ 258, числи́т҆ 259, числи́мъ 258 об., числѧ́ть 259 об.; разшири́мъ҇ 5; похи|ти́ша 126 об. (227); нена|сыти́тисѧ 36 об., насытѝ аор. 15 об., насыти́|тсѧ 138 об., нена|сытѧ́тсѧ 328 об. (но есть и: ненасы́титсѧ 300); краси́ти҇ 109, оу҆краси́въ 257, оу҆краси́|вша 26 об. (но: кра́ситесѧ 167 об.); ноуди́ пов. накл. 32, понꙋди́лмѧ 315 (но: поноу́димсѧ 138). Подобные акцентовки не чужды древнерусским памятникам, напр.: оу҆подоби́хсѧ Пал. XVI в. 12, оу҆подоби́сѧ ib. 165; расшири́ша ib. 111; расхити́ти Новг. Лет. 371, исхити́ти ib. 637 и русским говорам *краси́ть* Тульск., срвн. еще совр. *разру́шить,* а в памятниках обычно: разрꙋши́ть 3 л. Пал. XVI в. 7 об., разрꙋши́тца Новг. Лет. 415, разрꙋши́тъ Кн. Степ. 354.

В словинском языке в соответствии с русским языком принадлежат глаголы: gotǫ́viti — gotǫ̂vim (а также с приставками iz-, pri-, u-, z-), podǫ́biti — podǫ̂bim (s-, u-), udostǫ́jiti — udostǫ̂jim,[1] кроме того, сюда могли бы быть отнесены: prorǫ́čiti, -ǫ̂čim, pozakǫ́niti, -kǫ̂nim, škǫ́diti — škǫ̂dim, параллелей для которых не дают находящиеся в моем распоряжении материалы из русского языка; кроме того: ǫ́bčiti — ǫ̂bčim, plǫ́ščiti, -ǫ̂ščim, pǫ́diti — pǫ̂dim, svedǫ́čiti, -ǫ̂čim (и рядом обычные: svẹdočíti, -ím), rogǫ́ziti, -ǫ̂zim, pustǫ́šiti, -ǫ̂šim, brlǫ́žiti, -ǫ̂žim; izprostǫ́riti, -ǫ̂rim (raz-), iznerǫ́diti, -ǫ̂dim, sposǫ́biti, -ǫ̂bim, ohǫ́liti, -hǫ̂lim,

---

[1] Отсутствие соответствия в глаголе слов. pokojíti, -ím, я думаю, объясняется тем, что хотя производящее его слово pókòj, -ǫ́ja имеет ударение на корне, тем не менее теоретически оно допускает параллельную форму (см. § 27) с ударением на окончании, от которой, может быть, и был произведен глагол.

podrǫ̑čiti, -ǫ̑čim, obǫ̑žiti, -bǫ̑žim (но: pobožíti, -žím), pootrǫ̑čiti, -ǫ̑čim, oskǫ̑riti, -ǫ̑rim, onegǫ́diti, -ǫ̑dim, udomǫ́viti, oduhǫ̑viti, pomαhǫ̑viti, umirǫ̑viti, posinǫ̑viti, overǫ̑viti, -ǫ̑vim. Я заметил в словаре Плетершника лишь три глагола, принадлежащих этому типу и имеющих не *о*, а *ọ*: odobrọ̑titi, -ọ̑tim, pogospọ̑diti, -ọ̑dim, zavọ̑riti, -ọ̑rim: все они имеют ọ под влиянием образующих их слов dobrọ̑ta, gospọ̑d, zavọ̑ra.

II. Если же глагол принадлежит ко второму типу акцентовки, то в русском языке *ô* выступает в формах praesens'а, кроме 1 л. ед. ч. (а в Ряз. и в 1 лице ед. ч.), а также в причастии прош. врем. страд. залога; то же самое наблюдается в словинском языке, с тою лишь разницею, что к другим лицам praesens'а примыкает и 1 л. ед. ч., как в Ряз. говоре.

В русском языке к этому типу относятся следующие глаголы.

Сборн.: привȍдѧтъ 269; возвȏди^{т} 5 об., ѝзвȏдитъ 16, ѿвȏди|мсѧ 181 об.; вȏзишисѧ 111; прѡгȏнитъ 207 (109), ѿ- 153, ѿгȏнимъ 144, -ѧтъ 153; поклȏнитсѧ 18 об.; мȍлитъ 104, оу̓мȍлитсѧ 289, мȍлимсѧ 15, -тѧ 123; мȏлишисѧ 10, мȏлимсѧ 7; нȍситъ 11 об., при|нȍситъ 137 об., ѡ̓бнȍситсѧ 273 об., принȍсѧтъ 39 об., нȏситъ 101, нȏсите 167; прȏсиши 49 об., вспрȏси^{т} 19 об., невспрȏ|ситъ 47 об., прȏсимъ 49 об.; тȏмитъ 207 об.;[1] хȍдитъ 12 об., восхȍдитъ ѝли заходи^{т} 279, хȍдимъ 28, хȍдите 11 об. (242), ѿхȍдѧтъ 26 об., ѡ̓бхȏдитъ 181, хȏди^{м} 7 об., хȏдите 126, ѿхȏдѧтъ 4 об., при- 11 об. (но: правильно свинїа̀ пита́ющисѧ крѡ́титъ 152 об., срвн. чешск. krtiti — рыть подобно кроту). Псалт.: возвȍдитъ 200, възвȍ|дитьмѧ 213 об., низвȍ|дитъ 211|211 об.; слȍми|тъ 61 об.; помȍлитсѧ 38 об., оу̓мȍлитсѧ 187, помȍлѧтсѧ 60, оу̓мȏлитсѧ 225; ѡ̓мȍчитсѧ 87 об.; вознȍситъ 101 об., превознȍсимъ 220, принȏсимъ 1, невознȏсѧтсѧ 85;

---

[1] Для древнерусских памятников подобная акцентовка является довольно обычной: оутóмитсѧ Нов. Зав. XIV в. 82 (при оутоми́ти ib.), тóмитъ Торж. XVI в. 250, тóмишь Новг. Лет. 591; возможна и современная акцентовка томи́ти Кн. Степ. 111.

смо̑̈триши 127, ра^з^смо̂трить 158 об.; восхо̑̈дать 141 об., 152, низъ- 141 об., нис- 152; прехо̑̈|дать 104, хо̂дитъ 51 об., хо̂дать 15, 114, пре- 196 об. Тотемск. «первоначальное *о*, как и второе *о* полногласного сочетания, во всех собранных примерах является под ударением в виде *ô*» (стр. 141): xôd́iš . . . xôd́at, ł̂ôv́iš. . .,[1] nôśiš. . ., prôśiš. . ., tôṕiš. . . (tôṕät 96), vôźiš. . . (здесь же: smôtŕiš . . . smôtŕät 142), borôńat, poxorôńiš. . ., kołôt́iš. . ., mołôt́iš. . . (срвн. kórḿiš ib., ńe kórḿät 81). Из Грязов. сюда относятся: *про̂сит, хо̂дит, ло̂вят, поворо̂тиш, боро̂нят.* Костр. Шунг.: *хуóдит* 78, 79.

В виду того, что в Ряз. 1 л. ед. ч. этих глаголов по аналогии к другим лицам имеет ударение на основе, то напряженное *ô* проникает и в это лицо: *во̂зю, во̂зишь, во̂дю, во̂дишь, бро̂дю, бро̂дишь, хо̂дю, хо̂дишь, он хо̂дя, прого̂нишь, ло̂мит, нало̂мит,*[2] *про̂сю, про̂сишь, ко̂сишь, но̂сю, но̂сишь, мо̂лю, мо̂лишь, мо̂чу, мо̂чишь, стро̂чу, стро̂чишь, то̂чишь, кло̂нится, по-, кало̂тю, воло̂чишь, огоро̂дишь* и даже *пло̂тит* (срвн. *кóрмишь*). Впрочем, в этом говоре есть исключения: с одной стороны *полóжишь, слóжишь* и *сóдить*, а с другой *прогло̂тишь, кро̂шится.*

В словинском языке в соответствии с русским принадлежат следующие глаголы: bróditi, vóditi, vóziti, góniti, klóniti, lómiti,[3]

---

[1] Этот глагол представляет наглядное подтверждение перехода из третьего типа акцентовки во второй с приобретением фонетических его особенностей: и сравнение с другими славянскими языками (слов. lovíti, -ím, сербск. lòviti, lòvîm), и указания памятников (Псалт. уловáть 131, Сборн. ло|вúтъ 182, Новг. Лет. ловáтъ 399, 448) указывают на древнюю принадлежность его к третьему типу, поэтому в правленом лóв^и^тъ Псалт. 12 об. и 13 следует видеть неудачную поправку, а не исключение.

[2] Как здесь, так и в других случаях надо иметь в виду, что Ф. Тоньшин расставлял обозначения звука *о* на словах, написанных мною по литературному, не исправляя их на новосельское произношение целиком.

[3] Что касается глагола lóžiti — lóžim, то он отличается от других глаголов тем, что с приставками он имеет акцентовку 3-го типа: položíti, -ím, (na-, raz-, za-, v-), а кроме того в говорах русского языка сохраняет открытое *о* в формах praesens'a (Ряз.), причастия прош. врем. (Ряз. и Вологодск.) и пов. накл.: *полóжь, полóжьте* (Ряз.); в памятниках древнерусского языка он обычно имеет акцентовку 3-го типа: Сборн.: влѡ|жúши 155, неположúши 327 об., пѡложúмъ

móliti, móčiti, nósiti, prósiti, [skóčiti],[1] tóčiti, hóditi (все они в praesens'е имеют ǫ́: brǫ́dim, vǫ́dim . . . hǫ́dim; такая же акцентовка остается если к глаголу присоединяется приставка: poklóniti — poklǫ́nim, obhóditi — obhǫ́dim и т. п.); кроме того, к этому типу принадлежат: 1) strójiti — strǫ́jim и vóliti — vǫ́lim, которые в русском относятся к предыдущему типу (п. I), 2) несколько глаголов, которые в русском литературном языке (ибо в говорах возможны и другие акцентовки) имеют акцентовку 3-го типа: plóditi — plǫ́dim (при plodíti — plodím); póstiti se — pǫ́stim se, slóniti — slǫ́nim, tóliti — tǫ́lim, tóriti — tǫ́rim и 3) глаголы, не имеющие соответствия в русском литературном языке: kóliti — kǫ́lim, vkóniti — vkǫ́nim, sklópiti — sklǫ́pim. Что касается глагола mótriti, -im (вместо ожидаемого mǫ́trim), то с приставкою он относится к другому типу акцентовки: razmotríti, -ím. Более заслуживают внимания глаголы, которые и в неопределенном наклонении имеют ǫ: kǫ́žiti se, -im se, okǫ́žiti, -im, но: izkǫ́žiti, -kǫ̂žim; zakǫ́toriti, -im; lǫ́ščiti, -im; ǫ́bliti, -im, но: izǫ́bliti, -ǫ̂blim; ǫ́ljiti, -im (po-); skǫ́bljiti, -im (od-); osǫ́biti, -im, но: poosǫ́biti — poosǫ̂bim; osǫ́čiti, -im (при sočíti, -čím): все они, за исключением последнего, для меня неясного, имеют ǫ в infinitiv'е не под влиянием форм praesens'а, а под влиянием слов, образующих их: kǫ́ža, kǫ́tva, lǫ̂šč, ǫ́bαl, ǫ́lje, skǫ́bαlj, osǫ̂ba (срвн. подобное же проникновение ǫ в глаголы первого типа акцентовки) совершенно подобно тому, как глаголы имеющие ǫ (из древнего носового гласного) сохраняют его и в неопр. наклонении: sǫ́diti, blǫ́diti, krǫ́žiti, tǫ́žiti (при praesens'е sǫ́dim и т. д.) под влиянием sǫ̂d, blǫ̂d, krǫ̂g, tǫ́ga (срвн.: без ударения zobíti от zǫ̂b, krotíti от krǫ̂t).

§ 43. Причастия прош. врем. страд. зал. от глаголов на *-ити* в виду незначительности собранного нами материала не

138, Псалт.: положиши 25 об., приложитъ 13 об., 54 об., положитъ 30 об., положать 105 об., возложать 68 об.

[1] Русское вскочишь в говорах, знающих напряженное *о*, имело бы, я думаю, *ô*.

нуждаются в особом рассмотрении. В Ряз.: *спрôшен, изнôшен* — напряженность ô подтверждается подобными формами из словинского языка: sh̥ǫjeni, ulǫ́mljeno (Хостник), gǫ́ńen, prǫ́šen, zlǫ́mljen (Rad, 132, 139); naklǫ́njenost, предполагающее ǫ и в причастии; сербск. до̀ношен. Повидимому, ô здесь поддерживалось или даже возникало под влиянием форм настоящего времени. Что касается полôжени Псалт. 64 об., poŀóžono Тотемск. 103, *полóжен, залóжен* Ряз., то открытое *о* здесь находится в связи с таковым же *о* в формах настоящего времени (см. § 42).

§ 44. В формах аориста на *-охъ* при ударении на *о* всегда наблюдается ô. Сборн.: соблюдôхъ 13 об., снидôхъ 13 об. (170 об.), прїйдôхъ 100 об., 235, встрасôхсѧ 112, впадôхъ 128, ȍбрѣтôхъ 183, возмѡгôхъ 195 об.; оу̑мрô̋ста 312; прѡйдô̋хо^м 269 об.; йдôхо^м 172 об., прїйдôхомъ 185 об., -о^м 238, рекôхомъ 133, 164 об., принесôхомъ 9, ѿвергôхомсѧ 130 об., йзнемогôхо^м 237; прїйдôсте 69 об., йзнемогôстѣ 70; нарекô̋|ша 259 (272 об.), погибô̋ша 278, потрѧ|сô̋шасѧ 301, оу̑спô̋ша 274 об., прейдô̋ша 278 об.; попекôша̑ 316, ѿбѣгôша 223, ѿвергôшасѧ 195, падôша 174 об., принесôша 160 об. 174 об., 176, ȍбрѣтô|ша 71, прѡбодôша 115, прейдôша 130, прїйдôша 147 об., 193, 232, 235, прѡ|йдôша 166 об., пожгôша 147 об., оу̑мрôша 150 об., йзомрôша 227 об., йсторгôша 196 об. Псалт.: идô̋хъ 48 об., йсчезô̋хъ 52, воздви|гô̋хъ 168 об., йсхô̋хъ 138, нево|змѡгô̋хъ 53 об., оу̑глебô̋хъ 89, сътрѧсô̋хсѧ 156; пожрôхъ 33, возведôхъ 178 об., 179 об., снидôхъ 215 об., йзыдôхъ 203 об., ѿверѕôхъ 174 об., привле|кôхъ ib., во|знесôхъ 183 об., прибѣгô^х 195 об., въздвигôхъ 30, несѣдôхъ 31 об., ȍбрѣтôхъ 161 об., текôхъ 76, -ôхь 167 об.; введô̋ста 56 об., срѣтô̋стасѧ 117; прѡйдô̋хомъ 84 об., ȍбрѣтô̋|хомъ 183 об.; сѣдôхомъ 189, съблю|дôхомъ 216; изрекô̋|стѣ 84 об., вознесô̋стѣсѧ 183, йзнемогô̋стѣ 156, йсчезô̋стѣ 174, йзведô̋стѣ 175, ѿрыгô̋стѣ 177; оу̑нзô̋ша 49 об., пожрô̋ша 149 об. bis, сътрô̋шѧ 212 об., со|схô̋шасѧ 137 об.; нарекô̋ша 64 об., сѣдô̋ша 167, завжегô̋ша 99 об., небрегô̋ша 164, ѿверзô̋ша 26 об., ѿверзô̋|шасѧ 154,

изче|зо̃ша 171, спасо̃шасѧ 26, оумолко̃ша 152 bis, прейдо̃ша 144 об., прїидо̃ша 145 bis, 146, 208 об., обыдо̃ша 154 об., 163, снѣдо̃шѧ 149, -а 145 об., поидо̃ша ib., ѧдо̃ша 28, потеко̃ша 146 bis, разсѣко̃ша 99 об., навы|ко̃ша 149, охрωмо̃ша 22 об., необрѣто̃ша 102, 150 об., вознесо̃ша 152, падо̃ша 46, про|зѧбо̃ша 128 об., прωнико̃ша ib., непремого̃ша 182, возмω-го̃ша 193 об., возмо||го̃ша 25 об. и 26; пожрȏша 208 об., оуглебȏшѧ 11 об., обрѣ|тȏшасѧ 161 об., изнемогȏша 151, -ѧ 210, ѿвергȏшасѧ 109, погрѧзȏша 204 и 204 об., обы|дȏ-шамѧ 163 об. bis, взыдȏ|ша 179, прωидȏ|ша 205, сѣдȏша 179, падȏша 25, напрѧгȏша 47, -ѧ 13 об., исчетȏша 27, извлекȏша 47. В Псалт. замечено одно исключение: изнемогȍхъ 121.

Штокавское наречие сербского языка своими восходящими ударениями предыдущего звуку *о* слога ясно показывает на древнее восходящее ударение этого *о:* плѐтох, плѐтосмо, плѐтосте, плѐтоше; тре́сох, тре́сосмо, тре́состе, тре́соше; проте́гох, проте́госмо и т. д.

§ 45. В причастии настоящего времени страдательного залога ȏ при ударении на нем обычно. Сборн.: блюдо̃ма 278 об., иско̃|маго 264 об., пасо̃мы 247, неоугасо̃ма е 24 об., что̃мъ 267, что̃ма 289 об.; блюдȏма 275, небрегȏмыи 33 об., жгȏмы 328 об., женȏми 124 об., искȏмое 140 об., пасȏмы 215, 244, пасȏ|мїи 243. Псалт.: несѣко̃мыи 160.

Сравнение этих форм с сербскими и словинскими невозможно, за отсутствием таковых.

§ 46. Сербский язык со словинским своими нисходящими ударениями за̏клат, не̏ закла̂то; zmlȇt, oplȇt заставляет предполагать открытое *о* в ко́лот, мо́лот, по́лот, однако оба мои источника, в которых встречаются подобные причастия, указывают напряженное *ô*. Тотемск.: ispôłoto, Ряз.: *мôлот, кôлот,* гряда *отпôлота.* Объяснить происхождение здесь *ô* довольно затруднительно. Однако укажу, что сербский и словинский языки, в отличие от русского, в глаголах, которые имели на корне восходящее ударение в причастии на *-л*: сербск.: би̏о — би̏ла, кри̏о —

кри̏ла, на̀дуо се — на̀дула се и др.; слов.: bìl — bíla, krìl — kríla, в причастиях на *-т* вместо восходящего имеют нисходящее; сербск.: би̑т, и̏зби̑т, кри̑т, са̏кри̑т, на̏ду̑т; словинск.: pobȋt, skrȋt; русский же язык и в последних причастиях неподвижностью ударения указывает на восходящее ударение: *уби́т, покры́т, заду́т* и т. д. Древность, повидимому, на стороне сербского и словинского языков. Отсюда возможно допустить, что в русском языке после того, как развилось полногласие, причастия на *-т* изменили по каким-то причинам нисходящее ударение в восходящее,[1] а так как в *молот, колот, полот* было уже *-о́ло,* то изменение в последних ограничилось лишь переходом *о́* в *ô*.

§ 47. Кроме того, напряженное *ô* в открытом срединном слоге имеют следующие наречия. Сборн.: докôлѣ 108; дотô|лѣ 271 об.; ѿтôлѣ 146 об., 200 об., 267; Псалт.: доко̏лѣ 79, 99 об., 110, 111 об., 113 об., 124 об., 126, 129 об. bis; докôлѣ 5 об., 7, 15 несколько раз; ѿто̏лѣ 102, 139; Грязов.: *оттôля;* Ряз.: *докôле.*

ГЛАВА VII.

Напряженное *ô* в закрытом срединном слоге.

§ 48. Имена сущ. муж. рода двухсложные, имеющие *ô* в слоге перед исчезнувшим глухим, а также j, Ряз.: *кôзлы, вôйлок; кôзлик, кôнчик.*

§ 49. Имена сущ. женск. рода двухсложные, имеющие *ô* в слоге перед исчезнувшим глухим. Сборн.: по̏лѕа 106 об., -ѣ 100, -ꙋ 39; напо̏лзꙋ 274, напôлзꙋ 6, 7 об., пôль|зꙋ 158, пôльзы 239. Тотемск.: Tôt́ma 46, но: bói̯na. Ряз.: *пôльза, бôйня, прôсьба.*

§ 50. Звук *ô* в именах сущ. ж. р. с суффиксом *-ка* обычен. Сборн.: кôтка 152 об.; Тотемск.: nôška, vôtka, łôtka, vdôfka, kôška, dvôi̯ka, trôi̯ka 38, gołôfka, dorôška 43, nasxôtku 47, po-

[1] В памятниках в причастии на *-н* корень *кла-* переносит ударение на приставку: за́к'лана Хрон. 185, за́кланъ Сборн. 1647 г. 68 об., -ꙋ ib. 120 (срвн. зак'ла́нъ Новг. Лет. 388 об., -ни 389 об.).

strôjka 38; исключение prórka; правильно: bóčka 38; Грязов.: *гôрка, кôрка, кôшка, страхôфка;* Костр. Шунг.: *стуôйка* 7; Ряз.: *гôрка, вôдка, лôмка, кôшка, лôдка, нôска, нôжка, стрôчка, трôйка, пôлка, сôшка, скôрка* (= корка), *головка, коробка, сноровка* (срвн. применительно к существительным именам с суффиксом *-ък-: скôрочка, гôрочка, лôдочка, вôдочка*); *ворôвка, плутôвка, торгôвка; улôвка, нахôдка, похôдка, обнôвка, подпôрка, уборка, обôрка, повôзка, заслôнка, пострôйка, в догôнку, обстанôвка*, исключениями являются: *кóвка, нóчка, кóсточка, скóбка, прóбка, подкóвка;* правильно имеют открытое *о* (из ъ): *дóчка, лóшка, крóшка, пóчка, кóчка, сóтка, тóчка; золóвка, иголок, цепóчка.*

Сербск. дѐво̑јка, тр̀го̑вка указывают, что при ударении на предпоследнем слоге имена сущ. этой категории имеют восходящее ударение; двухсложные чак. slánka, stránka, bárka, májka (при шток. ма̑јка, дво̑јка, тро̑јка, ло̑вка) указывают на то же ударение. В слов. языке здесь обычно наблюдается ǫ, но при близкой ассоциации с производящим словом вместо ǫ может быть *о:* при dvǭjka, trǭjka, nǭžka, rǭvka, slǭvka, sǭpka, sǭvka, trǭška, а также lǫ̑mka, stǭjka, tǭnjka, имеется kǫ̑stka, rǫ̑dka, rǫ̑žka под влиянием kǫ̑st, rǫ̑d, rǫ̑g; при prislǭvka, а также sirǭvka, devǭjka, rogǭzka, zahlǫ̑pka, pokrǭvka, имеется nadgǫ̑rka, podnǫ̑žka, primǫ̑rka, sirǫ̑tka, под влиянием na gǫ̑ru, pod nǫ̑gu, pri mǫ̑ri, sirǫ̑ta; им. сущ. с суффиксом *-ov-*, повидимому, всегда имеют ǫ: borǭvka, sinǭvka, trgǭvka и т. п. В чешск. яз. здесь довольно часто наблюдается *ů:* kůstka, půlka; libůstka, milůstka и другие многие на -ůstka; hospůdka, lahůdka, jahůdka; pomůcka, podkůvka, předhůrka, pohrůzka, snůška, pochůzka; borůvka, rakůvka, rohůvka.

§ 51. Напряженное ô имеется в именах существительных среднего рода с суффиксом *-ъс-:* ворôтце[м] дат. пад. Сборн. 213; *кôльца* мн. ч. Ряз., *кôльцям* Грязов.; слов. kǫ̑lce, -čece; срвн. правильно *о* из *ъ:* о̀кѡ́нце Сборн. 20, вокóнце ib., о̀сó|лнъцы ib. 250 об.; сóлнце Псалт. 142 об., сóлнца род. пад. ib. 75 об.;

sóńće Тотемск. 84, *сóлнце* Ряз. Отметим здесь же *о* в okóško Тотемск. 39.

§ 52. В соответствии колебанию в русских говорах напряженного *ô* с открытым в словах муж. рода с суффиксом *-ък-*, сложенных с приставками: *облôмков* Грязов.; *облôмки, обнôски, отрôсток* Ряз. и рядом *подмóстки* Ряз., наблюдается колебание ǫ̂ с ộ и *ô* в словинском яз.: oblǫ̂mαk (iz-, od-), zanǫ̂sαk и premộstαk; приведем еще примеры на тот и другой звук: obǫ̂rαk, obrǫ̂dαk, odskǫ̂čαk, ogǫ̂nαk, otǫ̂čαk, potǫ̂mαk, ulǫ̂vαk, ukrǫ̂jαk, dohǫ̂dαk, izkǫ̂pαk, izvǫ̂dαk, nadgrǫ̂bαk, naklǫ̂nαk, odpǫ̂rαk, namǫ̂tak, obglǫ̂dαk, razkǫ̂ljαk, razmnǫ̂žαk, vzǫ̂rαk, zatǫ̂nαk; opộrαk, oddộjαk, dogộdαk, izgộrαk, nadrộbαk, nalộžαk, naslộnαk, ognộjαk, okộlαk, pomộčαk; okôvαk, oslobôdαk, ovôjαk, nabôdαk (срвн. izlộčαk, где ộ из носового звука). Срвн. сербск. дȍходак, прѝплодак, ȍбломак, ȍбложак, зȁгризак, пȍдзимак, ȕзглавак. Чешский язык имеет *ů* у тех слов, которые без суффиксов *-ък-, -ьк-* имеют *о,* и наоборот: drůbek (и drobek), klůcek, bůček (и boček), růvek (и rovek), nůsek, plůtek, růžek, můstek (и mostek), brůdek, krůvek, tvůrek (narůdek, pohůnek, parůžek, poklůpek, schůdek, potůček),[1] но: volek, stolek, domek, dvorek, nožejček (okolek, přidvorek, přidomek), есть исключения: bůžek, důlek и hrobek; здесь же приводим: javůrek, ostrůvek, topůlek, jablůnek, živůtek.

§ 53. В именах существительных ср. рода с суффиксом *-ъstv-* обычно наблюдается *ô*. Сборн.: довôльство 71 bis, йнепокȏрьствѣ 102 об., непо|кôрьство^м 196; нейстôвство[2] 273 (ударение ′ над й перечеркнуто); непомнȏжествꙋ 36 об.; достôйньствѡ^м 161; Псалт.: непокôрства 222 об.; мнȏжъство 37 об., помнôжеству 150, 217 об. (см. еще 147 об., 198, 200, 204 об.), премнôже-

---

[1] Чаще с *о*: obložek, oblomky, zarodek, pohrobek, odkrojek, přednovek и т. д.

[2] Такая акцентовка изредка возможна в великорусских памятниках: неистóвства Новг. Лет. 478 об. (но: нейстово Хрон. 154; писец летописи и хронографа один и тот же); нейстóвьства Злат. 105 при нейстóви ib. 105 об., нейстóвыѧ ib. 86; ѝстóваѧ ib. 88: нейстóвствꙋ Кормч. 1650 г. 26 об. (но: нейстовъ ib. 434, нейстовныѧ ib. 254 об.); срвн. еще истóвоѥ Нов. Зав. XIV в. 127 об.

ства 1 об.; Вологодск.: udovôlstvo, sirôtstvo; Ряз.: *свôйство, знакôмство.*

Срвн. слов.: mnộštvọ, svộjstvọ, nedovộljstvọ, pokộrstvọ (срвн. еще: bộštvọ, dvộrstvọ, kộnjstvọ, plộvstvọ, slộvstvọ, rộbstvọ, snộvstvọ, vộjstvọ, otrộštvọ, gospộdstvọ, razdvộjstvọ, razstrộjstvọ, obstộjstvọ, potộmstvọ, pretvộrstvọ, upộrstvọ, samộtstvọ, bogộvstvọ, popộvstvọ, oslộvstvọ и др.). Что касается: 1) sirộštvọ, то здесь *ọ* под влиянием sirộta (= русск. *сúрота*), срвн. pomộrstvọ (под влиянием pomộrje, которое в свою очередь под влиянием mộrje), а 2) dostojâustvọ — заимствование из сербского языка. В bộrstvọ, gộrstvọ, lộvstvọ, как и в rójstvọ при rojstvọ следует видеть оттянутое ударение.

§ 54. Имена прилагательные с суффиксом -ьн-, не осложненные приставками и имеющие перед суффиксом один слог или два, явившихся через полногласие, в памятниках обыкновенно имеют *ô* в членных формах. Сборн.: вȍлнꙋю 36, вôлноͤ 76 об.; вгôрнѣи кни́ѕѣ 104, гôрнаа 265; злȍбнаѧ 273 об.; пôстныи 162, впôстныѧ 164, ѾпôстныХ 133; Псалт.: вȍлнаа 173. В нечленных же формах может быть открытое *о* в том случае, если и производное слово имеет таковое. Сборн.: ѝбѡ́ленъ 205 об.; мóщнѡ ͤ҇ 40, 103, 133 об., немóщнѡ ср. р. 147 об., ѝмѡ́щны мн. ч. 143; здесь же упомянем: стрóпотнѡ 225 (221); срвн. *бóль, мóщь* (см. § 11), *стрóпот.* Если же производное слово известно с *ô,* то это *ô* является и в нечленной форме имени прилагательного. Сборн.: свȍиственно 274 об., 288 об., не- 317 об.; нестрôинъ 75; Псалт.: вȍленъ, срвн. *свôйство, вôля, стрôй.* Исключение представляет скѡ́тнѡ Сборн. 263 об., где мы ожидали бы *ô.* Что касается *ô* в имени существительном, по своему образованию имени прилагат.: вôи̇нъ Сборн. 10, вȍини ib. 111 об., то в пользу *ô* говорит выдержанная акцентовка корня при склонении слова: о вôине — вôины — о вôинах и так в других падежах.

Данные Тотемск. соответствуют показаниям памятников: при bóľńö 81, 88, xóľodno 43 имеются: rôvnoį 42, pôźńöį 39, kôńeį

36, 53, gołôdnoi̯, xołôdnoi̯, mołôšnoi̯ 43 (срвн. еще Грязов.: *молôшной, холôдна*); в móžno 128 мы ожидали бы ô; срвн. *мôжешь*. Здесь же отметим Тотемск. połôtńanoi̯ 43.

Обращаясь к данным из Ряз., мы сталкиваемся с проникновением открытого *о* из нечленных форм (а равно и слов производных) в членные, в которых на основании соответствий *хóлодно — холóдный, гóлодно — голóдный*, а также срвн. чак. dȗžǎn — dúžnǐ, glâdǎn — gládnǐ, râvǎn — râvnǐ, и полнейшего отсутствия энклизы при предлогах, возможной от нечленных имен прилаг., мы ожидали бы в согласии с памятниками видеть *ô;* не только *тóмно, бóльно, плóтно, грóзно, рóвно*, но и *гнóйный, гóрный, грóзный, знóйный, плóтный, пóтный, прóбный, рóвный, сóрный, сóчный*, хотя *рôдный*. Другие случаи имеют *ô: вôльный* и *вôльно (вôльность), дôйная корова, кôпный, молôчный, пôздний* и *пôздно, пôстный, прôчный, скôтный, стрôйный, хвôный, холôдный, школьный*, но: *можно* с открытым *о*, как и в Тотемск.

В словинском языке замечается однородное с русским языком явление: характер звука *о* зависит от производных слов, с одной стороны, имеем: kǫ́žɑn, kǫ́vɑn, lǫ́mɑn, lǫ́žɑn, mnǫ́žɑn, mǫ́čɑn, mǫ́žɑn, rǫ́čɑn, vǫ́ljɑn, škǫ́dɑn, hǫ̂jɑn, glǫ̂tɑn, mnǫ̂štvɑn, pǫ̂štɑn, rǫ̂žɑn, strǫ̂jɑn, svǫ̂jstvɑn (срвн. kǫ́ža, kǫ̂v, lòm — lǫ́ma, lǫ́že, mnǫ̂g — mnǫ́ga, mǫ́ča, mǫ́žeš, ròk — rǫ́ka, vǫ́lja, škǫ́da, hǫ̂ja, glǫ̂ta, mnǫ̂štvọ, pǫ̂šta, rǫ̂ža, strǫ̂j, svǫ̂jstvọ), а с другой, dộmɑn, dvộjɑn, lộjɑn, ộčɑn, plộtɑn, skộzɑn, sộlɑn, stộjɑn. trộjɑn[1] (срвн. dộm, dvộj, lộj, na ộko, plột, skộz, sộl, stộ, trộj), повидимому, это ộ остается и в членной форме: dộljnji, gộrnji (dộł, na gộro), впрочем, у Хостника skǫ̂zni. Большинство же имен прилагательных с суффиксом -ьn- в слов. яз. в нечленной форме имеют акцентовку, указывающую на древнюю наконечную, напр.: bóčɑn, bójɑn, bółɑn при bolɑ̑n, bórɑn, brójɑn, dójɑn, dróbɑn, dróžɑn, dvórɑn, gnójɑn, gódɑn, gółɑn, górɑn, góstɑn, gózdɑn, gróbɑn, grómɑn, grózdɑn, grózɑn, hódɑn, hótɑn, kópɑn, kósɑn, kóstɑn, krójɑn, krótɑn, króvɑn, lóvɑn, móstɑn, mǫ́čɑn и močnộ, nó-

[1] Мне известно два исключения: brǫ́dɑn, kǫ́łɑn (kǫ̂łno) при brȏd, kolộ.

čan, nósan, nóžan, plódan, plóščan, plóvan, póstan, pótan, pózdan, ródan, rósan, róvan, róžan, skóčan и skočȃn, smólan, snóvan, sóčan, sópan, stółan, svójan, tvóran, vódan (от vóda и vóditi), vójan, vózan, zlóban и zlobȃn, znójan, zóran и др.; срвн. русск. *силён, чудён, красён* и т. п., которые часто отличаются от словинских тем, что в памятниках в других формах, за исключением им. пад. ед. ч. ж. р. и им.-вин. пад. мн. ч. ср. р., имеют накоренную акцентовку. Псалт.: страше́нъ 102, диве́нъ 88 об., но: стра́шнѡ 135, ди́внѡ 102; страше́нъ Торж. XVI в. 241, но: воѡ́бразѣ стра́шнѣ ib. 235; впрочем: воле́нъ Улож. 69 — вольнѐ ib. 3 об., 34.

В членной форме эти имена прилагательные в словинском языке, изменяя ударение ´ на ˆ, вместе с ним иногда изменяют и качество *o:* при gôzdni, grôzdni, hôtni, kôstni, lôvni, stôlni мы имеем не только nọ̑sni, rọ̑dni, rọ̑žni, pọ̑tni (под влиянием nọ̑s, rọ̑d, rọ̑g, pọ̑t), но: gọ̑rnọ (горное право), plọ̑dni. Последнее под влиянием plọ̑d, а первое, может быть, по той же причине, что и русское *го̂рный* (из памятников), т. е. вследствие восходящего ударения, получавшегося специально в членной форме (срвн. русск. *холо́дный* при *хо́лод*).

Что касается Ряз. *спо́рный* (выгодный) с открытым *o* при слов. spọ̑ran, -rna, то производящее их имя прилагат. слов. spȍr — spọ̑ra, может быть, и не соответствует своей акцентовкою русск. *спор* (срвн. слов. rȍk — rọ̑ka, а в шток. ро̂к — ро̏ка); шток. спо̏р, -а, -о при не̏спор, -а, о, может быть, более подтверждает открытое *o,* срвн. но̏в, -а, -о и на̏ново.

В заключение отметим имена прилагательные с суффиксом -ьн-, имеющие *о́* из *ъ.* Сборн.: до́лжни 5, до́лъжни 29, 323 об., дѡ́|лъженъ 110, до́лъженъ 263, 323; скѡ́ръ|бным 143; здесь же упомянем: бо́дреною 140 об., со́лънечным 190 об., 259 об.; Псалт.: ло́жь|наа 52 об.; Ряз.: *до́лжный, кро́вный, ло́жный, ско́рбный, со́нный.*

§ 55. Имена прилагательные с суффиксом -ьн-, не осложненные приставками и имеющие перед суффиксом два и более сло-

гов, при ударении на *о* в слоге перед суффиксом имеют таковое напряженным, как в памятниках так и говорах. Сборн.: жи|вốт-ныѧ 15 об., животнѡю 318 об.; нираб҇ôтны[х] 212 об.; хȣдôжне 30, пȣ|стôшныи 124 об. и 125; Псалт.: госп҇ôдне 145, 162 об., 181 об., 182 об., -ѧ ж. р. 162 об., р. п. ib., мн. ч. 157 об., -и 218 об., -ю в. п. 199, -ихъ 190, госпôдень 158, госпôдне 159, 162, 180, -ѧ р. п. 148, ж. р. 147, 163 об., ср. р. ib., -ю 189; живốтнаа 143, живôтнѡ 199, -ȣ дв. ч. 212; рабốтна 171 об.; очень интересно мозốчна 84 об., в котором *о* не из *ъ*, а вставочное; ѿвố|щнѡе 110 при одном исключении врáта гос-пѡ́днѧ 164; Тотемск.: sł̓obôd̓ŏn 39, 127, kołokôĺna 38 (имя сущ.); Костр. Шунг.: *льћуóтной, безольгуóтной* 22; Ряз.: *жи-вôтный, колокôльный,* но: *окóнный, стекóльный, трехугóльный, песóчный.*

Слов. živótɑn, lɑgôtɑn, slobódɑn, gospódnji имеют наконечную акцентовку (срвн. русск. *овощнóй* при «овôшенная лавочка»); rabǫ̑tɑn — под влиянием rabǫ̑ta, и только ovǫ́čan, -ǫ̑čni вполне отвечает старорусскому (и диалектич.) *овôщный* (срвн. еще ѡвóщ҇ное Новг. Лет. 557). Сербским рȁботнӣ подтверждается рабôтный. Что же касается шток. пу̏стошан, сло̏бодан, жи̏вотан, то они имеют акцентовку нечленных имен прилагательных. Такую акцентовку имели и др. русские памятники в слове *свободен:* (Нов. Зав. XIV в.: свóбодни 84 об., но: ѿсвобóдныꙗ р. п. 123 об. и ѿсвободныꙗ ib.; Торж. XVI в.: свôбоденъ ib. 685 об., свó-бодни же ib. 336 и свобóдна р. п. 20 об. по аналогии к членной форме, но: свобóдныѧ р. п. ib. 586 об. и свободнáго 586). Отношение *свóбоден* шток. пу̏стошан к *свобóдный, пустóшный* мне напоминает однородное отношение *хóлоден* к *холóдныи;* срвн. еще при *вéчер — вечéрний* (шток. вѐчѐрњӣ, но: чак. vȅčerńī и слов. večę̑rnje применительно к vȅčer — večę̑r), при *óсень — осéнний,* при *пóмощь — помóщник,* при *рóскошь — роскóшный,* при *дóчерь* — съ дочéрнымъ Улож. 28 об., 194 об. (но: мáтернею ib. 140: ибо зáдочерью ib. 49, 278, зáдочь ib. 323 об., но: намá-терь ib. 16 об., 58 об., 324), при *прéлесть* — прелéстныхъ

Сборн. 143 об., при *о́блак* — сто́лпъ ѡ҆́бла́|ченъ Пал. XVI в. 62 об. (срвн. *о́блачный* приноровление к *о́блак*), при *тре́пет* — трепе́тнаѧ Сборн. 121 об. и т. п.

В нечленной форме подобные имена прилаг. имели, вероятно, открытое *о:* Ряз. *бо́язно* при *богобоя́зненный*.

§ 56. Имена прилагательные с ударенным суффиксом -ôv- перед суффиксом -ьn- обыкновенно имеют в -ôv- напряженное ô. Сборн.: верхо̑вныи 274 об., 295 об., верхо̑вныи 125 об., 165 об. (244), вино̑|внѡ ср. р. 154 об. (155 об.), вино̑|вна р. п. 322, вогрѣхо̑вныѧ 29, ѿгрѣхо̑вныˣ 236 об., садо̑вныи 37, исключениями являются: верхо̑|вныи 295, неи̑сто́вна 72 об. и часто встречающееся, всегда написанное под титлом, *духо́вный:* дх҃ѡ́вно 16, 24 об., 76 об., дх҃ѡ́внаѧ 18 об., 127 об., дх҃ѡ́|внаго̑ 48 об., см. еще лл. 4 об., 17, 27 bis, 35, 39 об., 40, 42, 110, 127 об.,[1] один раз написано через *о:* дх҃о̑вныи 40 об.; Псалт.: грѣхо̑|вными 222/222 об.; Тотемск. v̓inôv̓ôn 39, кроме того: P̓otrôvna 37; однако в Ряз. здесь обыкновенно наблюдается открытое *о: вино́вный, грехо́вный, духо́вный, сыно́вний;* непонятно, чем оно обусловлено; но в именах существительных с такими же суффиксами обыкновенно наблюдается *ô: часо̂вня, жаро̂вня, попо̂вна.*

Слов. язык при ударении на -ov- обычно имеет ǫ: blagǫ́van, bledǫ́van, borǫ́van, domǫ́van, duhǫ́van, gladǫ́van, glasǫ́van, gnezdǫ́van, gostǫ́van, gradǫ́van, klasǫ́van, kupǫ́van, ledǫ́van, listǫ́van, skalǫ́van, vrhǫ́van и т. д.; срвн. также шток. гро̀мо̑вни̑, ку̏по̑вни̑, вр̏хо̑вни̑ (рядом возможна наконечная и накоренная акцентовки: свето̀вни̑, годо̀вно̑, миро̀вна̑[2] и да̏ро̑вни̑, ду̏хо̑вни̑; последние, вероятно, под влиянием нечленных имен прилагательных).

---

[1] Появление открытого *о* здесь, по моему мнению, обязано чисто графическим причинам: писец после двух согласных написал ѡ (см. об этом приеме в § 1), над которым он не ставит ̂, а только ́.

[2] Наконечная акцентовка таких имен прилагат. обычна в малорусск. наречии (данные по словарю Желеховского): баришівне́, будівни́й, бунтівни́й, вандрівни́й, варівни́й, верхівни́й, ґаздівни́й, медівни́й, пантрівни́й, пастівни́й, рожівни́й, станівни́й, ча́рівни́й и др. Интересно, что при ударении на суффиксе

§ 57. Имена прилагательные с суффиксом -ьн-, осложненные приставками, обыкновенно имеют *ô* и в членных, и в нечленных формах.

Сборн.: о̑со|бо̑рнѡп 131 об.; приво̑дни ѐсмы̀ 238; безво̑денъ 203; дово̑ленъ 108, дово̑лни 169 об.; оу̓го̑днѡе 12; по|до̋бенъ 239 (19 об.), подо̋бнѡ 24 об. (253), подо̋|бни 9, подо̋бнаѧ 7 об., 119 об., подо̑бенъ 69 об., -бне 23-2 об., -бнаѧ 7 об., -бнȣю 130 об., -бныⷨ 27; оу̓до̋бнѡ 26 об.; незазо̑рна р. п. 198, зазо̑|рныⷨ 132, любозазо̑|рныⷨ 214; неоу̓кло̋ннѡ 324 об.; неоу̓кло̑ненъ 75 об., неоу̓|кло̑ннѡ 234; покло̑ннѡю 18 об.; незако̋ннѡ 10, зако̋ннаѧ 26 об.; непрело̋жными 27, пре|ло̑жнѡ 210, неѿло̑жна ср. р. 150, -ны р. п. 157 об.; возмо̋жнѡ 26 об., не- 103, 142; превозмо̑жнѡ ср. р. 15, повоⷥмо̑|жнѡмȣ 316; беспло̑днѡ 203; преи̓спо̋днпⷯ 116 об.; наро̋чно 314, непо|ро̋ченъ 261, непоро̋чны 40;

-ов- обычного удлинения не наблюдается, напр.: верхóвний, винóвний, гріхóвний, гуртóвний, ґвалтóвний, ґустóвний, духóвний, ефектóвний, жирóвний, зімóвний, їнтересóвний, истóвний, ладóвний, листóвний, людóвний, рантóвний, санóвно, синóвний, скарбóвний, сортéвний, судóвний, хіснóвний, цінóвний, безчинóвний, чудóвний, шанóвний и т. п.; исключения из другого ряда редки: купівний, мандрівний, чарівно — годовни́й, ситовни́й. То же самое наблюдается в именах существительных на *-овник:* баришівни́к, бобівни́к, вагівни́к, вандрівни́к, вартівни́к, вербівни́к, горохівни́к, градівни́к, домівни́к, дубівни́к, карбівни́к, ладівни́к, лусківни́к, мандрівни́к, медівни́к, предметівни́к, мудрівни́к, пастівни́к, пунтівни́к, рабівни́к, поратівни́к, рогівни́к, садівни́к, скусівни́к, столівни́к, старівни́к чарівни́к, чатівни́к, числівни́к (в словаре Желеховского я заметил одно исключение: бездомівник); блохóвник, бронзóвник, бубóвник, будóвник, букóвник, бунтóвник, верхóвник, винóвник, гербóвник, гуртóвник, годóвник, дідóвник, дубóвник, дубрóвник, духóвник, кардóвник, квітóвник, клопóвник, книгóвник, кротóвник, липóвник, листóвник, пилóвник, півкóвник, псóвник, рисóвник, прослідóвник, солодóвник, чатóвник, чинóвник и др. (исключений здесь больше: бобровни́к, боровни́к, гордовни́к, картовни́к, мозговни́к, роговни́к, садовни́к, солодовни́к, столовни́к, толковни́к, торговни́к, тростовни́к, чатовни́к и, может быть, нек. др.). Является вопрос, что это, заимствования из других говоров, не знающих удлинения *о* перед исчезавшим *ъ*, или дубликаты, обусловленные различным местом ударения, — вопрос, который я здесь не буду решать, а укажу, что подобное колебание наблюдается и в других категориях слов в устах одного и того же человека (см. Етн. Збірн. т. VIII, стр. 21: вóйна-вóйну, до вóйни bis и до війни́ quater, т. XIII, стр. 74: ў ті вóйны и по скінчењу війни́). Не находится ли в связи с этим явлением вышеотмеченное отсутствие напряженности *о* в Ряз.?

ѡ̀сѻ̑бнѡ 255 об., ѻ̀ѡ̀сѻ̑бны[х] 197 об., ѻ̀сѻ|бнѡе 121; ѡ̀сѻбнѡ 168 об., -нѣ 327, -ны[х] 212 об., ѻ̀ѡ̀сѻбны[х] 132; недостѻ̑|инъ 33 об., недостѻ̑инѡ 24, -на 23-2 об., -ныи 17, 17 об., 128 об., -нагѻ 136, -ны[м] 276 об., достѻ̑инѡ 14 об., -на 25 об., -нѣ 276 об., -ныѧ 249 об.; (не)достѻ̑йнъ 13 об., 38 об., 104 об., 166 об., 167, 175 об., 228 об., достѻинн 200, недостѻина 9 об., 232 об., -и|ныи 128 об., недостѻ|йне 11 об.; замечено четыре исключения: безгѻ́|дныи трȣ̑дъ 125, оу̑дѻ́бе|нъ 41 об., срѻ́|днѡмȣ 295 об., скрѻ́внѡ 168 об., похѻ́тныѧ 253 (срвн. правильно: нелѻ́жнаго 27, -ѡмȣ 263, ѿнелѻжны[х] 219 об.; безмѡ̀лъ|вно 7, -ъ|внѡ 196 (18 об., 242 об.); прискѡ́рбенъ 7, 114, -ръбныи 162; бе[з]сѡ́|нны 185. Псалт.: вбезвѻ̑дныхъ 146, -нѣ 148 (150 об.), безвѻ̑днаа 195, -ноую 152 об., вбезвѻднѣ 208; подѻ̑бенъ 118 об., -бни 160 об., 187, преподобнїи 184, 201 об., 219 об., -ны[х] 223, -ымъ 201 об., непреподѻ̑|бна 56 об.; преподѻбенъ 198 об., 199, -бнїи 198 об., -бнымъ 202 и в др. местах; покѻ̑инѣ 28 об.; впреисподнихъ 191 об., вп|реисподнѧа 81; бе[з]|зарѻчна 222 об., непорѻ̑чнѡ 171, непорѻченъ 21, -чнаа 207 об., -чнїи 165 об.; потѻ̑пныѧ 69; понепрѡхѻ̑днѣ 153; одно исключение: подѻ́бенъ 204 об. (срвн. прискѡ́рбна 55 об.). Тотемск.: dovôl'no, spokôi̯no 39, narôšno, vostôšnoi̯ Их. 148 (при vostóšnoi̯), исключиние posóben 39, где в *o,* впрочем, О. Брок не уверен. Костр. Шунг.: *довȳо́льно* 67. Ряз.: *побо̂чный, обво̂дный, подво̂дный* (от *подво̂да*), *приво̂зный, наго̂рный, удо̂бный, подно̂жный, перено̂сный, спо̂рный* (оспариваемый), *подпо̂льный, ссо̂рный, осторо̂жно, просто̂рный, перехо̂дный;* однако нередко: *безбо́жный, безво́дный, подво́дный* (от *вода̀*), *бездо́мный, подро́бный, роско́шный, раско́чный* (= разгульный), *беспло́дный* при правильных: *бескро̂вный, безмо́лвный, прискорбный.*

Сербский язык обыкновенно в этих именах прилагательных указывает на древнее восходящее ударение на звуке *o;* шток.: бѐзбожан, бѐзводан, пѝдводан, ӳгодан, пѝдобан, за̏зоран, пѝко̄јнӣ (пѝносан), нѝрочно, дѝсто̄јан, преи̏сподњӣ; чак.: pokôjni, podȍben

как и в русском языке *(нáбожный)*, возможна и наприставочная акцентовка до̏во̂љан.

В словинском языке в соответствии с вышеприведенными русскими словами обыкновенно наблюдается ǫ, которое бывает или и в членной, и в нечленной формах: pobǫ́čɑn (pri-), (nabǫ́žɑn, po-), privǫ́dɑn (от *водить*), brezvǫ́dɑn (от *вода*), dovǫ́ljɑn, privǫ́zɑn (do-, iz-), ugǫ́dɑn, podǫ́bɑn, udǫ́bɑn, pokǫ́jɑn, raskǫ́šɑn, prelǫ́žɑn, odlǫ́žɑn, vzmǫ́žɑn (po-), brezplǫ́dɑn, porǫ́čɑn (porǫ́dɑn), posǫ́bɑn, dostǫ́jɑn (iztǫ́čɑn), potǫ́pɑn, (obhǫ́dɑn, od-, na-, do-, s-) или только в членной форме: zbórɑn — zbǫ̂rni (но: izbǫ́rɑn — izbǫ̂rni), prenósɑn — prenǫ̂sni (od-, do-), spórɑn — spǫ̂rni, prehódɑn — prehǫ̂dni[1] (nazórɑn — nazǫ̂rni, nad-, po-, ob-, при zazórɑn членной формы не отмечено. Прилаг. osǫ̂bɑn и obvǫ̂dɑn имеют ǫ̂ под влиянием слов, производящих osǫ̂ba и obvǫ̂d, а последнее само под влиянием obǫ̂d, где ǫ̂ обусловлено исчезнувшим v. Русским с открытым *о* в слов., повидимому, соответствуют podvódɑn — podvộdni (срвн. еще podnóžɑn — podnọ́žni, predmóstɑn — predmọ́stni), spộdnji, а также nagọ́rɑn, sogọ́rɑn (прилагательные же potrộjɑn, okộlɑn, pomộčɑn, pomộstɑn[2] и т. п. должны бы были соответствовать в русском языке словам в роде *на̂божен*).

§ 58. Имена существительные мужеск. р. на *-ик* и женск. р. на *-ица*, образованные от имен прилагат. с суффиксом *-ън-* при

---

1 Такое чередование нередко, срвн. еще: nadgróbɑn — nadgrǫ̂bni, navórɑn — navǫ̂rni, nadvórɑn — nadvǫ̂rni (pri-), pozóvɑn — pozǫ̂vni, predpóstɑn — predpǫ̂stni, prestółɑn — prestǫ̂łni, zapórɑn — zapǫ̂rni (od-), zavójɑn — zavǫ̂jni (o-), obstójɑn, -ǫ̂jni, odbójɑn — odbǫ̂jni, okópɑn — okǫ̂pni, opójɑn — opǫ̂jni, opróstɑn — oprǫ̂stni, oslobódɑn — oslobǫ̂dni, podstójɑn — podstǫ̂jni, ustrójɑn — ustrǫ̂jni. Как будто бы причиной появления восходящего ударения на *о* и развития напряженности в нем было осложнение имени прилагат. членом; срвн. также: многие имена прилагат. этого типа, без приставок имеющие наконечную акцентовку, приобретают накоренную при осложнении с приставкою: pribǫ́čɑn (po-) -bóčɑn, raznǫ́žɑn, -nóžɑn, obhǫ́dɑn (ad-, na-, do-, iz-), -hódɑn, dovǫ́zɑn (iz-), -vózɑn, izkǫ́pɑn, -kópɑn, izrǫ́dɑn, -ródɑn и др.; русск.: безрóдный — роднóй, поднóжный — ножнóй. Вспомним также приобретение восходящего ударения именами сущ. муж. рода при осложнении приставками: *вóрот — оборóт, гóрод — огорóд.*

2 Срвн.: pogộvorɑn, pregộvorɑn — nerazgovǫ́rɑn, prezgovǫ́rɑn.

ударении на *о* в слоге перед суффиксом, обыкновенно имеют это *о* напряженное.

Сборн.: разбо̂иникъ 106, 122, кразбо̂иникꙋ 312 об., ра^з-бо̂|йникъ 240 об.; оу̑го̂дникъ 104 об., -а ib.; подобни̑ 172 об.; по|мо̂щникъ 28 об., помо̂щника 124; по̂|стницы 15 об., по̂стникъ р. п. 26, 246 об., впо̂стницѣхъ 295 об., спо̂стника 234 об. (по̂стническиⷨ 235, по̂стническаꙗ 219, ѿпо̂стничествѣ 22 (кин. sic!), по̂стничества 31; и̑сто̂чникъ 203, -цы 307, и̑сто̂|чницы 113; но правильно: безмѡлъвникоу̑ 69 об., то̂ръ|жникꙋⷨ 217, что касается сꙋпо̂рникъ 12 об., то здесь *о* правлено; Псалт.: оу̑го̂дника 222 об.; беззако̂нницы 48, 143 об.; помощникъ 41, 160 об. bis, 161, 163 bis, 173, 199 об.; помо̂щьникъ 204; и̑сто̂чникъ 222 об., -ки 141 об., -цы 219, вои̑сто̂|чники 160; Тотемск.: oftôrńik 36, 147, pokôi̯ńićok 36, исключения: dvoŕńik, płóŕńiki 84; Грязов.: *срôдственник;* Ряз.: *повôйник, гôрница, двôрник, поклôнник, покôйник, закôнник, помôщник, корôвник (-ица), нôжницы, пôстник (-ица); клопôвник, письмôвник, полкôвник (-ица), садôвник,* исключения: *плóтник, мóдница, чинóвник (-ица), винóвник (-ица), полунóчник (-ица).*

Сербский язык указывает в данных случаях древнее восходящее ударение: шток. по̀во̂јница, у̑годни̑к, по̀ко̂јни̑к, у̑то̂рни̑к; и̏сточни̑к — под влиянием и̏сточни̑, и̏сто̂к, срвн. за̀точни̑к; гро̀мовни̑к, ста̀но̂вни̑к. Что касается помо̀ћни̑к, то здесь другая акцентовка: колебание акцентовки (ударение то на конце, то перед суффиксом) в этих словах обычно не только в разных языках (русск. *духовни́к* — сербск. ду̑ховник, русск. *садóвник* — слов. sadovník), но в пределах одного и того же языка (*лéдник,* а у Крылова: *ледни́к*), даже в пределах одного литературного про-изведения; напр., в Ратн.: полко́вник 10 об., оу̑полко́вника 25 об., полко́вникꙋ ib. и рядом полковникꙋ̀ 25, полковникѝ; в Лек. Памвы Берынды: чаро́вни̑ 21 и чаровни|ка̀ 25; бꙋнто́в- никъ 84 и бꙋнтовни́къ 136.[1]

[1] Срвн. обычное колебание акцентовки у производных имен прилагат.: *перевóдный — переводнóй; оборóтной — оборотнóй; заповéдный — заповеднóй; нагрýдный — нагруднóй; окрýжный — окружнóй* и т. д.

В словинском языке обыкновенно наблюдается ǫ: razbǫ̂jnik, -ica;[1] ugǫ̂dnik, pǫ̂stnik (название месяца марта) при postník (один из случаев вышеуказанного колебания в акцентовке), iztǫ̂čnik, dvǫ̂rnik, povǫ̂jnik (gǫ̂rnik); pokǫ́jnik, -ica, polkǫ́vnik, nǫ́žnica; о pomočník срвн. сказанное выше. Что касается gǫ̂rnjica, то здесь ǫ̂- под влиянием gǫ̂rnji, которое в свою очередь под влиянием na gǫ̂ro; такое влияние в слов. языке довольно часто: okǫ̂lnik, -ica; (okǫ̂li), obnǫ̂čnica (nǫ̂č), срвн. Ряз. *полуночник, -ица,* pokǫ̂stnica (kǫ̂st) и т. п. Замечательно совпадение открытого *о* в трех источниках в слове плотник (Тотемск., Ряз. и слов. plǫ̂tnik), несмотря на то, что в памятниках *плот* имеет *ô* (см. § 64).

§ 59. Имена прилагательные с суффиксом -ьsk-: ско̑тъ|скω бо ѣ се Сборн. 262 об., ско̑тьски нар. ib. 71 об., ко̑нстѣи Псалт. 200 об., zavôtskoį Тотемск. имеют *ô* применительно к *скôт, кôнь, завôд* (срвн. слов. kǫ̂njski, zavǫ̂dski); в го̑|рскїа Псалт. 215 об. возможно *ô* такого же происхождения, как в *гôрний* (см. § 54); слов. górski имеет оттянутое ударение так же, как в póljski, mórski, sółski. Что касается бо́жьски Сборн. 110, то здесь *о*, может быть, обязано нечленной форме (но возможно влияние производящего слова, распространяющееся и на членную форму, срвн. слов. grǫ̂mski), срвн. *по́-городски* Арх. Шенк. Изв., а также срвн. несколько ниже. Правильно открытое *о* из ъ: нето́ржъски нар. Сборн. 110, манастырѧ со́цькā ib. 236 об.

Что касается имени сущ., прежде имени прилагательного, *во́йско,* то Ряз. *во́йско* имеет открытое *о* применительно к нечленной форме, а в Тотемск. vôįśkô 39 *ô* обусловлено членною формою.

В именах прилагательных с суффиксами -овьsk-, имеющих ударение на суффиксальном *о,* это *о* обыкновенно напряженно.

---

[1] Образующее имя прилагат. имеет наконечную акцентовку razbójan; перенесение ударения на слог перед суффиксом при образовании имен прилагат. с суффиксами -ik и -ica нередко: poskočan — poskočnica; prizoran — prizornica; nesvobódan — nesvobǫ̂dnik (но svobǫ̂dnik под влиянием svobǫ̂do); nadbrójan — nadbrǫ́jnik; negódan — negǫ̂dnik; срвн. подобное явление при образовании членной формы.

Сборн.: бѣсо̂вски р. п. 322 об., нежи|до̂вьски 45, ѿклобꙋко̂въ|скѡго 235; Псалт.: попо̂вскѡю 223; Ряз.: *бесо̂вский;* Грязов.: *Смирно̂сьние, Штито̂сьнёй.*[1] Срвн. слов. Čehǫ̂vski, Kozlǫ̂vski, Orlǫ̂vski, popǫ̂vski, stanǫ̂vski, volǫ̂vski, vrhǫ̂vski и т. п., а также сербск. по̏повскӣ, во̏ловскӣ и т. п. Есть основание догадываться, что нечленная форма этих прилагательных, при корне с нисходящим ударением, имела ударение на корне: во̂ровски Улож. 3, но: воровски́мъ ib. 73 об., воровскі́е ib. 74 об. Остатки акцентовки этого типа следует видеть в слов. bȇsovski, knȇzovski, а также с перенесенным ударением: sinǫ̂vski, trgǫ̂vski, в которых ǫ по аналогии к другим прилагательным этого типа.

§ 60. В глаголе *помнить* в разных формах его приставка *по* имеет напряженное *о̂,* в этом согласны и памятники, и говоры (Сборн.: по̂мнити 228-2, непо̂мнители 306; Тотемск.: pômlʹitʹ, pômlʹu, -lʹiš, zapômlʹiu; Грязов.: *по̂мнят;* Ряз.: *по̂мнить*). Славянские языки в данном случае не подтверждают *о̂* (впрочем, срвн. в слов. яз. есть глагол dǫ́mnęti или dǫ́mniti). Однако есть косвенное указание на то, что в русском языке приставка *по* в глаголе *помнить* произносилась с восходящим ударением, а потому *о* в ней напряженное.

Существует закон, по которому звук *ѣ,* находящийся в одном из смежных слогов, каждый из которых при ударении на нем получает таковое в виде восходящего, переходит в *и,* если ударение падает на соседний слог.

Суффикс им. сущ. ж. р. -ica при ударении на нем указывает старое восходящее ударение: чакавск. divȉca, kraȉica, mladȉca и т. п. Изв. XIV_2, 224—225. Слова *дѣва, сѣнь* предполагают в корне также восходящее ударение (сербск. се̑н); образованные от них имена сущ. с суффиксом -ica и прилагательные от последних при ударении на суффиксе в памятниках, не знающих переход *ѣ* в *и* или знающих этот переход в очень ограниченном размере, имеют в корне *и:* надиви́чье горѣ Царств. Лет. XVI в.

---

[1] Здесь же можно упомянуть: нарость̂в'скѡе Сборн. 223 об.

F. IV, 232, 469 об. (срвн. в Московской Жалованной несудимой грамоте царя И. Вас. Покрова Пречистые Богородицы Суздальскому девичьему монастырю 1563 г. сент. (Собр. Гос. П. Библ.): дивича; синица Алф. 300 об. (срвн. сѣница ib. 444 об., дóльнѹю сѣницѹ Сборн. 1647 г. 77 об.); может быть, сюда следует отнести гусиница Радз. лет. 98, 98 об. (срвн. гѹсѣница Псалт. 1568 г. 156).

Суффикс сравнительной степени -ějš- имел восходящую долготу: чакавск. bledȉjī, cenȉjī, gladnȉjī и т. п. Изв. XIV$_2$, 234: пéрвïе Тр. П. 1589 г. 60, Охт. 1594 г. 248 и т. д. (часто), старший или старïйшïй (Моск. Грам. XV в.) следует читать с ударением на á (срвн. у Грибоедова: Нет-с *стáрее* меня по корпусу найдутся; чакавск. stȃrijī op. cit.); сверѣпïе Алф. 211 об., Мин. 1611 г. 26 об. (191 об.); дáльнïиша Погод. № 84, 157, державнïиші ib. 209 об. и много других; засим в глаголах, находящихся в связи с сравнительной степенью: свѣрѣпивши Алф. 219 об., по|здравïеть (без значка ударения) Служ. 1602 г. 273 и других глаголах этого же типа: ѡбезѹми|вшисѧ Тр. П. 1589 г. 58; ѡбесúлиша Погод. № 84, 299 об.

Суффикс *-ѣти, -ати* глаголов типа *летéть, кричáть* имел восходящую долготу: чакавск. držȃt, gorȉt, progorȇli и т. д. Изв. XIV$_2$, 249; поэтому в Московских грамотах XV в. часто: обидити, ѡбúдилъ Ап. 1564 г. 46 об.; вúдити Торж. XVI в. 423 об.; вѣдителю Тр. П. 1589 г. 357 об., 395 об.; вúсити Торж. XVI в. 673 об., вúсилица Косм. 401, -ѹ ib.; обратно, если ударение падало на суффикс, *ѣ* в корне переходило в *и;* свидéтель[1] (обычно в Моск. грам. и старопеч. книгах), восвидѣнïѧ Тр. Цв. 1591 г. 159; сюда относятся: сидѣти (обычно в Моск. грам. XV—XVI в. в разных формах); в более древнее время последний глагол мог иметь, подобно глаголу *висеть* (срвн. теперешнее *висéть,* а в пам. обычно вúсеть и т. д.), ударение на корне; этим я объясняю

[1] В памятниках более древних это слово часто изменяет не первое *ѣ* в *и,* а второе *свѣдитель* (напр., в Путенском еванг. XIV в.), очевидно, под влиянием ударения на слоге *-вѣ-*.

описку в Лаврентьевском списке летописи *седити* 293; означенная описка повторяется в Торж. XVI в., но с ударением на слоге *сѣ-:* нисѣ̆дити ѐи мощѝ ни па́|ки на ѻ̀дрѣ̄ своѐ возлещѝ 770 об.

Возвращаясь к глаголу *помнить,* отметим, что в древнейших русских памятниках этот глагол пишется через *ѣ* (см., напр., под этим словом: Материалы для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского),[1] срвн. слов. pȏmnẹti, чешск. pomněti (возможно, что однородным законом *ѣ* превращалось в *і* и в других славянских языках, но мы не будем отвлекаться в сторону). Я и думаю, что *ѣ* в этом глаголе перешел в *и* в силу указанного закона, т. е. благодаря тому, что сам будучи под восходящей долготой имел перед собой слог с восходящим ударением.

Возможно, что таким же образом следует объяснить *ô* в про̋зритъ Псалт. 47; срвн. оўзрити Охт. 1594 г. 213, призрилъ Грам. Моск. 1613 г. (С. Г. Гр. I, 608, 613), при́зри|лъ Торж. XVI в. 235 об., ȣ̆ѕривше Алф. XVII в. 356 об., но в Сборн. мы имеем открытое *о:* прѡ́зрѣ аор. 233, про́зриши 11. Неустойчивость характера *о* в этом глаголе объясняется тем, что ударение в нем не укрепилось, как в *помнить,* на первом слоге и, колеблясь в древних памятниках (Торж. XVI в.: про́|зрѧ 584 и про|зрѧ́же 609, про́зритъ 722 об., но прозрѣ̆лъ 563 об.), перешло в литературном языке, как и во многих говорах, на суффиксальный слог (*прозре́ть, призре́ть* и т. д.); однако следует обратить внимание, что в глаголе заподо́зрить мы склонны писать *и.*

Случаи во́зрѧтъ Сборн. 124, во́ззрить Псалт. 159 имеют открытое *о* из *ъ.*

§ 61. В сложных словах при второй части с ударенным *о* это *о* обыкновенно является напряженным. Сборн.: бг҃осло̋ва 30 об., бг҃ѡсло̋вȣ 253, бг҃ѡслѡ̋ва 64 об. (в киновари с *ѡ* вместо *о*); бг҃ѡсло̑въ 150 об., 157 об., 166, воѐво̑|дѣ 10,

---

[1] В Ев. 1616 г. (Евю): непо́мнѣти 30 об., по́мнѣли 143, злопо́мнѣти 31 об. (и злопомнѣ̆ти ib.).

сердωбо̂лꙗ им. ед. ч. 76 об.; бл҃горо̂дьствомъ 206; прекосло̂вїе 295 (28), наславосло̂вїе 139 об., здесь же упомянем: пре^дн^сло̂вїе 5; самово̂лї^м 327; прекосло̂вїе 16, -їемъ 22 об.; блꙗдосло̂вїе 207, въславосло̂вїе 31, славосло̂вїю 32 об., -їи 34, гране́сосло̂вїе 31, гранесосло̂вїихъ 32, ѿмно̂госло̂вїа 42, напразнωсло̂вїе 146, въскве́рносло̂вїи 186 об., гнилосло̂вїи 187; двωесло̂вца 72 об., бг҃ωсло̂вецъ 107, чюдотво̂рцꙋ 233, -рцωвъ 218 об., молвωт^в^о̂рца 154 об., знамено̂сцемъ 15 (над *мено* надписано *но,* но другими чернилами); счетвероно̂гими 293 об.; четвероно̂га 203 об.; бг҃оно̂сныхъ 269, первωро̂днꙋ 25, недобрωро̂дныи 33 об., ѿмиротво̂рнаго 272 об., бл҃гоѹ̊го̂дны 13; дх҃оно̂снїи 130, живоно̂снаꙗ 5, знаменоно̂сныхъ 6 об., ѐдинoро̂дныи 5 об., 72 об., бл҃горо̂денъ 206, бл҃горо̂|днωмꙋ 226, бл҃гото̂чныꙗ 15 об., бл҃госло̂вна 181 об., непрекосло̂внω 31 об., бл҃гопоко̂рнꙋ 22 об., хр҇топодо̂бнωе 27; чл҃коѹ̊го̂дник^м^ 23-2 об.; плωдоно̂сиши 17 об., празнωсло̂вити 32 об., 151 об., -вꙗ 153 об., прекосло̂ви^м^ 75, правосло̂ви^м^ ib., немно̂госло̂вимъ 186, злωсло̂виши 240 об., смиреносло̂вити 89 (но правильно: краеѹ̊го̂лн^м^ 16, мно̂гоко̂зненъ 75); замечено одно исключение: бл҃го|сло́вны 157 об.; Псалт.: едѝноро̂дъ им. ед. ч. 31, ѝноро̂гъ 109 об., -а 128 об.; сы́нъ ѐди|норо̂жъ 35, ѐдинoро̂жъ р. п. 27 об.; плωдоно̂сна 201, плωдоно̂сноую 152 об., бг҃оно̂сныхъ 223, ѐдинoро̂дноую 27 об., 44, мно̂гопло̂дны 197 об.; Тотемск.: śönokôs, na śönokôśe, samałôf, paraxôt, paroxôda 36, słovooxôtńik 38 (Их.), słovooxôćej ib., toustogołovaja rýba 43; искл.: połnoḿôšnyj 148; Грязов.: *сенокôс* и даже *рукомôйник;* Ряз.: *пароxôд, водовôз, Иван Богословôв, рыболôв, водоворôт* (но правильно: *молокосóс*); *богорôдица, мироносица; голонôгий, кривобôкий, чернобородый, седоволôсый* (но правильно: *косорóтый, белолóбый*); *малосôльный, судохôдная река* (но: *мелковóдный, худосóчный,* по ассоциации с *вóдный, сóчный* и правильно: *рукомóйник*).

Сербский язык вполне подтверждает восходящее ударение в сложениях такого рода: само̀ток, водо̀пој, жито̀род, празно̀слов; књиго̀ноша, главо̀боља, коло̀вођа, коњо̀мора; бого̀мōље;

рудо̀сло̑вље; мишо̀ло̑вка; бого̀родица; крво̀точина; црно̀горац, божо̀гробац; главо̀бољан, четверо̀ножац; прво̀сто̑лни̑к, крпво̀ро̑тни̑к; вргòмоски̑; дво̀рогаст; празно̀словити, косто̀ломити.

Словинский язык свидетельствует о напряженности *о* во всех вышеприведенных, а также и некоторых других категориях:

1) Им. сущ. м. р. (без особых суффиксов): listobòd, -bǫ́da; zobobòł, -bǫ́ła; parobròd, -brǫ́da; sẹnokòs, -kǫ́sa; samokòł, -kǫ́la; glinokòp, -kǫ́pa; ladjelòm, -lǫ́ma; ljudolòv, -lǫ́va; samomòr, -mǫ́ra; vodonòs, -nǫ́sa; samoròg, -rǫ́ga; bogoslòv, -slǫ́va; časoslòv, -slǫ́va; samosòv, -sǫ́va; parostròj, strǫ́ja Хостник (у Плетершника с *ó*); pesmotvòr, tvǫ́ra; krvotòk, -tǫ́ka; vodotòč, -tǫ́ča; drvotòn, -tǫ́na (drvotan имеет *а* из *ъ*, срвн. ц.-слав. тати — тьнѫ); vodovòd, -vǫ́da; им. прилаг.: blagovòlj, -vǫ́lja; dvodòm, -dǫ́ma; suhokòst, -kǫ́sta; črnokòž, -kǫ́za; krivonòg, -nǫ́ga; krivonòs, -nǫ́sa; samoòk, -ǫ́ka (в членной форме с нисходящим ударением: samoǫ̑ki Хост.); ravnoplòsk, -plǫ́ska; šesterostòp, -stǫ́pa и т. п.; рядом с этими формами обычны, но встречаются реже, формы с открытым *о*, предполагающие наконечную акцентовку: dvobòj, -bója, rakolòv, lóva (ribo-, samo-), zlatokòp, -kópa, kozodòj, -dója, kołodvòr, -dvóra, svẹtozòr, -zóra и т. п.; предположить древнее нисходящее ударение можно лишь в одном случае: listognǫ̑j[1] (да еще в слове ж. рода: slonokǫ̑st), срвн. еще в срощении: polubǫ̑g.

2) Им. сущ. ж. р. (грам.), без особых суффиксов: zabobǫ́lja, sadjegǫ́ja, snohǫ́ja, krvomǫ́ča, pismonǫ́ša, osamosvǫ́ja, delovǫ́dja, (četo-) и т. п., повидимому, в этих словах возможно и нисходящее ударение (črevobǫ̑lja, см. еще у Хостника 4-е и 6-е из приведенных), оно, конечно, нового происхождения; krvomǫ́ka, srakonǫ́ga, črmnoǫ́ka; исключениями являются samorǫ̑ga, vójvoda vǫ́jvoda (срвн. сербск. во̏јвода) или vẹvǫ̑da.

[1] В сербском языке этому типу акцентовки соответствует: су̏нцокре̑т, ли̏стопа̑д, ци̏нокру̑г, срвн. у других категорий слов: хи̏тропре̑ља, ди̏вокоза, у̏холажа; цр̏вопи̑сак; зи̏момо̑ран, ма̏локр̑ван; во̏допла̑ван; ли̏стопа̑дски̑; (обычно и для русского: кóновязь, жúвопись); из далее приводимых словинских сложений и срощений отношу сюда: slonokǫ̑st, samorǫ̑ga, vẹvǫ̑da, drugǫ̑rje, sẹnodǫ̑łka, prǫ̑tidǫ̑mαc, pustopǫ̑ljina, obadvǫ̑jαn, skozinǫ̑sάn, dobrodǫ̑jnica (почему не с ǫ?), tretjegǫ̑rski.

3) Им. сущ. ср. р. с суффиксом -ije: glavobǫ̂lje, četrtogǫ̂rje, samohǫ̂tje, rudokǫ̂pje, koristolǫ̂vje, enakonǫ̂čje, blagorǫ̂dje, bogoslǫ̂vje, besẹdotvôrje, šesterostǫ̂pje и т. п.; очень редко сохраняется ọ, свидетельствующее о древнем нисходящем ударении: drugogọ̑rje, tretjegọ̑rje, что касается blagovọ̑nje, то оно заимствовано из сербск. яз. так же, как sredotǫ̂čje (с *o* из *ь*) из русского.

4) Им. сущ. м. р. с суффиксом *-ьk-:* dołgonǫ̂sαk, zimorǫ̂dαk; в срощении: polutvǫ̂rαk.

5) Им. сущ. ж. р. с суффиксом *-ьk-:* vratolǫ̂mka, mišelǫ̂vka, detomǫ̂rka, širokonǫ̂ska, rdečenǫ̂žka, hrbtoplǫ̂vka, domorǫ̂dka, rdečerǫ̂žka, zlatotǫ̂pka, dobrovǫ̂ljka; исключения редки: sẹnodọ̑łka.

6) Им. сущ. м. р. с суффиксом *-ъc-:* bogobǫ̂rαc, vzporednodǫ̂mαc, jezikodrǫ̂bαc, pẹšehǫ̂dαc, zlatokǫ̂pαc, suhokǫ̂stαc, novcekǫ̂vαc, debelokǫ̂žαc, kamenolǫ̂mαc, zvẹzdomǫ̂lαc, očetomǫ̂rαc, listonǫ̂sαc, dvonǫ̂žαc, ladjeplǫ̂vαc, inorǫ̂dαc, samorǫ̂gαc, votlorǫ̂žαc, modroslǫ̂vαc, ognjestrǫ̂jαc, krvotǫ̂čαc, računovǫ̂dαc, radovǫ̂ljαc и т. п. реже встречаются с открытым *o,* свидетельствующим о наконечной акцентовке: kolodvórαc, samosvójαc (срвн. сербск. првозо́рац, чудотво́рац); нисходящее ударение встретилось только в срощениях: prọ̑tidọ̑mαc, но: prọtinǫ̂žαc, trirǫ̂gljαc.

7) Им. сущ. ж. р. с суффиксом *-ic-:* glavobôljica, samokǫ́lica, motorǫ́žica (но: bogorodíca против русск. *богоро̂дица*).

8) Им. сущ. ж. р. с суффиксами *-in-, -ьin-:* samotǫ́čina (vodo-), domorǫ̂dkinja, но: pustopọ̑ljina.

9) Им. прилаг. с суффиксом *-ъn-* и производные от них имена сущ. ж. р. с суффиксом *-ost-:* umobǫ́lαn (-łnost), dẹlobǫ́jαn, mnogobǫ́žαn, rogobǫ́rαn, parobrǫ́dαn, malobrǫ́jαn, novodǫ́bαn (eno-, staro-), istodǫ́bαn (-bnost), dvodǫ́mαn, bẹlognǫ́jαn, glubokohǫ́dαn, blagohǫ́tαn (-tnost), tvrdokǫ́rαn, debelokǫ́stαn, enokǫ́sαn, želẹzokǫ́vαn, bẹlokǫ́žan, starokrǫ́jαn, krvolǫ́čαn, ledolǫ́man, plenolǫ́vαn, polnomǫ́čαn, malomǫ́čαn (от могт-), težkomǫ́čαn (от мок-), samomǫ́rαn, ladjenǫ́sαn, dvonǫ́čαn, dvonǫ́žαn (osmo-,

kratko-), svętloǫ́kan, beloǫ́čan, četveroǫ́stan, enoǫ́san, blagoplǫ́dan, lomopǫ́ran, bogoprǫ́san, malorǫ́dan (-dnost), krivorǫ́tan, peterorǫ́žan, četveroslǫ́včan, nravoslǫ́van, težkosǫ́pan, enostrǫ́pan, zlatotǫ́pan, blagotvǫ́ran, sladkovǫ́dan (от vóda), plinovǫ́dan (от vóditi), radovǫ́ljan (-ljnost), brzovǫ́zan и т. п.;[1] то же наблюдается иногда и в срощениях: polurǫ̑dan, medsebǫ̑jan (-jnost); впрочем, нередко встречаются эти слова и с открытым *o*: kratkodóban (-bnost), drugogóran, rudokópan, pustolóvan, pravomóčan, svętonóčan (veliko-), čistopójman, srędopóstan, solzorósan, kugosópan, samostójan (-ójnost), samosvójan, prvostólan, malovódan; в срощениях: posihdóban; в срощениях же возможно нисходящее ударение: obadvǫ̑jan, skozinǫ̑san. Неясно, почему samosǫ̑ban имеет нисходящее ударение в нечленной форме.

10) Им. сущ. м. и ж. родов с суффиксами *-ъnik-* и *-ъnic-*: в этих именах обыкновенно наблюдается *ǫ* с нисходящим ударением подобно членным именам прилагательным с суффиксом *-ъn-* (novodǫ̑bni, rudokǫ̑pni): duhobǫ̑łnik, mnogobǫ̑žnik, dvodǫ̑mnica, stirigrǫ̑šnica, samokǫ̑vnik, zrakoplǫ̑vnica, blagorǫ̑dnik, krivorǫ̑tnik, -ica, dvorǫ̑žnik, zemljevǫ̑dnica, četovǫ̑dnik, radovǫ̑ljnik и т. п., это наблюдается даже в тех случаях, когда имена прилагательные с суффиксом *-ъn-* и имена сущ. на *-ъnost-* имеют открытое *o*: samostǫ̑jnik, samosvǫ̑jnik; особо стоит: bęloǫ́čnica, изредка сохраняется открытое *o*: velikonóčnica (срвн. сербск. зимомо́рница); кроме того: dobrodȍjnica (срвн. dobrodȍšlica).

11) Им. сущ. ж. рода с суффиксом *-ъnj-*: rudokǫ̑pnja, sęnokǫ̑šnja, kamenolǫ̑mnja, zrakoplǫ̑vnja и т. п.

12) Им. прил. с суффиксом *-ъsk*: kolodvǫ̑rski, četrtogǫ̑rski, bratomǫ̑rski, jezikoslǫ̑vski и т. п.; редко: tretjegǫ̑rski.

13) Им. сущ. ср. рода с суффиксом *-ъstv-*: dvobǫ̑jstvǫ, kruhobǫ̑rstvǫ, parobrǫ̑dstvǫ, dvodǫ̑mstvǫ, dędinolǫ̑vstvǫ, verolǫ̑mstvǫ, krvolǫ̑štvǫ, samomǫ̑rstvǫ, ladjeplǫ̑vstvǫ, bogorǫ̑dstvǫ, krivorǫ̑tstvǫ, samosvǫ̑jstvǫ, zlatotvǫ̑rstvǫ, računovǫ̑dstvǫ и т. п.; редко: prvorójstvǫ (срвн. сербск. богомо́љство).

[1] Срвн. еще državnozbǫ́ran при zbóran.

14) Имена прилаг. с суффиксом *-ast-:* koconó̩gast, kljukonó̩sast, motoró̩gast, samo- (срвн. не в сложении: kósast, lózast, sóhast; lȏ̩jast, nȏ̩sast, rȏ̩gast, zvȏ̩nast, vȏ̩skast; но: ostró̩vast, vó̩njast, ибо и производящие имеют *ǫ:* ostròv, -ó̩va, vó̩nja).

15) Глаголы на *-iti-:* rogobó̩riti, -ȏ̩rim; opołnomó̩čiti, ȏ̩čim; jezikosló̩viti, -ȏ̩vim; osamosvó̩jiti, -ȏ̩jim; oživotvó̩riti, -ȏ̩rim; krvotó̩čiti, -ó̩čim; rokovó̩diti, -ȏ̩dim; dobrovó̩ljiti, -ȏ̩ljim; реже: blagosloviti, -ím; неясно: blagovó̩liti, -im, имеющее, кроме странной акцентовки, l вм. lj.

Что касается изредка встречающихся в словинском языке сложений с так называемым соединительным ó̩: vinó̩grad, vertó̩grad, makó̩tar, krvó̩sačan, samó̩tež нар. с произв. samó̩težar, то их следует сравнивать не с великорусскими и сербскими сложениями, а с довольно обычными сложениями малорусского наречия: кругóворот, пізнóцвіт, первóвзір, дурнóслов, білóк; білóверба, дивóкоса, первóкраса, макітра; сухóзолото; первóліток; добрóдійка, однóлітка; однóстеблець, крутóголовець; земнóродний; сухóлісний; самóстійность; добрóдійство; живóпись, рукóпись, самóросль (лѣтóрость Лекс. Памвы Бер. 102); наречия: сухóручь, рукóпашь (изредка такая акцентовка возможна и в белорусском наречии: самóдруг нар., а также см. Белоруссы Е. Ф. Карского, т. II, 1, стр. 544, где указаны: сырóводка, однóмасны, и очень редко в великорусском: *чернóслив* Орл. Брянск. (Тиханов, не заимствовано из малорусского наречия?).

Особенного внимания заслуживает производное от слова gȏ̩vor имя прилаг. gȏ̩voran, когда оно входит в сложение второю частью: при prostogȏ̩voran (под влиянием gȏ̩voran так же, как samopȏ̩močan под влиянием pomȏ̩čan) имеются: malogovó̩ran (-rnost), radogovó̩ran, lȇ̩pogovó̩ran (опечатка вм. le̩-?), le̩pogovȏ̩rnik (срвн. samogovȏ̩r, которому в сербск. яз. мы ожидали соответствие в виде *са̏моговор). Своим перемещением ударения с первого слога на второй оно напоминает русские полногласные формы (срвн. *гóлову, бóроду, вóлос,* но в сложениях: Тотемск. tou̯stogołôvai̯a, Ряз. *чернобородый*, *седоволосый*).

§ 62. В сложных словах при сохранении второстепенного ударения на звуке *о* первой части сложения, имеющей при самостоятельном ударении напряженное *о*, звук *о* в памятниках иногда отмечается напряженным.

Сборн.: немно̑гословимъ 186; мно̑гоко́зненъ 75; мно̑гоо̉чи́таѧ 115; немно̑горе̑чивꙋ 21; о̉зло̑твѡра́щі̆ 28 об.; зако̑нополага́ютъ 262 (срвн. при обозначении второстепенного ударения в но́вонача́лны̆м 30 об. напряженность *о* не отмечена вполне правильно); Псалт.: мно̑гоми́лтивъ 198, мно̑гоми́лтиве 221 об., мно̑гои̉мени́тыи ib., мно̑гоплѡдны 197 об.; зако̑нopoложи́ 167 об., зако̑нопрестоупова́хꙋ 169, зако̑|нопрестоу́пнꙋ 136, зако̑нопрестоу́пнi|цы 171 об., зако̑нопрестоу́|пныѧ 173, зако̑нопрестоу́пнiцы 6; до||бро̑гла́сны̆ 202 || 202 об.

Срвн. словинск.: mnǫ̂gọkatẹ́ri, mnǫ́gọkedọ̀, mnǫ́gọkjè, ǫ̂čivẹ́stiti, -vệstim и, может быть, mnǫ́gọkráten (у Плетершника не совсем ясно).

О сохранении первоначального характера гласного звука в первой части сложений при главном ударении на второй части сложения см. объяснение 3 в нашей работе: «К истории звука ѣ в московском говоре в XIV—XVII веках», Изв. X_2, 177—227, в котором мы указали на сохранение звуков: 1) *ѣ* в подобном положении в говорах, изменяющих вообще неударенное *ѣ* в *е*, и 2) *о* в том же положении в акающих говорах.

§ 63. Кроме того, напряженное *ô* в закрытом срединном слоге имеют следующие наречия: 1) Сборн.: ко̑лми 177 (при колми̑ 177 об.); 2) Грязов.: *тôлькё*, Тотемск.: skôl̓kö, tôl̓kö, stôl̓kö 147, Ряз.: *скôлько, стôлько*.

ГЛАВА VIII.

Напряженное *ô* в закрытом конечном слоге.

§ 64. Напряженное *ô* наблюдается у имен существительных муж. рода в им.-вин. пад. ед. ч. и двусложных формах множ. числа при ударении на корне; в других падежах ед. ч. *ô* не

встречается, ибо ударение падает на окончание. К этим словам относятся:

Сборн.: кőнь им. п. 273 об., никôнеи 212 об. (ударение ´ над *е* перечеркнуто); плôдъ им. и вин. пад. ед. ч. 37, 174 об. bis, 175, 189 об., 190, 325; пőпъ 150 об., пôпъ 185 об.; напőстъ 41 об., 47, пôстъ 18, впôстъ 47 об.; скőтъ 124; исключение представляет слово: вôжъ 5 об., 207 (*о* из *ъ:* дôжь 143 об., может быть, сюда же следует отнести: сôнъ 40, сώнъ 136 об.). Псалт.: двő|ръ 90 об. и 91; кôнь 39, накôнехъ 24 об.; плôдъ 3 об., 96 об., 145 об., плőдъ 25 об., 76, 85 об., 117, 152 об.; плőтъ 79 об.; как исключение, дважды отмечено: кóнь 41, 205 об. (*о* из *ъ:* дóждь 200 об., 218 об., вдώждь 224 об., стώлпъ 78 об., может быть, сюда же следует отнести сóнъ 183 об., сó|нъ 181 об., и здесь же отметим: сóнмь 99, срвн. ćсωнмώмъ 31 об.). Тотемск.: предполагаемое О. Броком *bôbr или *bôp, kôľ, kôń,[1] kôńi мн., kôt, nôš, pôp, stôu̯, xvôs 36, dvôr 105, korôľ 43; исключениями являются bop 37 и заимствованное voľ (срвн. твор. пад. vaľóm 113, если только наблюдатель не смешал этого слова со словом *вал*); отнесенное сюда О. Броком krôt хотя и имеет ô, но это *о* из *ъ* (срвн. сербск. кр̀тица, чешск. krtek, слов. kŕt и др.), но правильно: doš, son, stou̯p 34. Грязов.: *кôни, кôт, стôў.* Костр. Шунг.: *за стуóл* 65, *на стуол* ib. Ряз.: *бôб, двôр, клôп, кôвш, кôл, кôнь, кôт, нôж, пôп, пôст, слôн, снôп* (но, повидимому, слышится и *снóп*), *ствôл, стôл, хвôст, хворôст, корôль* (срвн.: *горб, дош, крот, огóнь, сон, столб, холм — холмà*); исключениями являются: *грош — грошà, вол, плод — плодà, дрозд — дроздà.*

В производных от них именах существительных с суффиксом *-ик* напряженное *ô* удерживается: *кôвшик, кôник, кôтик, нôжик, снôпик, стôлик,* но: *дóждик* Ряз.; nôžyk, bôbŕik Тотемск. 36 (при bóbŕik ib.); срвн. открытое *о* в подобных именах существительных, образованных от имен существительных с открытым *о* (§ 5).

[1] На стр. 136: kóń ržot возможна неточность записи.

В памятниках наконечная акцентовка этих слов в ед. ч. является для них единственно возможной и, кроме того, в отличие от слов, разобранных в § 5, они почти никогда не подвергаются энклизе при предлогах: бобрà Алф. 342; бобȣ̀ р. п. Косм. 194 об., бобóмъ тв. п. Триф. Кор. 58 об.; вожà р. п. Кн. Степ. 674 об., вожѝ м. п. Нов. Зав. XIV в. 59; волà р. п. Хрон. 254 об., на- ib. 295 об., волѣ̀ м. п. Сборн. 1647 г. 213, ȍ- Новт. Ат. 84 об. (как редкое исключение: нивóла Новг. лет. 397 об.); додворà Нов. Зав. XIV в. 15, из- Сборн. 1647 г. 569, к'дворȣ̀ Кн. Степ. 188, кодворȣ̀ Журн. Шерем. 50 об., здворóмъ Новг. лет. 575 об., задворóмъ Улож. 56 об., во'дворѣ̀ Новг. лет. 394, во'двóръ ib. 394, Торж. XVI в. 222, Тр. П. 1589 г. 97, Улож. 274 об., надвóръ Новг. лет. 416, Сим. лет. 123 об., 489 об., за'двóръ Арифм. (Г. П. Б.) 109 об.; вковшѝ Новг. лет. 330 об., ковшѣ̀ Новт. Ат. 125 об.; накóлъ Лет. 312 об., 350; сконѧ̀ Новг. лет. 618 об., коню̀ Сборн. 1647 г. 126 об., накóнь Пал. XVI в. 27 об., Новг. лет. 448, 451 и в др. м., Сим. лет. 32 об., 344 об., Лет. 54, Косм. 54, Пат. Скитск. 123, Ратн. 30 об., Сб. 1647 г. 214; откоролѧ̀ Новг. лет. 623, королю̀ ib. 529 об.; ѿножà Кормч. 1650 г. 241 об., ножéмъ тв. п. Новг. лет. 425 об., Улож. 112, Сб. 1647 г. 49, нанóжь Лет. 209; плодá Нов. Зав. XIV в. 5 об., 34 об., 129 об., Псалт. 181 об., 213 об.,[1] плодóмъ Ратн. 198 об., съ- Кормч. 1650 г. 316; плотȣ̀ р. п. Кн. Степ. 592, наплотѣ̀ Лет. 51, наплóть ib. 51 (но в Сим. лет.: зáплотъ 7 об.); ѿпопà Пал. XVI в. 356, попȣ̀ д. п. Ратн. 25, попóмъ Новг. лет. 580 об., за- Подл. 223 об., припопѣ̀ Новг. лет. 632 об.; постà ib. 401 об., Улож. 100 об., ѿ- Обих. К.-Б. 376 об., постȣ̀ д. п. Новг. лет. 555, к- Пат. Скитск. 375 об., впѡ|стѣ̀ Сборн. 47 об., впостѣ̀ Новг. лет. 400, ѡ̀- Кормч. 1650 г. 578, напóстъ Пат. Скитск. 230, Сб. 1647 г.

---

[1] Рядом с этим в нашей Псалт. трижды отмечена ѿплѡ́да 5 об., 142, 184; в виду редкости такой формы в древнерусских памятниках я склонен отнести ее насчет южнославянского влияния, хотя и русский язык знает накоренную акцентовку этого слова.

226; скота̀ Нов. Зав. XIV в. 156 об., Пат. Ск. XVII в. 90 об.; до- Псалт. 186 об., Новг. лет. 429, Кн. Степ. 25; соското́мъ Кормч. 1650 г. 250 об., над- Ратн. 199 об.; скотѣ м. п. Хрон. 352, на- Пат. Скитск. 239 об., ѿ- Сб. 1647 г. 198 об. (редко: вско́тѣ Пал. XVI в. 49, срвн. ib. доскота̂ 61, нискотѣ д. п. 58 об.), наско́тъ Торж. XVI в. 269 об., Сим. лет. 139 об., Сб. 1647 г. 454 об.; доствола̀ Ратн. 48 об. (но: въство́лѣ ib. 45 об.); стола̀ Новг. лет. 513, до- Новг. Ап. 77, столꙋ Сб. 1647 г. 195 об., застоло́мъ Обих. К.-Б. 298, настолѣ Новг. лет. 441 об.; засто́лъ Лет. 158, насто́лъ Сим. лет. 24 об., 53, 61 об., Новг. лет. 442, Улож. 99; ꙋхвоста̀ Косм. 273, Новг. Ап. 103 об., ѿхвоста́ же Алф. 183, хвостꙋ д. п. Торж. XVI в. 602 об., Новг. лет. 440, схвосто́мъ Новг. лет. 600.

Итак, в пределах тех памятников, к которым по характеру ударения принадлежат и Сборник, и Псалтырь, все эти слова обыкновенно имеют в ед. числе наконечную акцентовку и в вин. пад. ед. ч. и формах мн. ч. энклизе при предлогах не подвергаются. Однако было бы ошибочно распространять последнее наблюдение на современный русский литературный язык и великорусское наречие, ибо и в том, и в другом можно услыхать от этих слов энклитики в вин. и дат. пад. ед. ч., которые, впрочем, в отличие от энклитик типа *на́ год* и т. п. встречаются значительно реже. Представляют ли они отстатки еще более глубокой древности, чем то состояние, которое нам представляют памятники, или новообразования по аналогии, или диалектические особенности, этот вопрос я оставляю в стороне и приведу лишь примеры, подтверждающие энклитики этого типа: *по́ двору* обычно, «не пришло поле *ко́ двору,* пускай его по́д гору», Даль, Посл. 29, «жить двор *о́ двор*» Даль, Слов.; «не колом *по́ боку,* а боком *по́ колу*» Даль, Посл. 952, *на́ кол* обычно; «люди, *на́ конь!* эй живей!» (Пушкин); «невеста родится, а жених *на́ конь* садится» Даль, Посл. 381, «вижу, едут стремя в стремя, *о́-конь-конь* богатыри» (А. Коринфский, Бывальщины; под влиянием былинных ударений?), «верхом мы ездили далеко, и всю дорогу шли *конь-о́-конь,*

я говорлив был, как сорока, а ты был нем, как сонный окунь» (Минаев);[1] «кто тонет, нож подай, и *зá нож* ухватится (Даль, Слов.); *пó столу* довольно обычно, *óб стол* Моск. Рузск. (Н. Дурново).

Прежде чем перейти к сравнению с другими славянскими языками, отметим, что слово плот отнесено мною к словам с наконечною акцентовкою на основании таковой акцентовки, встречающейся в древних памятниках, однако там же встретилось *зá плот* (Сим. лет.); в современном языке акцентовка его колеблется, но в Ряз., где плот имеет открытое *о*, ему свойственна накоренная акцентовка (срвн. сербск. шток. пло̑т — пло̏та и чак. plȏt — plȍta, слов. plọ̑t); срвн. слово *хворост*, идущее в одном говоре по одной акцентовке, а в другом по другой, а также вышеприведенные уклонения от русской акцентовки в сербском и словинском языках.

В сербском языке русским словам с наконечной акцентовкою в большинстве случаев соответствует таковая же акцентовка: бо̏б — бо̀ба, ко̏њ — ко̀ња, сно̏п — сно̀па, по̏п — по̀па, дво̑р — дво́ра, но̑ж — но́жа, во̑ — во̀ла, сто̑ — сто̀ла, хра̑ст — хра́ста, кра̑љ — кра́ља. Чакавское наречие указывает, что долгое нисходящее ударение в им. пад. вторично и явилось на месте старого восходящего: dvór — dvorȁ, stól — stolȁ, vól — volȁ, hrást — hrāstȁ, kráḷ — kraḷȁ; рядом со шток. по̑ст — по̏ста в чак. нар. pȍst — postȁ. Уклоняются от русской акцентовки, с одной стороны, пло̑д — пло̏да, а с другой ско̏т и во̏ђ, повидимому, имеющие выдержанную накоренную акцентовку во всех падежах, однако краткое *о* в им. пад. указывает на старое восходящее ударение.

Словинским языком также подтверждается наконечная акцентовка большинства этих слов: dvòr — dvóra, klòp — klópa, kòľ — kóľa, kònj — kónja, nòž — nóža, pòp — pópa, pòst — pósta, slòn — slóna, snòp — snópa, stòľ — stóla, stvòľ — stvóla, vòj — vója, vòľ — vóla. Напряженное *о* в им. пад. не сохрани-

[1] За точность редакции не отвечаю, ибо привожу на память.

лось, ибо произошло сокращение гласной; за то это ǫ выступает в других падежах: v bǫ̑ju, na grǫ̑bu, na kǫ̑ńu (почему разница в ударении?), na kǫ̑ńih, s vǫ̑li, s kǫ̑ńi (Rad 132, 168). Может быть, не случайно, что отклонение от наконечной акцентовки в ед. числе среди вышеприведенных примеров наблюдается в древнерусских памятниках в местном падеже *(в ско́те, в ство́ле)*; впрочем, здесь другое окончание, нежели в словинском языке. Накоренная акцентовка форм множ. числа сохранилась в русск. *ко́ни — ко́ней — ко́ням — ко́нями — ко́нях* при параллельной наконечной *кони́* и т. д.; другие слова, как и *конь*, сохранили память о накоренной акцентовке в древнерусских памятниках[1] и вместе с тем памятники ясно указывают, что ударение в этих формах было восходящее, а не нисходящее: они не подвергаются энклизе при предлогах *(по дво́ром, под ко́ни, о ско́тех)*, срвн. *на́ годы,*

[1] Для примера приведем рядом с накоренною акцентовкою и наконечную. Им. п.: вожѝ Нов. Зав. XIV в. 12 об., плодѝ Хрон. 265, нѡжѝ Сборн. 176 об., кони́ Нов. Зав. XIV в. 152 об., Торж. XVI в. 269 об. и рядом: нако́ни Ратн. 13 об., по^{д}ко́ни Кн. Степ. 283 (большая редкость: на́кони Новг. Лет. 519 об.); ско́ти Новг. Лет. 428, Пал. XVI в. 3 об., Тр. П. 1589 г. 251, Сб. 1647 г. 780 об.; дат. пад.: конѐмъ Нов. Зав. XIV в. 155, 157 об., ското́мъ Торж. XVI в. 156, Новг. Лет. 264 и рядом: ко́немъ Новг. Лет. 456, Лет. 13 об., ско́томъ Пал. XVI в. 45 об., подво́ромъ Лет. 256; вин. пад.: бобы̀ Новг. Ат. 55 об., бобры̀ Улож. 152, волы̀ Новг. Лет. 552 Сб. 1647 г. 670 об., дворы̀ Новг. Лет. 520, Улож. 35, водворѣ̀ Псалт. 83 об., плоды̀ Торж. XVI в. 418, Новг. Лет. 265, Мин. 1608 г. 16, плоты̀ Улож. 19 об., попы̀ Обих. К.-Б. 305 об., посты̀ Кормч. 1650 г. 59 об., скоты̀ Тр. П. 1589 г. 124, на- Новг. Лет. 431, скѡты́ Псалт. 108 об., в'снопы̀ Торж. XVI в. 417 об., столы ib. 240 об., хвосты̀ Новг. Лет. 462 и рядом дро́зды Алф. 294, пло́ды Торж. XVI в. 355 об., ско́ты ib. 186, Пат. Скитск. 5 об., Кн. Степ. 183 об., Алф. 384, Сб. 1647 г. 418; твор. пад.: ножѝ тв. п. Торж. XVI в. 483, скоты̀ Кормч. 1650 г. 46 об. и рядом съско́ты Пал. XVI в. 24; местн. пад.: водвѡрѣ́хъ Псалт. 116, 162 об., Сборн. 279 об., дворѣ́хъ Улож. 121, скотѣ́хъ Сб. 1647 г. 864, впостѣ́хъ ib. 224, опопе́хъ Новг. Лет. 612 об. и рядом: ѿко́нехъ Пал. XVI в. 63, вко́не^{х} Сим. Лет. 69, 399, нако́нехъ Новг. Лет. 406, вод'во́рехъ ib. 496 об., надво́рехъ Лет. 259, (во)дво́рѣхъ Улож. 24, 35, ѿско́те^{х} Пат. Скитск. 223; в род. пад. означенное колебание наблюдается лишь при окончании древней основы на -ї: ко́неи Новг. Лет. 565 и сконе́и ib. 491 об., при окончании же -овъ ударение падает всегда на это окончание: вожде́въ Сб. 1647 г. 227 об., ѿволѡ́въ ib. 272, дворо́въ Новг. Лет. 498, коне́въ Нов. Зав. XIV в. 156 об., Торж. XVI в. 418 об., но|же́въ ib. 483, плодо́въ Нов. Зав. XIV в. 128, отпопо́въ Новг. Лет. 454, ското́въ Пс. Брюн. 25 об., снопо́въ Кн. Степ. 586 об.

о́ громех, со́ духи (впрочем, в дат. пад. и для этих слов мне не удалось найти энклизы). О словах drǫzd, plǫd, hvǫst см. выше. Слово skȍt — skǫ́ta = сербск. ско̏т — ско̏та.

Мы видели, что иногда слова муж. рода не только в разных славянских языках примыкают к разным типам акцентовки (русск. *плод — плодà* — сербск. пло̑д — пло̏да), но это наблюдается и в пределах одного и того же языка (сев.-вел. *хвóрост* и южно-русск. *хворóст*, сербск. ро̑в — ро̏ва и ро̏в — ро̀ва). В виду сего нисколько не удивительно, что в чешском языке ů наблюдается не только в словах, которые должно отнести к типу слов с наконечной акцентовкой: půst, dvůr, nůž, stůl, vůl, kůň, kůš при koš, kůl, но также с накоренной (нисходящее ударение): bůh, důl, dům, hnůj, lůj, vůz.[1]

§ 65. Подобно словам *двôр — дворà* и двусложные имена сущ. муж. рода с наконечною акцентовкою имеют в им.-вин. пад. ед. ч. *ô: живôт — животà*, срвн. сербск. шток. жѝвот — жѝвота, чак. živȍt — životȁ, указывающие на восходящее ударение в форме им.-вин. пад.; слов. živòt, -óta подобно dvòr — dvóra; в tóроr ударение оттянуто, род. пад. topóra. Сюда относятся: Сборн.: живо̏тъ 259 об., живôтъ 5, в- 7, 11 об., 162; Псалт.: живо̏тъ 120, вживо̏тъ 84 об., живôтъ 195, 215 об.; сапо̏гъ 153 об.; однажды отмечено: живòтъ 80 об.; Тотемск.: topôr, p̑irôk 36, Их. tvarụók 47; Грязов.: *топôр, сапôг;* Костр. Шунг.: *сапуóг, творуóг* 21; Ряз.: *топôр, творôг, -гỳ*.

Повидимому, сюда следует отнести и mozôľ Тотемск. 36 и *музôль* Ряз., но слов. mozǫ̑lj при mozǫ́lj указывает как будто на начальную акцентовку с нисходящим ударением.

§ 66. В повелит. наклонении на -ôj глаголов разных классов является напряженное *ô*. Сборн.: небо̏иса 48, бо̏иса 197 об.; сто̏ите 306 об.; по̏ите 68 об.; Псалт.: бо̏итеса 42, неꙋбо̏иса 65; по̏ите 143 об., 200 об., вос- 143 об., 189, въс- 201 об., пôите

[1] Наблюдение, что ů в чешском языке чаще встречается в односложных словах под перенесенным ударением, сделано проф. С. М. Кульбакиным (К истории и диалектологии польского языка... 156 и след.).

186, 218 об. неск. раз; Тотемск.: stôį 141, stôįťe 142, dôį (но рядом есть и новообразования ńe bóiśö 10, ńe bóįt’öś 100, 142, что касается tróń Их. 40, то здесь *о* может быть из *ъ*); Ряз.: *бôйся, стôй.*

Сербский язык указывает в данном случае восходящее ударение: шток. пòстôj, òпôj, òпôjте (от пòjати), нàпôjте (от напòjити, чак. bói se. Напряженность *о* отразилась в чешском языке: stůj, диалект. bůj sa (срвн. еще диалект. huň — huňće, skuč, старочешск. wuol, а также růsť, můž). I. Gebauer, Hist. mluvn. jaz. českého I, 605.

§ 67. Не вызывают сомнения в древности восходящего ударения формы неопр. накл. и причастия прошедшего времени действительного залога глаголов: *колóть, молóть, полóть, порóть;* срвн. сербск. кла̏ти — кла̏о — кла̏ла; мље̏ти — мли̏о — мље̏о — мље̏ла; пље̏ти — пље̏ла; пра̏ти; слов. kláti — klàł — kláḷo, mlẹ́ti — mlèł — mlẹ́la, plẹ́ti — plẹ́la; pràti; здесь всегда напряженное *ô*. Тотемск.: kołôť, mołôť, połôť, porôť 137, połôų, połôła, porôų, porôła (при poróła 43), kolôų 137, mołôų, mołôła 43 (при mołóų, mołóła 137), Ряз.: *колôть, молôть, полôть, борôться, расколôл;* вероятно, восходящее ударение имел и глагол *полôзть, уполôз* Ряз. (срвн. народн. *полóзиют*); в глаголе *волôчь* Ряз., vołôk Тотемск. 134 восходящее ударение явилось как следствие переноса ударения (слов. vlẹ́či), точно так же, как и в следующих глаголах: помо̑глъ|быми Псалт. 130 об. (срвн. и̑знемо̑гшаѧ Сборн. 185), môk (= мог) Тотемск. 135, *мôг, занемôг* Ряз. (срвн. слов. mọ́gαl); rôs Тотемск. 133, *зарôс* Ряз.; мы бы ожидали иметь напряженное *о* и в *пробол,* срвн. слов. bọ́dαl, но Брок отметил probóų 133; *я измôк* Ряз. можно сравнить с словинским отглагольным прилагат. zamọ́kαl, mókla.

В следующих словах имеем *о* из др. *ъ:* ѡ̑ббл̑ъ|кшесѧ Сборн. 111 об., póls Тотемск. 133, toųk ib. 134, *засóх, издóх* Ряз.

§ 68. Формы причастий прошедшего времени действительного залога в краткой форме (т. е. без *в*), может быть, не всегда книжные (Б. М. Ляпунов, Рассуждение о языке синодального

списка 1-й новгородской летописи, СПб., 1900 г., 98—99), от глаголов с выдержанною накоренною акцентовкою имеют обычно ô (примеры см. в § 42), также имеют ô в этих причастиях глаголы типа *хожу́—хо́дишь:* преклôньсѧ Сборн. 14 об., преклȍнь Псалт. 196 об., с ô ib. 20. Что же касается глаголов типа *рожу́—роди́шь,* то данные памятников распадаются на две группы: 1) если перед суффиксом был согласный *р,* то пишется ô: сотвôрь Сборн. 33 об., 39, сотвôрши 33, -аго 36, -агô 156; сътвȍршагô Псалт. 178 об., 199 об., -емꙋ 161, 187 об. неск. раз, 225 об. bis, -имъ 131 об., ȍсътвȍрше 201 об., ствôршагô 180, 208 об., сътвôршагô 148 об.; 2) если же—шипящий, то—*ó:* рóжшагосѧ Сборн. 197; рóжшагôтѧ Псалт. 208 об., рóждьшимсѧ 28, полóжшагô 84 об. Чем объясняется означенное различие, трудно сказать; однако укажем, что судьба глухого *ъ* после *р* и шипящих была различна: после первого *ъ* исчезало ранее, нежели после вторых (см. нашу работу: «Одно соображение в защиту написаний *ъръ, ъръ, ъръ, ълъ* древнерусских памятников, как действительных отражений второго полногласия», Ж. М. Н. Пр. 1909, № 8, стр. 298 и 302).

§ 69. Для несклоняемых имен прилагательных: *осóбь, свобóдь, удóбь* нормальные явления ô. Сборн.: неоу̑дôбь 73 об., 238, 275 об., 281; ȍсôбь 49 об., 121 об., ѡ҆сôбь 96 при одном исключении оу̑дѡ́бь 210 (срвн. и҆спóлнь 253 об., 293); Псалт.: свѡбôдь 120, но: ѱлⷨ҇ѡ ȍсóбъ писанъ 203 (срвн. и҆спѡ́лнь 40). Срвн. Тотемск.: osôbe 42).

§ 70. В притяжательных местоимениях *мой, твой, свой* и в памятниках, и в говорах обычно отмечается напряженное ô; для оттенения этой особенности в памятниках я сопоставляю эти местоимения с им. пад. ед. ч. указательного местоимения *тъ* в членной форме *той* с открытым *о* (< тъи).

Сборн.: прⷭ҇тлъ свȍи 298 об., свⷮ҇ свои 300 об.; бж҇е мôи 4 об., и҆ре́мъ мôи 17 об., слꙋга̀ мôи 173; ѡ҆ц҃ъ твôи 10 об., трôу̑ твôи 104 об., свôи хлѣ҇ 7, оу̑мъ҇ свôи 39 об. и так в других местах без исключения (срвн. тóиже са́мъ 5 об., тôи им. пад. ед. ч. м. р.

28 об., 105, 260 и в др. местах), сюда, повидимому, относится им. пад. ед. ч. кôиждѡ 215, кôйждѡ 193; Псалт.: мо̑и им. п. 153 об., бо́гъ мо̑и 56 об., бг҃ъ мо̑и 57; цр҃ю мôи и бж҃е мôи 57, жре́бïи мôи 37 об.; гнѣ́въ твôи 110 об., ра́бъ твôи 162 об.; поуть свôи 166, гла́ свôи 88 об. и так во многих других местах без исключения (срвн.: вто́и день 199 об., то́и им. п. ед. ч. м. р. 11, 30 об., 40 об., 50, 79, 144, 168, 183 и т. д. без исключения); Тотемск.: môį, tvôį, svôį 37, kôį, kôįa, мн. kôi 125; но: po-móįömu 33; на стр. 143 несколько раз отмечено moį, но видимо это опечатка (срвн. môį 33, 125); Грязов.: *свôй, мôй;* Ряз.: *мôй, твôй, свôй.*

Чакавск. mój, tvój Изв. XIV_2, 237 ясно указывают на восходящее ударение; штокавск.: мо̑ј, тво̑ј, сво̑ј имеют нисходящее ударение такого же характера, как в кра̑љ (см. § 64). Показания же моих словинских источников расходятся: Хостник отмечает môj, tvôj, svôj (Грамм. 115), Плетершник mój, tvój, svój, а Valjavec (Rad 132, 159) — mój, tvój, svój; последний и признает здесь старое восходящее ударение. Интересно, что Плетершник в подобных звуковых комплексах числительных dvȏj, trȏj отмечает нисходящее ударение, срвн. сербск. штокавск. дво̏је, тро̏је и чакавск. dvȍje (dvôje), trȍje, а также энклизу их при предлогах у̏ двоје, ясно указывающую на древнее нисходящее ударение. Русские памятники и говоры в этих числительных указывают а) открытое *о* дво́е Псалт. 80, dvóįo, tróįo Тотемск. 130 (33), *дво́е, тро́е* Ряз. и б) обычную энклизу при предлогах: на́двое Охт. 1594 г., Ратн. 39 об.; на́трое Тр. П. 1589 г. 371 об., Грам. Смотр. 1648 г. 18; литер. и диалект. *на́ двое, за́ двое, по́ двое* (трое) — часто. Числительное же *обôи* в Ряз. имеет напряженное *ô* в согласии с шток. *дбоје;* что касается словинск. obȏj, то оно имеет перенесенное ударение (срвн. древнерусск. о̏ковы, о̏бои Торж. XVI в. 565, ѡ̏бою р. п. ib. 328, ѡ̏бои^х ib. 448; о̏бои по́лцы Новг. лет. 421 об., обоемꙋ ib. 409; ѡ̏боимъ Хрон. 363; о̏боегѡ Ратн. 25; эти формы чередуются с формами с наконечною акцентовкою: ѿѡ̏бою̀ Торж. XVI в.

365 об.; ѡбои́мъ по̑комъ Новг. лет. 643, ѡбо́ими Хрон. 282; ѽбоемоу̑ Сборн. 1647 г.; о̑бое̑ се̑ пра́вило Кормч. 1650 г. 188; о̑бои́хъ Улож. 123 об.; новообразование обѣи всегда имеет ударение на *ѣ:* со|ѡбѣ̑ю сторо́нъ Новг. лет. 599, о̑бѣ̑ими Ратн. 208, и̑зобѣ̑ихъ Улож. 136 об.; акцентовка же собеи́ми̑ Ратн. 170 крайне редка).

Чешский язык своими můj, tvůj, svůj подтверждает напряженность *о;* впрочем он имеет dvůj, trůj, obůj при obój; в последних можно видеть образование по аналогии к местоимениям, а в obůj и непосредственно явившуюся форму.

§ 71. Суффикс род. пад. мн. ч. *-ов-,* если на него падает ударение, всегда имеет напряженное *ô*.

Сборн.: вапо̑въ 234, грѣхо̑въ 106 об.; вѣко̑въ 256, мѡзго̑въ 305 об., родо̑въ 248, ѿбѣсо̑въ 101, 137, 178 (186); дрȣго̑въ 323, часо̑въ 34, сано̑въ 42, трȣдо̑въ 107, 137, 144 об., 225 об., 226, грѣхо̑въ 114, 127, 320, чаро̑въ 119, ѿпопо̑въ 123 об., индїако̑въ 212 об.; здесь же отметим им. пад. мн. ч. на -о̑ве: попо̑ве 123 об., бѣсо̑ве 197, 241. Псалт.: плѡдо̑въ 181 об., сыно̑въ 84, 98, 197, ѿсыно̑въ 203 об.; родо̑въ 95 об., бого̑въ 113 об., ѿгласо̑|въ 129 об., домо̑въ 100 об.; ѿсьно̑въ 14 об., сыно̑въ 18 об., 59, 119, 119 об., 149 об., 182, 197; ѿсыно̑въ 25 об.; и̑здѡмо̑въ 155, бого̑въ 113 об., лво̑въ 27 об., родо̑въ 207 об., воло̑въ 213 об.; здесь же отметим им. пад. мн. ч. на -о̑ве: воло̑|ве 197, воло̑вѣ 66. Замечено два исключения, оба в киноварных надписях: сынѡ̀въ 62 об., сн҃ѡвъ 59.

В окончании род. пад. мн. ч. -ôf «ô утвердилось категорически» замечает О. Брок (стр. 40): synôf, psôf, vozôf, mužykôf, ľekrutôf, sapogôf, ćułkôf (стр. 39), ućeńikôf-to 126, domôf 119, ḿostôf 121, и по аналогии после ḭ: Их. vorobḭôf 40 при Панк. vorobḭóf. Грязов.: *годôв, мужикôв, домôв.* Ряз.: *зубôв, мужикôв, лесôв, ворôв* и т. д.

Словинский язык в род. пад. мн. ч. с окончанием на -ov, а равно и в других падежах, принимающих суффикс -ov-, указывает *ǫ* в этом суффиксе; срвн. данные, извлеченные из грамма-

тики Хостника: а) род. пад. мн. ч.: darộv 95 и по аналогии, как в Тотемск.: kupcộv 62; б) им. п. мн. ч.: glasộvi 113, darộvi 95, valộvi 318, zvonộvi 85, sklepộvi (Плетершник); в) род. пад. ед. ч.: sinộva, zvonộva, glasộva 84; г) им. п. дв. ч.: dva zvonộva 84. Нисходящее ударение во всех падежах, кроме род. пад. мн. ч., не подлежит сомнению: оно явилось, как следствие переноса ударения с предыдущего слога (срвн. сербск. дат. пад. ед. ч. гра̏дови, дру̏гови, им. пад. мн. ч. дру̏гове;[1] нисходящее ударение подтверждает и M. Valjavec (Rad 132, 195—197), но указывает не напряженное ô, а ọ: godọvi, gradọve,[2] что, вероятно, первоначальнее для слов с нисходящим ударением на корне. Что же касается отмечаемого Хостником нисходящего ударения в род. пад. мн. ч., то оно или является опечаткой, или развилось по аналогии к другим падежам, которые в свою очередь заимствовали из род. пад. *ǫ*, ибо M. Valjavec (op. cit 172) вполне определенно оттеняет в этом случае восходящее ударение: bobộv, kolộv, sokolộv, poslộv. Чешский язык своим -ův, в противоположность словацкому языку, знающему -ov, подтверждает восходящее ударение на *o*.

Здесь же отметим Тотемск. domôį 39, Костр. Шунг. *домуо́й* 68, Ряз. *домо̑й, доло̑й* из древних *домо́въ, доло́въ*. В слов. domộv перенесено ударение; но чешск. domův, dolův вполне соответствуют русскому языку.

§ 72. Род. пад. мн. ч. имен сущ. женского рода с основою на *-а*, муж. (в старой форме без *-ов*) и ср. родов с основою на *-о* имеет напряженное *ô*.

Псалт.: ѿво̑дъ | мнőгъ 197, ѿгő|ръ 102, нőгъ 84 об., 157, во̑дъ 90, 104; ѿво̑дъ 21, во̑дъ 83 об., 129 об., во̑|дъ 39, го̑ръ 101, 131 об., 141 об.; одно исключение: наве́рхъ го́ръ | 96 об.; ѿрő|гъ 27 об.; доро̑гъ о̑лтаревыхъ 164 об. Сборн.: стőпъ 25, во̑дъ 5, 323 об., но̑гъ 141; но в муж. роде только один раз и то

[1] При древнем же ударении на -ov- это о в сербском языке носило восходящее ударение, срвн. дат. пад.: соко̀лови, ва́лови, ду́бови, пру́тови.

[2] Срвн. еще в других падежах: sinộvom, sasinộvi, pri sinộvih.

с открытым *о:* а̓невтыса́ща ро́дъ 261 (правильно: пятьсо́тъ 273, 278 об. (262), девѧ̂со́тъ 312). Тотемск.: nôk, kôs (от коса и коза), gôr, s-têx pôr 33, с полногласием: storôn, goł̂of, połôs, skovorôt 43; sirôt, gospôt 37; slôf, pôl', môŕ 33 и лишь иногда слышится kos, por 33 (Их.); но правильно: snox 34, dostók 39, drof 34, dvux sot 130, ṕet́ sot ib. Костр. Шунг.: *волуо́с* 71. Ряз.: здесь правильно сохраняется напряженное *ô* лишь в словах с полногласием: *поло̂с, голо̂в, боро̂д;* другие же слова или имеют открытое *о* по аналогии к вин. пад. ед. ч., накоренная акцентовка которого иногда сохраняется (*го́ру, во́ду, зо́лу, по́лу,* обычнее: *расу́, казу́* и т. д.), а главным образом к им.-вин. пад. мн. ч. и звучат так: *вод, гор, гроз, коз, пол, рос, сов,* или же имеют напряженное *ô,* но тогда это *ô* слышится и в вин. пад. ед. ч. и в им.-вин. пад. мн. ч. и даже в других падежах мн. числа: *но̂г* срвн.: (*но̂гу, но̂ги*),[1] *вдо̂в (вдо̂вы),* и даже с *ô* из древнего *ъ: сно̂х, сно̂хи, сно̂хами.* В других случаях слышится *о* из *ъ: блох.* Для имен сущ. ср. рода имеется пример слов, где открытое *о* по аналогии к падежам ед. ч. при правильных: *дров, пятьсо́т.*

О древнем восходящем ударении в этих формах прежде всего свидетельствует отсутствие в русских говорах и памятниках энклизы этих форм при предлогах: 1) догóръ Сим. лет. 97, ѿгóръ Пат. Скитск. 112, Тр. П. 1589 г. 367; оу̓нóгъ Подл. 96, ѿнóгъ Кн. Степ. 150; срвн.: без̓роу́къ Сборн. 1647 г. 474, от̓роу́къ Новг. лет. 506, 582, достѣ́н Тр. П. 1589 г.;[2] 2) изрóгъ Новг. лет. 483, и̓згрóбъ Тр. П. 1589 г. 285, Сб. 1647 г. 465, ѿгрóбъ Чин Страшного Суда (Москва) 42, ѿрòдъ Нов. Зав. XIV в. 130 об.; срвн. ѡт̓вóлкъ Новг. лет. 370 об.;[3] 3) для слов

---

[1] Напряженность *ô* тем загадочнее, что энклиза этого слова в разбираемом говоре при предлогах обычна: *по́д ногу, на́ ногу, за́ ногу, на́ ноги,* срвн. *на́ воду, за́ воду, на́ воды, за́ полу, по́д полу, за́ гору, на́ горы.*

[2] Как на единственное мне известное исключение я могу указать лишь на случай, отмеченный М. Колосовым: *до́ гор* Муромск. (Заметки, 302).

[3] Примеры энклизы на последнее слово в других падежах: попала *на́ волка* овца (Измайлов), на́волка Сб. 1647 г. 488 об., на́волки ib. 474.

ср. рода я приведу лишь примеры на слово с некогда долгим гласным: ѿма́съ Злат. XVII в. 191 об.[1]

Сербский язык для слов женск. рода указывает восходящее ударение: штокавск. ко́са̑, ко́за̑, но́га̑, чакавск. gór Изв. XIV_2, 226, также и для среднего рода: штокавск. по́ља̑; что касается род. п. мн. ч. слов муж. рода, то мы в параллель словам с долгими гласными штокавск. дру́га̑, ку́ма̑, ли́ста̑ (от дру̑г, ку̑м, ли̑ст), чакавск. vlásīh, предполагающая *vlás Изв. XIV_2, 218, ожидали бы в словах с кратким *о* иметь нечто подобное, но чак. brȏd ib. 217 указывает на нисходящее ударение.

Также и словинский язык подтверждает восходящее ударение: vǫ́z (Rad 132, 172), kǫ́s, nǫ́g (ib. 173), но напряженность *o*, как показывают приведенные примеры, здесь подобно Рязанскому говору исчезла; однако Хостник в своем словаре в наречных выражениях dosih dǫ̑b, posih dǫ̑b отметил *ǫ* в противоположность Плетершнику: dosih dȏb, posih dȏb; нисходящее ударение в последних случаях свидетельствует о переносе ударения с sih, срвн. zásihdob (Плетершник), где ударение с среднего слога оттянуто на первый. Напряженное *o*, кроме того, слышится в род. пад. ǫ́vα̑c и многосложном слове konǫ́pαlj. I. Gebauer[2] указывает долгое *o*, откуда *uo*, *ů*, в старых чешских памятниках и говорах чешского языка в род. пад. мн. ч. имен сущ. ср. и женск. родов: стар. z těch kuol, tych sluow; диал. slův; стар. všech huor, jeho nooh, s nuoh, podle stoky wuod; диалект. nóh; как и в других случаях я здесь вижу отражение напряженного *o* под старым восходящим ударением.

§ 73. I. Твор. пад. ед. ч. имен сущ. муж. и ср. родов с основою на *o* имеет всегда открытое *o*.

Сборн.: животóмъ 8 об., сѹдóмъ 11, соврагóмъ 23-2, стѡлпóмъ 31, 151, кр҇тóмъ 40, 111 об., 319, снѡ́мъ 44, 137 об., стрѹдóмъ 44 об., 205 об. (262, 313), полкóмъ 307 об., пре҇пол-

[1] Энклиза при других падежах: ѿ́маса Торж. XVI в. 528, на́масо Требн. 1623 г. 231 об.

[2] Historická mluvnice jazyka českého. I, 599.

кώмъ 115, солвώмъ 129 об., жезлώмъ 146 об., 226 об., х҃ώмъ 169 (197, 305); перо́мъ 157, числώмъ 171 об., вино́мъ 207, чело́мъ 328, всеѻ҆рѹ́жьствомъ 23-2, добрώмъ 46. Псалт.: сраб6|мъ 170, стоудо̀мъ 124 об., 184 об., постώмъ 44, 89 об., снώмъ 102, с҆ѡнмώмъ 31 об., жезлώмъ 123 об., съѻ҆трѡко́мъ 209; вино́мъ 78, с҆сребрώмъ 146, сребрώ|мъ 88, числώмъ 144 об., бж҃твоౖмъ 222. Тотемск. без исключений *о:* g̑ńozdóm, stoĺóm, ćeŕedóm и др. (35), p̑óškóm 22. Для Грязов. имеется один пример в наречии *нутрôм* с *ô,* а потому трудно сказать что-либо положительное.

Ряз.: всегда открытое *о: орло́м, коло́м, молотко́м, сапого́м; село́м, перо́м* и в наречиях: *пешко́м.*

Сомневаться в том, что здесь *о* из древнего *ъ,* не приходится (срвн. об этом с указанием на древнерусские памятники и малорусское наречие, а также со сравнением с другими славянскими языками у Б. М. Ляпунова, Исследование о языке синодального списка 1-й новгородской летописи, вып. I, 1900 г., 54 и след.; кроме того, на древнее *ъ* указывает особый характер аканья некоторых русских говоров, см. Изв. IX_1, 350).

II. Неясным является открытое *о* в дат. пад. мн. ч. имен сущ. муж. и ср. родов с основою на *о.*

Сборн.: грѣхо́мъ 38, 122; вѣко́мъ 16 об., 30, 41, 127 об., 210 об.; зѹбо́мъ 121 об., 302 об.; бѣсо́мъ 154 об., 203 об. ter; бого́мъ 311; бѣсово́мъ 100; ѻ҆бразо́мъ 234, помы|слώмъ 140 об., помыслώм 283, ѻ҆блако́мъ 143, оу҆ч҃нко́мъ 14 об., 170 об., долъжнико́мъ 45; коврато́мъ 210 об., къоу҆стώмъ 320; срвн. еще в дв. ч.: крыло́ма 162. Псалт.: рабо́мъ 217 об., скѡто́мъ 64 об., 200 об., скѡто̀мъ 142, враго́мъ 12 об., 25 об., 54 об., 70 об.; враго̀мъ 109, 210 об. bis, 216; бого́мъ 65, 208 об.; бого̀мъ 187 об., 225 об.; зоу|бо́мъ 180; вѣко̀мъ 219 об., 223, сыно́мъ 161; оу҆сто́мъ 51, оу҆стώмъ 172 об.; злώмъ 45; срвн. еще в дв. ч. вѣко́ма 183 об.

Может быть, в живом произношении писца существовали лишь формы, явившиеся по аналогии, на *-ам,* и этим обстоятель-

ством следует объяснить неправильное обозначение *о* в этой форме (открытое вместо напряженного), хотя в других несуществовавших в его произношении формах (напр. в аористах) писец по традиции обозначил *о* правильно. Только один раз писец Псалтыри обозначил *о* в форме дат. пад. мн. ч. напряженным: рабо̂мъ 216 об.

Решение вопроса о звуке *о* в этой форме затрудняется прежде всего невозможностью дать определенный ответ на другой предварительный вопрос, а именно, насколько были живыми для писцов наших памятников означенные формы. Если они были мертвыми, то, конечно, можно ожидать разного рода неожиданностей, в частности, например, писцы могли их уподоблять формам твор. пад. ед. ч., где открытое *ó* правильно. Но мало того, если эти формы были живыми, то трудно настаивать, что ото всех слов *о* в окончании было одинаковым; ибо слова с нисходящим ударением в корне на глазах историка приобрели наконечную акцентовку (в Нов. Зав. XIV в. еще обычна накоренная акцентовку:[1] повсе̂мъ гра́домъ 69, вла́сомъ 84 об., до́момъ 136 об., зȣ̂бо̂ 6, ве̂комъ 112, 146, 153, да́ромъ 113, сле̂домъ 101, и очень редко: пограо̂мъ 73 об.; изредка она встречается в Новг. лет. и Хрон.: полȣ̂гомъ 614, зȣ̂бомъ 364, дрȣ̂гомъ 566 об., но здесь уже чаще: градо́мъ 401, ве̂ко́мъ 388, бого́мъ 425 об., сыно́мъ 478 об., зȣ̂бо́мъ 441 и др.; в нашей Псалтыри: бе̂сомъ 208 об., проу́гомъ 108; кроме того, в Мин. 1608 г.: ѿ оц҃а све̂томъ 205; срвн. еще для дв. числа в Кн. Степ.: гро́бома 112, ро́гома 138, Кормч. 1650 г.: слоу́хома 67), в отличие от форм род. пад. мн. ч. на *-ов*, которые от слов с коренным нисходящим ударением издревле имели наконечную акцентовку (напр. Нов. Зав. XIV в.: даро̂въ 108, громо́|въ 157, Новг. лет.: бе̂со́въ 424, даро́въ 428 об., чино́въ 547, крȣ̂го́въ 606 об., возо́въ 316 и т. п.). Поэтому если у последних форм обычно ô (см. § 71), то у первых его могло не быть, потому что ударяемым *о* стало

[1] На таковую же акцентовку указывают чакавские говоры vȍzōn, vlȁsōn (Изв. XIV_2, 208—209), так что в древности ее сомневаться трудно.

в очень недавнее время. Под влиянием этих форм с открытым *о* могли исчезнуть и формы с напряженным *о*, употреблявшиеся от слов с наконечною акцентовкою; сохранение древности я вижу в единственной форме из Псалтыри: рабо̂мъ 216 об. Однако, повторяю, вопрос не может быть решен окончательно. Ко всему этому присоединяется загадочное какое-то взаимодействие между падежами дательным мн. ч. и творительным ед. ч. в словинском языке: в говорах, имеющих дат. п. на -am, появляется и твор. пад. ед. ч. на -am (Arch. f. Slav. Phil. XI, 551—552, статья В. Облака); впрочем для последнего возможно объяснение из -ъмь. Чешский язык, в противоположность древнерусскому, сохранил и распространил на другие категории слов формы с напряженным ô, откуда теперешнее -ům (в словацком языке -om).

§ 73а. Кроме того, напряженное *ô* в закрытом конечном слоге имеют следующие наречия: Сборн.: ѿ ко̂ль краты 116 об., Псалт.: ко̂ль 37 об., 97, 108, 115, 172, 184 об. и в других местах при одном исключении ко́ль 84, Грязов. *сто̂ль*.

ГЛАВА IX.

Напряженное *ô* в конечном открытом слоге.

§ 74. Им.-вин. пад. ед. ч. имен сущ. ср. рода, а равно прилагат. (и образовавшихся от них наречий), причастий и местоимений нечленной формы того же рода имеет обыкновенно напряженное *ô*.

Сборн.: число̂ 258 об., бревнѿ 11 (*е* исправлено на *ъ*), хꙋдо̂|ство̂ 292; дно̂ 291 об.; сребро̂ 9, брьвно̂ 11; в̓вино̂ 15 об., вино̂ 23 об. bis, 122 об., 238 об.; вокно̂ 227, число̂ 153, платно̂ 174, млеко̂ 293, мꙋжество̂ 39 об., дѣвъство̂ 107,[1] ро̂ство̂ 121 об.; [с поправкою: чи́сло̂ 133 об.]; красно̂ 42 об.; ѕло̂

[1] Акцентовка последних двух слов, как и нижепомещенного из Псалт. бѣ̂гъство̂, хотя и странна, но для памятников колебание ударения в словах с суффиксом *-ство* обычно: моуже|ствѡ̀мъ Псалт. 86/86 об.; хоудожества̀ ib. 209 об.; мꙋжества̀ Сборн. 43 об., хꙋдожства̀ ib. 30 об., поже|стѡчьствоу́же ib. 285; обратно: соу́щество ib. 250, є̆стествомъ 32 об.; то́ржество Торж. XVI в. 172;

нар. 111, злô 19, 23, 239 об., наѕлô 135 об., злô зâзлô 28 об., незлô 23 об., кра|снô 249, бѣлô 116, 311, набелô ѿзеро 223 об., быстрô нар. 19-2, легкô ҽ 17 об., ровнô 161, добрô 6, 15, 28 об., 101 об., 109, 164 об., 299, надобрô 18, ѕѣлô 34, 42 об., 58; данôти 164 об., данô бы́сть 319; прѡшлô 254; ȏнô 36 об. bis; ѿнô 145 об., мѣсто ѿнô 268; таковô смирéнїе 171; таковô дѣло 137 (191 об., 230 об.); каковô | слѡво 153 об. (171 об.); ꙗ҆кѡвôлюбо ҽ 33, ꙗковô 35; [с поправкою: тáковô 281 об.]. Псалт.: селő 61, числő 51 об., ви|нő 142, гнѣздő 115 об., сребрő 187, бѣгъствő 194 об.; винő 89 об.; наронő 95 об. (= роу-); сребрô 160 об. (84 об.); винô 208 об., 209 об., 210; гнѣздô 208, млекô 170, 208, сребрô 15, 225; тръжествô 1; ѕлő 127, злő 68 об., 193, назлő 73 об.; ѕѣлő 25, 37, 47 об., 62 об.; ѕлô 8, 207; добрô 182, 184 об., 186, 224 об.; ѕѣлô 7, 141, 145, 153, 156 об., 162, 165 об., 168 об., 169, 172, 175, 191, 191 об. и в друг. местах. Исключением можно было бы считать: вначалȍ ѱâлм 1 об., если бы самая акцентовка не внушала подозрения в описке.

О. Брок отмечает, что напряженное *ô* в окончании им.-вин. пад. ед. ч. вышепоименованных форм слышится «постоянно» (стр. 41): śôlô, ŕóbrô, śeŕebrô, koľösô, molokô (41); oknô, ṕiśmô, kpylô, ṕörô, źornô (122), gńozdô (127); Их. ŕešotu̯ô 46; davnô, rovnô, šyrokô, dou̯žnô, dobrô (41); ƀöľô, gɫybokô, ľokô, ťoplô, vysokô (128) и даже, по аналогии, после шипящих на месте *о* из древнего *е:* xorošô, d'úžô, gožô (128); nasažonô (41); rostŕeśönô (ib. 133); ćvòlô (ib. 41); onô (ib. 41). Исключений отмечено 5; из них 3: rožostvó, pal itó (ib. 41), davnó 114 явились, вероятно, под влиянием чужого произношения (таково

ме́ньшеньство ib. 587 об.; празднествȯ Триф. Кор. 107 об.; познакомъствоȣ Улож. 333 об., в'послȣшествȯ ib. 141. То же самое наблюдается и в великорусских говорах: *знакомство́* Новг. Устюж., Мат., № 28; Вятск. Орл., Мат., № 42 (*зна́комство* Псковск. Холмск., Мат., № 54); *мужство́* — мошонка с детородными ядрами, Арх. (Подвысоцкий); *óбчество* и рядом *в абчествѐ* Моск. (Чернышев), срвн. еще *свóйство* и *свойство́*.

мнение и О. Брока); четвертое samô (ib. 125) — неясно; а в пятом naćalô 135 возможно видеть опечатку.

У В. Мансикки отмечено: *молокô, давнô, тяжолô, грешнô* и по аналогии *дюжô; отошлô, онô.*

У Н. Виноградова можно отметить следующие подходящие сюда случаи: *всё ро́йнуô* 76, и по аналогии явившееся *хорошуô* 73.

Ф. Тоньшин привел следующие примеры: *днô, селô, помялô, колесô, ремеслô, обществô; веселô, краснô, сильнô, далекô, серô, теплô, холоднô, голоднô, студенô, злô, на злô,* и по аналогии: *вонючô, горячô;* исключением являются имена существительные на *-цо* и *-чо* с открытым *о: кольцó, яйцó, лицó, плечô;* в *виньцô* хотя наблюдатель и отметил напряженное *ô,* тем не менее видно из поправок в этом месте, что первоначально он обозначил его открытым.

Характерным исключением и в памятниках, и в говорах является числительное *сто:* стώлѣ̑ Сборн. 269 об., sto Тотемск. 130, *сто* Ряз. Ответ на это явление можно найти путем сравнения с сербским и словинским языками: в то время, как в сербском языке во всех приведенных выше категориях *о* является кратким и не передающим своего ударения предшествующему слогу в виде ̏, шток. сѐло, вретѐно, жу́то, грѐбло, гребѐно, ѐно, са́мо, чакавск. mlīkȍ, vīnȍ, golȍ, bēlȍ, onȍ, zorānȍ, в числительном же *сто* наблюдается долгота и нисходящее ударение: шток. и чакавск. stȏ: вряд ли означенную особенность можно объяснить только исчезновением глухого после *с,* ибо в подобных случаях у имен существительных и прилагательных наблюдается сокращенное *о:* шток. днȍ, цклȍ, злȍ; словинск. stộ не так характерно, ибо при dnò имеется zlộ.

Сербский и словинский же языки указывают в местоимении to долгое *о* с нисходящим ударением (шток. тȏ, но чакавск. tȍ; слов. tộ, zatộ, obtộ, natộ). Данные Сборника свидетельствуют исключительно об открытом *о:* тò 37, тó 47, тóже нар. 155, втó|же числô 133 об., тó̑ 18 об., тó соу̑ кôзлища 120, тò са́мое 211, йтώ е̑ 317, прωтò 318 об., втóврема 219, 227 об., втώ

вре́мѧ 222 об., 223. Псалтырь дает противоречивое показание: зато̀ 38 об. и то̑ 22. Брок слыхал форму to с открытым *o* (подстрочное примечание на стр. 125), но в парадигмах выставляет tô,[1] считая первую форму чужою; мы думаем в виду вышеизложенного, что форма tô новее формы to.

В отличие от сербских форм štȍ, tkȍ, но в согласии со слов. kdó, а у Хостника kdô̩, и Брок, и Тоньшин отмечают эти формы с открытым *o:* xto, ščo, što (124), štó-žo (144) — *што, кто (що).* Однако Тоньшин при двукратном расспросе подтвердил, что при сложении с предлогами форма што звучит с *ô: заштô, нанштô.* Памятники удивительным образом подтверждают сообщение Тоньшина.

Сборн.: ктѡ́ 8, 9 об., 70 об., ктѡ́ж 25 об., ктѡ́ли 25 об., ктѡ́ ѐсмъ 33 об., чтѡ́ 6, 8 об., 10, 11, 12, 76, 249, что́ 7, ӥнѡ что̀ 45, чтѡ́же ѐ 129, что́ | ради 130 об., зайнѡ что̀ 325 об., но: нивочто̑же 16, вочто̑ 8 об., почто̑ 11 bis, 69 об., 104 об., почто̑мѧ 295 об.; впрочем, возможно и: почтѡ́ 147 об., 182, 282, 285, 286 об., 310, почто́ 291; срвн. еще: ничтѡ́ж 20 об. bis, ничтѡ́же 49 об., 107, 134 об., кроме того: ни|ктѡ́же 139. Псалт.: ктѡ́ 102, 147, 153, 154 bis, 159 об., 183, чтѡ́ 116 об., 162, 163, чтѡ́ти 160, чтѡ́сѧ хва́лиши 68 об. (4 об.), чтѡ́ ради 13, но: нивочто̏|же 51 об., почто̏мѧ 56, ничто̏же 28 об., 102, 123, ничтѡ̏же 191 об.

Что касается местоимения ко́ждо Сборн. 289, ко́жѡ ib. 184, ко́|ждѡ̑ ib. 297 об., ко́ждѡ ib. 28, 132, 193, 197 об., 308, 313, то в нем открытое *о* правильно из древнего *ъ* (къждо), так же, как в ты̀ же то́жде ѐси Псалт. 139 об., относительно кбиждо см. § 70.

Трудно определить, чем объясняется нисходящее ударение и вместе с ним открытость *о* в числительном *сто* и местоимениях *то, что, кто;* однако, можно догадываться, что означенные слова имели таковую особенность благодаря тому, что им часто прихо-

---

[1] Вероятно, под влиянием этой формы явилось *ô* в tôt, где мы ожидали бы открытое *о* (< tъtъ).

дилось стоять не в абсолютном конце звукового комплекса: срвн. *ктó-нибудь, чтó-нибудь, ктó-либо, чтó-либо* (чтőлюбо Кормч. 1650 г. 61; в этой Кормчей, как в Улож. и Ратн., строго проводится употребление значков ′ и ‵; последний всегда в конце слов), *ктó это, чтó это,* народн. *ктó-йто, чтó-йто, тó есть, не тó што, на тó места* Моск. Клинск. (Чернышев, 27), срвн. у последнего местоимения в других падежах: втё̆поры Улож. 49, 52, 119 об. и в других местах часто *ф тé поры* Тверск. Каш., Смирнов, *ф тý пору* Терск. Греб., Караулов, наше *тóтчас* при *тотчáс*); числительное *сто* также сливалось со следующим словом: сторȣ́блéвъ Улож. 107 об., столӗ́тъ Ратн. 31, стокрӑ́тъ Сборн. 1647 г. 866; в Сборнике, наоборот, теряет ударение не *сто,* а *лет;* срвн. слияние со следующим словом других числительных: двӑ́года Улож. 299, трй́годы ib. 300, трй́дни ib. 185, Кормч. 1650 г. 589 об.; в говорах очень обычно: купить и в *трúдорога,* да *втрúмила* ДСл., I, 242; *двá года, двá ряда, двá раза, трú рас* и даже *стó рас.* Словинский язык дает некоторое указание на перемену характера ударения в конечном слоге при присоединении к нему энклитики. M. Valjavc'ом (Arch. für Slav. Phil., V, 157 и след.) указано, что формы ед. ч. повелительного наклонения с кратким ȉ меняют это краткое i на долгое с нисходящим ударением, если к ним примыкает местоимение в виде энклитики (ležȉ, nesȉ, но: ležȋ mi, nesȋ me). Объясняется это явление Валявцем влиянием форм дв. и мн. ч. ležȋva, nesȋte; нам же думается, что в последних формах характер ȋ обусловлен окончаниями -va, -te, которые являются такими же энклитиками по отношению к основам leži-, nesi-, как mi, me к формам 2-го лица ед. ч. ležȉ, nesȉ. Срвн. выделение в русском языке окончания *-те* в особую частицу, то присоединяющуюся к другим формам: *пойдемте,* то отделяющуюся в форме 2-го лица мн. ч. другими частицами и даже словами: сев.-великорусск. *глядиконе* (у Кирши Данилова: *бегикате*), Олон.: *дай волю те-тко,* победные соседушки! (Е. Барсов. Причитанья северного края).

§ 75. I. Род. пад. ед. ч. местоимений с окончанием на *-гô* в памятниках всегда имеет напряженное *ô*.

Сборн.: накогô 23 об., нинакогôже 246 об., чегô 156 об., ничегô 154 об., когôжω 25, егô 13 об., нанегô 19 об., всегô 172 об., ѿвсегô 7 об., сегô ради 9 об., сегôбо ра́ди 5, ѡ̓ногô 228, само|гô 145 об., насамогô 19 об., твѡ̓егô 4 об. и в других местах. Псалт.: когôсѧ оу̓бою̀ 32 об., ѐгôже 143, 164, ѿнегôже 40 об., сегôради 38, 55 об., 59 об. bis, 60 об., 85, 157 об., 170, 173 об., 174, 174 об., ѿтогôбо 79, тогô ѐсть 131 об., ѿтогô 79 об.; ѐгô 12 об. (26 об., 40 об., 201), ро́да тогô 132, моѐгô 36 об., 173 об., твѡѐгô 186, 216 об., свѡѐгô 199 об.; ѿкогôсѧ. . . 32 об., ѐгôже 82 об., 145, ѐгô 23 об., 141 н. раз, 143 об. bis, 144 н. раз, 148 об., 152, ѿнегô 155 об., сегô ради 172 об., 174, 214 об., тогô 131 об., 201, моегô 63 об., 173, 183 об., твоѐгô 122 об. (141 об.), свѡегô 145 (147 об.). Исключение замечено лишь одно: ѿрода сегò 15.

Русские говоры в отношении разбираемой особенности резко распадаются на две группы: 1) северновеликорусские, в которых напряженное *о* сохраняется очень хорошо и 2) южнорусские, в которых напряженность *о* потеряна.

В Тотемск. О. Брок отмечает: «в род. пад. местоимений опять находим при ударении *-ô*: kovô кого, tovô, ćovô» (41); из других мест описания: ĭövô 124, samovô 2, śovô 123; впрочем при śóvôdńi 125 встречается śovódńi 99, которое Брок объясняет, повидимому, заимствованием из других говоров.

В. Мансикка также отмечает в Грязов. *ничевô*.

Н. Виноградов указывает, что в Шунг. в этой форме слышится самое резкое *уо* (стр. 7) и, действительно, в его записях здесь чаще всего отмечен этот звук: *ковуд* 68, 71, *човуд* 7, 9, 44, 45, 56, 71, 75, 78, *ничовуд* 7, 9, 22, 38, 60, 64, 65, 69, 73, 78, *ёвуд* 7, 8, 56, 66, 67, 68; *всёвуд* 7, 8, 22, 56, 57, 59, 74, 77, 79; *оттовуд* 68, *одновуд* 67, 68, 72, 76, *твоёвуд* 8, 22; *своёвуд* 65, *своеуд* 78, реже: *ёво* 56, *тово* 64, *всёво* 71, *твово*

23 и в др. местах; отметим, что в совбдни звук *уо* не отмечен, хотя слово встречается нередко (см. 9, 17, 23, 58, 64, 69).

Среди трех примеров, приведенных Далем на вятское *уо,* отмечено как раз: *ничевуо* (О наречиях и пр., 27).

Обращаясь к акающим говорам, мы не найдем здесь в этой форме *ô.* Ф. Тоньшин категорически указывает на открытое *о: таво, каво, чаво, его, таго, каго, чаго, моего, своего, одного, самого.* В обоянском говоре, как нам удалось выяснить (Гласные в слоге под ударением в момент возникновения в обоянском говоре, СПб. 1904 = Изв. IX_1, §§ 8 и 9), аканье предударного слога находилось в зависимости, между прочим, и от того, было ли в слоге под ударением древнее *о* или *о* из древнего *ъ (сяло — лисок);* в настоящее время мы можем дополнить в зависимости от древнего *о* из напряженного *о,* ибо все примеры, приведенные в § 8 вышеназванной работы, имеют *о < ô;* что касается аканья перед древним открытым *о,* то данные обоянского говора, которые мы имеем в своем распоряжении, на этот вопрос ответа не дают, ибо аканье в предлогах *без, перед, через* и отрицании *не,* при которых можно было бы встретить в следующем ударенном слоге открытое *о* с его влиянием на предыдущий слог, было нарушено аналогией (см. § 11, срвн. еще не только *ня поп* IV, 23, 42, 94, но и *ня гот* IV, 87, *ня бох* IV, 17, 102, 103, *ня вор* IV, 30, *ня рот* (= род) IV, 23; не только *ни скора* III, 17, IV, 35, 79, 88, но и *ни добрая* IV, 54; не только: *ня ломя* IV, 32, *ня сходитца* IV, 15, *ня носють* IV, 27, но и: *ни сломитца* IV, 36, *ни ходить* IV, 27). Так вот, в этом говоре вместо ожидаемого *я* перед окончанием *-го* обычно встречается *и* при редком *я* (§ 10): по моему мнению, это было обусловлено переходом конечного напряженного *ô* в открытое *о,* какое мы наблюдаем в Рязанском говоре.[1]

---

[1] Ни акад. А. А. Шахматов в материалах для *ô* из Кал. губ., ни проф. Е. Ф. Будде в материалах для дифтонгов для Тульск. и Ряз. губ. также не привели ни одного достоверного случая на *ô* в род. пад. местоимений.

Возможно, что в связи с потерей в акающих говорах напряженности *ô* в этой форме находится одно характерное отличие акающих говоров от окающих, а именно обычное *-ho* при обычно окающем *-vo:* последнее именно обусловливалось напряженным *ô*; когда выпадало *г* звук *ô* развивал перед собою *в* (а может быть, и само выпадение звука *г* было обусловлено тем, что его вытеснял вновь образовавшийся звук *в*) так же, как в начале слов (см. § 3); эта причина в акающих говорах исчезла, а потому *-vo*, успевшее, может быть, в некоторых говорах развиться в то время, когда еще было *ô*, если только эти формы не заимствования из других говоров, — в них редко.

II. Почему в окающих говорах означенное явление не ограничилось местоимениями, в которых *ô* находилось под ударением, объясняется не новою аналогией со стороны местоимений, а сохранением издревле, может быть, под тем же влиянием этого *ô* и у имен прилагательных, числительных и местоимений с ударением не на *ô*.[1] Наши памятники дают великолепный материал для этого явления.

Сборн.: й҆́ноческагѡ̑ 71, ви́димагѡ̑ 5 об., й҆́стиннагѡ̑ 6, ѿдобрѡ-дѣ̆телнагѡ̑ 6 об., найскренѧгѡ̑ 23 об., нѣ̆коѐгѡ̑ 35 об.; вы́ш-нѧгѡ̑ 12, 317 об., нѡ̑вагѡ̑ 30 об., теле́снагѡ̑ 103 об., оу̉бѡ̑гагѡ̑ 105 об., ма́лагѡ̑ 129 об., оу̉ти́шнагѡ̑ 141, вели́когѡ̑ 78 (кин.), ѐди́ногѡ̑ 12 об., на́шегѡ̑ 5 об., 17 об.; вѣ̆чна́гѡ̑ 5, страшна́гѡ̑ 131, хѹда́гѡ̑ 132 и др.; впрочем, чаще без ̑ над *го:* ѡ̉браща́ю-щагосѧ 21 об., вели́кого 22, пиеди́ного 24 об., молчѧли́ваго 141, сла́внаго и̉страшна́го 23-2, смире́ннаго и̉кротка́го 16, трѹб-на́го 114 об. и др. Псѧлт.: й҆скреннѧгѡ̑ 136, спаса́ющагѡ̑ 148 об., пра́веднагѡ̑ 8 об.; оу̉бѡ̑гагѡ̑ 156 об., льсти́вагѡ̑ 154, вы́шнѧгѡ̑ 151, сътвѡ̑ршагѡ̑ 148 об., ѡ̉бра́|щъшагѡ̑ 160, небе́снагѡ̑ 126 об., си́лнагѡ̑ 178, непови́ннагѡ̑ 12 об., нани́щагѡ̑ 14, ѐди́|нагѡ̑ 6, доѐди́ногѡ̑ 69 об., всѧ́когѡ̑ 1, 151 об., 172, на́шегѡ̑ 134, 135, 179 об.; горда́гѡ̑ 122, свѧта́гѡ̑ 148, морска́гѡ̑ 215, ч҃тна́гѡ̑ 221 об., втѡра́гѡ̑ 62 об.; значительно реже без ̑ над *-го:* ни́-ща|го 13, а иногда сохранено ̑ над *-го,* но отсутствует основное

[1] О возможности сохранения *ô* не в слоге под ударением см. § 62.

ударение: доединогȏ 16, твѡрѧщагȏ 199 об., нашегó 122 об., 135 об., ва|шего 75 об., вашегȏ 112 об.

Но самое интересное в этой Псалтыри заключается в знаке ударения над ȏ при основном ударении: ȍби́дѧщагȏ 93 об., и̓згѡнѧ́щагȏ 58 об., пра́веднагȏ 101 об., 211 об., пра́веднаг|ȏ (на подклеенном 47 листе), вы́шнѧгȏ 103 об. и однажды при отсутствии основного ударения: въстаю́щагȏ 98. Последнее явление (если только здесь не случайный пропуск главного ударения на -ств-), конечно, следует сравнивать с великорусскими фамилиями на *-вó: Дурновó, Благовó, Суховó.* Следовательно, хотя *ȏ* у имен прилагательных в окончании *-го* в общей массе и не имело на себе ударения, но оно могло притягивать на себя таковое, если имя прилагательное выходило из категории имен прилагательных, которые своей акцентовкой других падежей препятствовали перенесению ударения на окончание (срвн. сербск. диалект. starega̍, staremȕ, starimȉ, starimȁ).

ГЛАВА X.

Напряженное *ȏ* в окончании членных имен прилагательных, а также местоимений и в твор. пад. ед. ч. имен сущ. женского рода и местоимений.

§ 76. Во всех падежах ед. ч. членного склонения имен прилагательных, порядковых числительных и местоимений, где имеется ударенное *о,* за исключением имен. пад. ед. ч. муж. рода это *о* является напряженным.

Сборн.: им.-вин. п. ср. р.: седмȏє 257 об.; злȏе 11 об., ȅзлȏє 74, назлȏє 210, блгȏе 13, 76, 126 об., 135 об., 225 об., прѡстȏе 164 об., слабȏе 241 об. (акцентовка для великорусских памятников редкая), дрꙋгȏе 5 об., 37, 71 об., 121 об. bis, 141 об., 144 об., вторȏє 129, 251 об., втѡрȏє 133, 152 об., 162, 173, вовтѡрȏе 111 об., ветхȏє 15 об., вседмȏе 266 об., ѡсмȏє 256, кроткȏе 141, бѣсовскȏє 41, мирьскȏе 37 об., чтнȏе 136, 244, долъжнȏе 30, 149 об.; оумнȏє 5 об., блꙋднȏе 72, кртнȏе 19 об., страшнȏе 23-2 об., 113 об., 129 bis, 142, 145 об.,

ввѣчнȏе 234 об., мощнȏе 241 об., земнȏє 136 об.; распѧтȏє 240; ӥнȏе 47, 174, 226 об.; таковȏе 187 об.; род. пад. ед. ч.: инȏ҃го 23-2 об., 93, 263; сверстнȏго 212; ӥнȏго 4, 74, 156 об., 185 об., 205 об.; дат. пад. муж. и ср. р.: шестȏмꙋ 266, квѣ|чнȏмꙋ 260, кне|мощнȏмꙋ 16 об., инȏмꙋ 102; злȏмꙋ 32 об., слѣпȏ|мꙋ 15 об., постȏмꙋ 139, 190 bis, дрꙋгȏмꙋ 99 об. (кин.), блгȏмꙋ 73 об., 195, 220, 315; прѡстȏмꙋ 190 об., сѐмȏмꙋ 256, ȏ|смȏмꙋ ib., грꙋстѡкȏмꙋ 124 об., мирьскȏмꙋ 20 об., 149, бѣсовьскȏмꙋ 165, сладкȏмꙋ 249 об., вѣчнȏмꙋ 17, 176, 211 об., кземнȏмꙋ 136 об., 141; къӥнȏмꙋ 39 об. (193, 205 об.), коӥнȏмꙋ, таковȏмꙋ 145 (249), и по аналогии болшȏмꙋ 35; дат. пад. ж. р.: шестȏи 266, 271 об. ковтѡрȏи 133, мирскȏи 326 об.; твор. пад. ж. р.: блгȏю 42 об., настȏю 119 об., плѡскȏю 327, таковȏю 204 об.; местн. пад. м. и ср. р.: воѡсмȏмъ 255 об., врѧдѣ ӥнȏмъ 63 об.; ȏвторȏмъ 111 об. (кин.), востȏмъ 174 об., ввєтхȏм 177; местн. пад. ж. р.: навтѡрȏи 287 (срвн. правильно в им. п. ед. ч. м. р.: сꙋхȏи 221 об., ѡсмȏи вѣкъ 256). Псалт.: им.-вин. пад. ср. р.: свѧтȏе 123 об., 146, свѧтȏє 144, стȏє 189 об., стȏе 199, благȏе 69 об., чермнȏе 188 bis, вче|рмнȏе 147 об.; свѧтȏе 218, 221 об., стȏе 139 об., страшнȏе 221 об., чермнȏє 226, честнȏе 1; род. пад. м. и ср. р.: ӥнȏго 214; дат. пад. м. и ср. р.: крѣпкȏмꙋ 55, страшнȏ|мꙋ 102 об. bis, че|(рмно)ȏмоу 147 об.; живȏмꙋ 55; стѡмоу 150 (с ѡ вм. *о*); твор. пад. ж. р.: морскȏю 122, крѣпкȏю 188; немощнȏю 222; замечено четыре исключения: стѡ́мꙋ 202 об. (значек ударения поставлен киноварью), стѡ́ю 4, инȏю 9, краснѡ́ю 227.

В род. и дат. пад. ед. ч. ж. р. и местн. пад. того же числа всех родов местоименного склонения в памятниках также отмечается *ȏ*.

Сборн.: род. пад. ед. ч.: ӥстȏи 267 об.; болѣ тȏи пȏчести 45 об. (вероятно, под влиянием дат. и местн. пад.); местн. пад. м. и ср. р.: ӥнатȏмъ 5 об., потȏмъ 261 об., потȏмже 257; втȏмъ часѣ 19-2, потȏмже 140, 140 об., 141, 146, 147, 162 об., потȏмъ 31, 39 об., 137 об., въхрáмѣ тȏмъ 153, натȏмъ 74

(146), ѡтȏмъ 49 об., 161, втȏмъ 47, 165 (122), всáмомъ тȏмъ п҃бси 32, ѡнȏмъ 181, 219, 223 об., 225 об., 230; вчесȏмъ 104 об., нивчесȏмъ 100, нивчесȏмже 102; местн. пад. ж. р.: ѡтȏи 126 bis, с҆тȏи 81 (кин.), тȏи 123, ѡнȏи 181, 219. Псалт.: местн. пад. м. и ср. р.: врѡдѣ и҆нȏмъ 63 об., ȏтȏмъ 8, потȏмъ 13 об.

В Тотемск. О. Брок в схеме склонения членных имен. прилагат. и местоимений отметил им.-вин. пад. ед. ч. ср. р. с *о* открытым: zlóįo 126, kakóįo 125, однако на стр. 41, где идет речь об *ô,* указал, что у длинных (= членных) прилагательных обычно *ô,* и привел 3 примера: p̂rosnôįö, moŀodôįö, parnôįö moŀokô, так что можно думать, что в парадигме опечатки. Что касается случая muśkóįö pŀatįö 88, то здесь *о* вместо ожидаемого *ô* под влиянием обычного произношения, знающего после мягких согласных лишь одно открытое *о*. Формы других падежей (род., дат. и местн. пад. ед. ч. м. и ср. рода, род., дат., твор. и местн. пад. ед. ч. ж. рода имен прилагательных членных, числительного *один* и местоимений) в схеме склонений они отмечены с *ô*[1] (стр. 125 и 126): zŀôva, gŀuxôva, zŀômu, zŀôm, zŀôį, tôm, tôį, kakôį, samôį, кроме того: о kôm (стр. 40), odnôį (стр. 129), drugôį dorôgoį (40), при чем это *ô* переходит по аналогии в мягкое склонение: třetįôva, třetįômu, třetiôį, но: f třetįóm (стр. 131), boľšôį тв. п. (стр. 40), ćįôį (стр. 125), fšôį ib., įôį, įôm (стр. 124), moįôį, svoįôį, moįôm (стр. 125), svoįôm (стр. 40), fšôm (стр. 34).[1] Относительно твор. пад. ед. ч. ж. р. Брок предполагает заимствование со стороны род., дат. и местн. пад., указывая на žonôį (стр. 40). Зато им. п. ед. ч. м. р. правильно с *ó:* ńómóį, kosóį 35.

В Грязов. сюда относятся: *потȏм* нар., *тȏй, такȏе, оржанȏе.*

В Ряз. здесь без исключения *ô: другȏе, злȏва, никакȏга;* косв. пад. ж. р.: *больнȏй, прямȏй; слепȏму, в глухȏм, в пустȏм, в дру-*

---

[1] Kakóva (стр. 125) возможно считать за опечатку так же, как и fšom ib. В случаях xudóva (стр. 73, 144), v-odnóį šoŀuché 25 и на šömóm ńeb́e (стр. 124) возможно видеть неточности записи, так как примеры приводятся для выяснения других фонетических особенностей. Что касается v' odnóm-to mést'é (115), то О. Брок допускает в этом случае влияние извне.

гôм; тôй косв. пад. ж. р., *на тôм, о самôм, о какôм* и по аналогии: *большôй, меньшôй, старшôй* косв. пад. ж. р.

Дат. и местн. пад. ед. ч. женск. рода шток. mȏj при чак. tój, местн. пад. ед. ч. муж. рода шток. тȍм (тȍме) при чак. tón ясно указывают на древнее восходящее ударение. Род. пад. ед. ч. ж. р. *тôй* и твор. пад. *тôю* и *тôй* являются как следствие приноровления к другим падежам. Слов. язык не дает материала для сравнения, за исключением местн. пад. о kọ́m (Валявец) или о kọ̑m (Хостник), где ọ находится вместо ожидаемого *ǫ* или *о* под кратким ударением. Что касается *о* в членных формах, то чак. наречие своим нисходящим ударением novȏga, novȏmu, novȏj вряд ли может свидетельствовать об исконном нисходящем ударении, ибо таковое по общему закону перешло бы на предыдущий слог; с другой стороны, старое восходящее ударение явилось бы виде ̏; это нисходящее ударение, конечно, обусловлено стяжением гласных, из которых в сербском языке первый был ударенным, и явилось в сравнительно новое время. Какой процесс переживал русский язык, трудно сказать; однако по согласному показанию в этой форме *ô*, даваемому памятниками и говорами необходимо предположить, что здесь было восходящее ударение. Мне представляется здесь допустимым влияние местоименного склонения, в котором *о* в известных падежах было безусловно под восходящим ударением (см. выше), и затем проникновение такого *о* в другие падежи (род. и дат. пад. ед. ч. муж. рода и род. и твор. пад. ед. ч. ж. рода), хотя возможно, что и *о*, получавшееся по стяжении, имело восходящее ударение (срвн. особый характер в этом случае нисходящего ударение в сербск. языке).

§ 77. В этом параграфе рассмотрим употребление звука *о* в окончании твор. пад. ед. ч. а) имен сущ. женского рода с осно-

---

[1] Шток. мла̑дȏга, мла̑дȏм, мла̑дȏме, мла̑дȏj имеет на первом слоге нисходящее ударение вместо древнего восходящего (чак. mládī и т. д.), так что также не может свидетельствовать о переходе нисходящего ударения с суффикса на первый слог.

вою на *-а,* а также б) личных и возвратного местоимений. Данные Сборника всегда указывают таковое *о* напряженным: а) рꙋко̑ю 102, согрѡзо̑ю 307 об., ивѡдо̑ю 277 об., 278 bis, 278 об., лꙋно̑ю 278 об.; водо̂ю 14 об., 38 об., 275 bis, 278, 278 об., 318 об., рꙋко̂ю 234 об., стѣно̂ю 31, 151, ного̂ю 225 об., цѣно̂ю 171 об., 174, съжено̂ю 42 об., прѡстото̂ю 13, красото̂ю 160 об., чтото̂ю 7, 263; б) сомно̂ю 16 об., 235; предо|мно̂ю 23-2; подомно̂ю 237 об. bis; предтѡбо̂ю 36 об., предтобо̂ю 70, подтобо̂ю 217; предсобо̂ю 181 об., подсѡбо̂ю 198 об., сѡбо̂ю 20 об.; Псалт. имеет: а) для имен сущ. лишь один раз *ô:* красо|то̑ю 59 об. против двух случаев с открытым *о:* горо́ю 4, надъглаво́ю 192 об.; б) для местоимений всегда *ô:* предомно̑ю 98, со|мно̑ю 90 об., предтѡбою 51 об., стѡбо̑ю 98 об.; предтѡбо̂ю 222 об., предсѡбо̂ю 6 об., подтѡбо̂ю 59 об.

Говоры не дают согласного указания. В Тотемск. О. Брок определенно указывает (стр. 40), что твор. пад. ед. ч. имен сущ. ж. р. имеет открытое *о* и примеры, взятые из разных мест его описания, подтверждают его слова: žonói̯ 40, wdowói̯ 73, sovói̯ ib., rukói̯ 102, gorói̯, za ŕokói̯ 126, boronói̯ 139; точно так же и в твор. пад. ед. ч. личных и возвратного местоимения отмечено открытое *о:* mnói̯, tobói̯, sobói̯ 124. Наоборот, в Ряз. и в тех, и в других случаях всегда *ô: рукôй, ногôй, головôй, спинôй, соснôй; со мнôй, тобôй, собôй.*

Сравнение с другими славянскими языками в данном случае не может оказаться полезным, ибо и в словинском, и в сербском языках окончание в отмеченных формах произошло путем стяжения и не может отражать характерных особенностей, связанных с этим звуком *о;* к тому же в местоименных формах была иная акцентовка (сербск. шток. то̏бо̂м, со̏бо̂м, чакавск. nȁmūn, tȍbūn, sȍbūn Изв. XIV_2, 235; одна лишь штокавск. mnóme при mnôm могла бы свидетельствовать, что по стяжении образовалось восходящее ударение; в слов. tebǫ̑(j), nemǫ̑(j) надо видеть перенесенное ударение; напряженность *о* свидетельствует лишь о напряженности нового звука, явившегося по стяжении).

Как решить вопрос, что древнее, Тотемск. ли открытое *о*, поддерживаемое, правда, слабо данными Псалтыри, или Рязанское *ô*,[1] согласное с данными памятников. Я присоединяюсь к мысли О. Брока, имевшего, правда, данные лишь одного говора (стр. 40), что открытое *о* для этой формы древнее, ибо стать из напряженного открытым для него не было особых данных в этой форме, между тем как оно могло легко приобрести напряженность по аналогии от членных имен прилагательных, где оно было законно. К этому мнению меня склоняет и еще одно соображение, а именно наши памятники указывают, что древнейшей акцентовкой этих форм была наконечная; Псалт.: а) роукою́ 226, роукою́| 188, смѡлою̀ 217 об., оуздѡю̀ 39, троубою̀ 112 об., [землею̀ 133 об.]; б) сомнѡю́ 28 об., 50, 66, предомнѡю́ 50 об., 58, 66; тобою́ 21 об., пред́тѡбою́ 50, 76 об., 90 об., предъ|тобою́ 217, предсѡбою́ 55; предомною̀ 17, предомнѡю̀ 21, 51, 124, сомнѡю̀ 154 об., съмною̀ 182, предтѡ|бою̀ 12, 24, 120, предътобою̀ 195, пред́сѡбою̀ 70 об., 119, 125 об., с̓сѡбою̀ 136 об.;[1] Сборн.: а) тр8бою̀ 301 об.; б) сомнѡю̀ 9 об., 25 об.,

---

[1] Оно подтверждается, кроме того, характером обоянского аканья (Курск. губ.). Одним из обычных примеров, приводимых проф. Е. Ф. Будде для дифтонгов в акающих говорах, является именно форма твор. пад.

[1] Спешу оговориться, почему я склонен считать в данном случае значки ´ и ` над *ю* за знак ударения. Дело в том, что в этой Псалтыри часто над конечною гласною после другой гласной стоит знак `, который затруднительно считать за обозначение ударения (в Сборнике такой значок встречается лишь над *и*, которое следует произносить слоговым, а потому значок над *ю* не вызывает сомнения, что им обозначалось ударение), ибо современный язык не допускает подобной акцентовки, да и в самой Псалтыри этот значок является обыкновенно *вторым* значком ударения, помимо главного, соответствующего современному ударению. Такие двойные знаки наблюдаются в следующих категориях: 1) в твор. пад. ед. ч. имен сущ. и прилагат. женск. рода (при условии, если главное ударение находится не на предпоследнем слоге), напр.: пра́вдѡю̀ 195 об., соу́ѣтою̀ 69 (срвн. соу́ета 51 об., ѿсоу́ѣты 80, всоу́ѣт8 191 об., въсоу́ѣтѣ 107 об.), желѣ́знѡю̀ 4, съкроуше́ннѡю̀ 217 и др.; 2) в дат. и местн. пад. ед. ч. членных имен прилагат. женск. рода, напр.: повели́цѣѝ 67, на|вселе́ннѣѝ 40 об. и др.; 3) в род. и особенно часто в местн. пад. ед. ч. имен сущ. ср. р. на *-їе*, напр.: в̓склица́нїа̀ 202 об.; ввесе́лїѝ 86, въѽбличе́нїѝ 52, ѽспсе́|нїѝ и др.; 4) в им. пад. ед. ч. членных причастий наст. врем. действ. зал. муж. рода, при чем здесь нередко вместо одного ` стоит двойной значок ", напр: твора́ѝ 15 об., стреѓїѝ 181 об.,

46 об., 295, 312 об., 313; сомнoю̀| 313; предо|мнѡю̀ 294 об.; тобою̀ 317 об., межоу̑ тобою̀ 261, стѡбою̀ 325 об.; ѽсѡбою̀ 72, предсѡ|бою̀ 234, собою̀ 244 об., 272. О наконечной акцентовке формы, из которой образовалось чакавск. rūkûn, догадывался А. Белич (Изв. XIV_2, 228—229). Таким образом, *о* в рукóю, тобóю стало ударенным на глазах истории и первоначально было открытым.

ГЛАВА XI.

Звук *о* в глаголах на *-овать*.

§ 78. Глаголы на *-овать, -ую* очень часто в Псалт. и Сборн. имеют вместо обычной накоренной насуффиксную акцентовку в согласии с другими др.-р. памятниками. Псалт.: въслѣдоу̑е̑м 217 об., наслѣдова́ша 146 об., сѣтоу̑ѧ 50, 56, 56 об., радова́-

ѝзбавлѧ́ѧй̑ 67, спаса́ай̑ 22 об. (следует отметить, что в им. пад. ед. ч. членных имен прилаг. муж. рода такого двойного значка никогда не бывает; всегда: вы́|шнїи 119 об., нощны́и вранъ 138); 5) в им. пад. мн. ч. м. р. членных имен прилагат., местоимений, причастий наст. и прош. времен действ. и страдат. залогов, напр.: пра́вїѝ 39, чоужи́ѝ 70 об., ти́ѝ 32 об., 46 об., любѧ́щей̀ 54, стѕ-жа́ющей̀ 4 об., всѐдшей̀ 102, ѕи́ждемиѝ 138 об. и др., и 6) в следующих отдельных случаях: нажре́|бїѝ 180 об., воїоу̑де́ѝ 101 об. Иногда вышеприведенные формы встречаются лишь с одним конечным значком, напр.: небеснѣ̀ѝ 218 об., глаголѧ̀ѝ 136 об., вѣдѧщей̀ 122 об., велерѣчющей̀ 45. В виду последних форм можно было бы отрицать и за значком ` самостоятельное значение в твор. пад. ед. ч. имен сущ. ж. рода и местоимений (троубою̀, мною̀). Против такого заключения я выставлю следующие возражения: 1) двойных значков в формах твор. пад. им. сущ. ж. р. при главном ударении на предпоследнем слоге в памятниках не отмечено ни разу; 2) в отличие от второстепенного значка ударения, никогда не заменяющегося ʹ, значок над *ю* в этих случаях очень часто заменен ʹ (примеры см. выше); 3) у тех местоимений, у которых ударяемость *ю* в твор. пад. поддерживалась ударяемостью подобных форм, формы с ударенным *ю* встречаются во многих древних русских памятниках, в которых уже формы типа рукою̀ и тобою̀, как не поддерживаемые аналогией, исчезли совершенно; напр.: Торж. XVI в. преднею̀ 69 об., тою̀ 557, Новг. лет. совсею̀ си́лою 477, своею̀ 408 об., Триф. Кор.: свею̀ 50 об., тою̀ 26, Ратн.: ѽдною̀ | ро́тою 165, сею̀ 3 об., тою̀ 4 и много др. (тою̀, ею̀, своею̀ поддерживались род. пад. тоѐ Улож., 139, еѣ̀, своеѣ̀); в Псалтыри сюда относятся: надъ|всею̀ 133 об., си́лою твѡею̀ 25, надъ-главо́ю моею̀ 192 об. и т. д.; здесь же отметим форму род.-местн. пад. дв. ч.: роу́кѹ твоею̀ 195 (срвн. твоѐю рѹ́кѹ Тр. П. 1589 г. 83 об.); в Сборнике: свею̀ 232, ѐюже 45, всею̀ 76, 168 об., со- 38 об., пред- 20 об.; всею̀ двѡю̀ за́повѣдїю 107 об.

нїа 55 об., но: ра́до|ванїемъ 62 об., возра́доуюсѧ 77, оўтренеvахѹ 107 об.; Сборн.: пѹте́мъ | шествова́въ 320, впоу́ть шествоу́ѧ 110 об., сѣтоу́юще̑ 72, й̆сповѣдоу́и 40, наслѣдоу́и|те 13, послѣдова́ша 13 об., требоу́емъ 27 об., [спрѧтоу́етсѧ 35 об., наказоу́юще 100,] ȍправдѡва́ти 23 и др., но: непоми́лова|хо̑м 117 об., ра́дѹитесѧ 100, назна́|менѹющи 146, зна́менovати 215 об., ра́тованїе 316 об., ра́тѹющеисѧ 317; срвн. Пал. XVI в.: ратоу́ю̕ть 59, но: ра́товахѹсѧ 168; Нов. Зав. XIV в.: вѣрова́ли 44 bis, вѣрова́вшй̑м 72, требоу́юще 89 об., вслѣдова́вше 86 об., вслѣдоу́юща 41 об., но: вѣровавшии 144, послѣдоуѥте 84 об., послѣ́доваху 157. Срвн. слов. radováti se, slẹdováti, izpovẹdováti, znamenováti, milováti при mílovati, но: vẹ́rovati (суффикс с древним восходящим ударением). Мне думается, что мы имеем дело в этом колебании в устах одного и того же писца[1] с русскою особенностью, отразившеюся в современном языке колебанием акцентовок по разным говорам, срвн. совр. *ми́ловать* (прощать), а в народных говорах *милова́ть (холить, нежить)*,[2] *ба́ловать* и *балова́ть*, *ра́товать* и белор. *ратова́ць*, *ле́товать* Колымск. Богораз (срвн. лѣтова̑ Кн. Степ. 675, но: зимова́ти ib. 410) и *ле́товать* Арх. (Подвысоцкий). Если присмотреться к современным глаголам с накоренною акцентовкою, то окажется в них входят такие корни, которые имеют восходящую долготу в словах, образующих эти глаголы: *ми́ловать* (сербск. ми̏о, ми̏ла, ми̏ло), *ра́довать* (сербск. ра̏д), *ве́ровать* (сербск. ве̏ра), *ра́товать* (сербск. ра̏т, ра̏ти), *ле́товать* (сербск. ле̏то), *пе́стовать* (сербск. пе̏ст), *га́довать* Арх. (Подвысоцкий, сербск. га̏д)

---

[1] Писец Сборника, иногда отметив ударение на корне, находил его неудобным и зачеркивал, а вместо него ставил другое на суффиксе: назна́меноу́ютъ 135 об., ȍбра́|дова́нїе 154 об., и обратно: невѣ́рова́ша 290. Такое колебание писца в обозначении места ударения, можно догадываться, обуславливалось тем, что в этих словах, имевших по две восходящих долготы, каждая из долгот с одинаковою силою притягивала на себя экспиритарное ударение. Писец же Новг. лет. в этом случае ставил особый крючок ˆ: жа́лу̂ютъ 409 и обратно нежа̂лу́етъ 500 об. (жа́ло̂вати 408 об.); срвн. моло̂ды́е 610 об. при молоды́е 491 об. и моло́дыя 491, 517; однако спешу оговориться, что этот крючок далеко не всегда стоит, где мы ожидали бы восходящее ударение.

и т. п., наоборот *голодова́ть* (сербск. гла̂д), *векова́ть* (сербск. ве̂к), *гостева́ть* Терск. (Караулов, сербск. го̂ст), *мужева́ть* Арх. (Подв., сербск. му̂ж), *толкова́ть* (русск. *бе́з толку*), *зимова́ть* (сербск. зи̂му), *торгова́ть* (сербск. тр̂г) и т. п. Итак, для того, чтобы глагол имел ударение не на суффиксе, необходимо было восходящее ударение на корне или на том слоге, который носит ударение, а потому вполне понятно обычное *ô* в корнях глаголов этого типа.

Сборн.: по̂лꙁѡва|ти 158 об., непо̂лзовавша 241, по̂льзꙋе̂тъ 149 об., по̂лзꙋєтъ 102 (145 об.); бе̂закôнн ꙋщаѧ 147 об.; спѡсо̂бьствꙋю̂щїй 230 (срвн.: беꙁмѡ́лъство|вати 103); Псалт.: зло̂боу|ющей 32 об.; беззако̂нноующей 30, -нѡвахомъ 147 об., беззако̂нноуите 207, -нѡваша 171 (срвн. еще со вторым ударением: беззако̂ннѡва́хомъ 216); Тотемск.: porôtšyvať 39 [но: prospóćivať 143]; Костр. Шунг.: *попрубовал* 65; Ряз.: *по̂льзоваться, расхо̂довать, по̂тчевать,* но: *про́бовать* (срвн. § 29).

Характерно, что основа *способ-*, образуя глагол на *-ствовать,* принимает акцентовку слов типа *зако̂н,* в которых надо предположить восходящее ударение (см. § 5, 27), а не сохраняет акцентовку *спо́соб,* при которой он в великорусском наречии имел бы нисходящее ударение, срвн. *по́вод* (см. § 13).

ГЛАВА XII.

Звук *о* в именах собственных и книжных заимствованиях.

§ 79. В заимствованных именах собственных при ударении на *о* такое *о* в большинстве случаев отмечается напряженным.

Сборн.: е̂но̂хъ 297б об., а̂мо̂съ 300 об., ло̂ть 265 об. (место не ясное), соло̂монъ 254 об., 266 об., соло̂|мо̂скѡе 255, содо̂мляны 278 об., пахно̂тїа 236 об., григо̂рїа 64 об.; а̂вирôнъ 19, зино̂на 201 об. спиридо̂нъ 233 об., -о̂на 223 об., мамо̂нта 30 об., ї ѡ̂а́номъ коло̂во̂ 152 об., о̂ива́ннѣже коло̂вѣ 189 об., фегно̂сть 320, е̂но̂хъ 310, село̂мо|нъ 255, а̂ндро̂нико|въскїи 233 об., а̂фо̂ньскїа 235 об., горо̂нтїа 223, сое̂о̂нїа 301 об., феѡ̂до̂сїе

217 об., -їа 226, а̓нтѻ|нїе 190 об. (217 об.), а̓ммѻнїе 150 об., варсѡнѻѳїа 105, 228 об., -їе 229, григѻрїа 72 об., -їе 159 об. (166), пахѻмїю 16 об., феврѻнїю 226. Исключений замечено одно: нико́|лѣ д. п. 233.

Псалт.: а̓а̓ронъ 135, -а 145, 148, а̓а̓ронь прил. 160 об., -ню 184 об., -нею 104, а̓вирона 148, въе̓лфегоръ 149, ї̓ермонъ 122, вавилона 119 об., фаворъ 122, за̓лони прил. 88, а̓ммонъ 114 об., воа̓ендо|рѣ ib., салмона ib., силомьскоую 109, а̓ермонъскаꙗ 185, е̓домскїа 205, ѿгоморры 209 об.; дщи вавилонꙗ 189 об. (227 об.), вавилѻньстѣи 188 об., а̓арѻнь прил. 161, 163, е̓дѻма 77 об., е̓дѻмскїа 227 об., вселмѻнѣ 87. Исключений замечено одно: е̓до́мскїа 189.

Тотемск.: Ontôn 37, Grigôŕei̯ 146, но: Jogóŕei 65, 147, L'övónŕei̯ 99, 146, Ovdóti̯a 144.

Грязов.: *Онтôн, Тимôшка, метропôлия.*

Ряз.: *Антôн, Спиридôн, Григôрий, Сôня, Пôля,* но: *Про́хор.*

Сравнение с другими языками, за недостатком материала, затруднительно, отметим лишь приведенные в словаре Хостника слова: Grǫga (Григорий), Polǫna (Аполлинария), Tǫne (Антон).

§ 80. В заимствованном слове *субо́та* памятники имеют напряженное *ô* (всꙋбѻтꙋ Сборн. 257; ѻсоубѻтѣ Псалт. 49 об., соубѻты ib. 62 об.) в согласии с слов. sobǫta; в слове же *ико́на* открытое (и̓кѡ́ны Сборн. 171 об., 234, и̓кѡнникъ ib. 224, преи̓кѡ́ною ib. 233; и̓ко́ны Псалт. 225 об.) в согласии sykónoi̯ Тотемск.; у Плетершника отмечена лишь долгота *o:* ikōna. Слово *апостол* имеет напряженное *o* в Рязанском говоре в согласии со слов. apǫstol (но в Сборн. *o:* а̓по́|стѡ 274, а̓пѡ́столъ 15 об., а̓пѡ|стѻскими 184 об., а̓по́стѻскимъ 115, а̓по́стѡское 278 об.).

Здесь же отметим другие заимствованные слова: анагнѻсти ѿана|гнѻсть Сборн. 123 об., и̓кѡнѻма ib. 204; а̓нафо́ры ib. 71 об., а̓нафо́ре ib. 71 об. (слов. anāfora); кивотъ Псалт. 184; Тотемск.: prokurôn 37, kartóḟeĺ 147, pótšta, dóxtur 148 (слов. dōktor); Грязов.; *кардôн, картôшка, ладôн, ремôнту.*

Кроме того, следует отметить открытое *о* на месте вставочного в слове *псалом:* ѱалѐмь Псалт. 112 об., 192, 202 и в других местах, ѱалóмь 24, ѱл҃ѡ́мь 13 об., ѱл҃ѡ̀мь 141, 190 об., псалóм҆стѣ 134 об., ѱалóмскихь 95.

ГЛАВА XIII, ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ.

Некоторые общие выводы из наблюдений над русским ударением.

§ 81. Нам приходилось читать (Hirt, Indogermanische Accent), что ударение есть «душа слова»; однако согласиться с таким положением мы не можем: «душа слова» это его значение; без значения слово мертво. Если говорить образно и брать образы из той же области, то к ударению (мы имеем в виду главным образом славянское) может быть приложено всего лучше название «центра тяжести слова». В самом деле, чтобы «поднять слово на ноги», т. е. произнести его, мало того, чтобы последовательно произнести все звуки, необходимо еще знать, около которого звука сконцентрировать все эти звуки, т. е. необходимо знать место его ударения. В сложном слове (2—5 слогов, редко более), ударение может занимать безразлично любой слог, в многосложных же словах ударение, как бы боясь нарушить равновесие слова, чуждается конечных слогов и стремится занять *срединный* слог. Наглядным образом, это видно при сравнении простых слов со сложными. Слова, осложненные приставками: *бытиё̑*, но: *собы́тие, званьё*, но: *назва́ние, сто̀ла*, но: *престо́ла, ва̀ла*, но: *отва́ла* р. п., *беда̀*, но: *побе́да, слуга̀*, но: *заслу́га*, кроме того, срвн. сказанное о причастиях страдательного залога на *-ан* в § 22, односложным не чужда наконечная акцентовка, многосложные же таковой чуждаются: *зван, звана̀, звано̀, обе́щан, обе́щана, -но*. В виду того, что осложнение приставками не делает еще слова многосложным, то часто при сложении сохраняется место ударения простого слова: *бытиѐ* и *забытьё̑, беда̀* —

др. р. *победа̀, хвала̀ — похвала̀, звана̀ — позвана̀* и т. п. В словах же сложных, образованных путем сложения двух слов, что делает обычно слово многосложным, этот закон выступает ярче; отсылаю читателя за примерами к § 61, где приведены примеры из русского, словинского и сербского языков.

§ 82. Вышеприведенный закон — стремление ударения занять срединный слог — есть результат времени: чем дальше в глубь веков пойдем, тем чаще встретимся с наначальною и наконечною акцентовками: *челобитьѐ — челоби́тье, по́ложил — положила̀ — положи́л — положи́ла; на́ город — на го́род; на́ сковороду — на ско́вороду; ка́менистый — камени́стый, пра́витель — прави́тель* и другие привлечения ударения на суффиксы с корня. Обобщая предыдущее наблюдение, мы можем построить догадку, что при возникновении экспираторного ударения в славянских языках (вероятно, в общеславянский период) ударение всегда падало на первый слог с Nebenton'ом на последнем слоге. Такое допущение тем вероятно, что и другие родственные индоевропейские языки переживали наначальную акцентовку (срвн. древнеиталийский, древнегерманский и кельтский языки), остаток ее я вижу в чешском языке (германские языки не развили ее, а только поддержали сохранение), а также в северозападных говорах русского языка, где следует видеть не развитие новой особенности, а лишь сохранение старой под влиянием финских наречий. Первыми стали приобретать срединную акцентовку слова, имеющие в середине восходящую долготу при отсутствии ее в первом слоге (*набра́на,* но: *на́ духа,* однако, в др.-р. пам. можно встретить *на́право* — и затем *напра́во,* это очень редко, но очень часто: *на́ сухо, за́ просто; святи́тель,* но *пра́витель* и затем уже на глазах истории *прави́тель);* другим и, вероятно, более поздним фактором отвлечения ударения с первого слога было исчезновение глухих: слог, за которым исчезал глухой, привлекал на себя ударение: др.-р. *не́су,* но: *несе́шь, несе́ть, несу́ть; те́рплю,* но: *терпи́шь, терпи́ть, терпя́ть; зу́бы — зубо́мъ, зубѣ́хъ, лю́ди — людé́й, людéмъ, людéхъ,* но в памятниках еще есть: *зу́бомъ* —

зу́бихъ, на́ зубѣхъ, лю́дий, лю́демъ, по́ людемъ, лю́дехъ,[1] *на́ людехъ,* совр. *лю́дям, лю́дях,* предполагающих **не́сешь, не́сеть, не́суть, те́рпишь, те́рпить, те́рпять* (срвн. греч. φέρω, φέρεις, а в Новг. губ. *бе́ру, бе́рутца*).

§ 83. Академиком Ф. Ф. Фортунатовым установлен закон, по которому при восходящей долготе в русском языке имеется оро́, оло́, ере́ (моро́з — мра̏з), а при нисходящей о́ро, о́ло, е́ре (по́рох — пра̂х). Нам думается, что этот закон есть проявление более общего закона, по которому слова произносятся то с повышающимся тоном (задо́р), то съ понижающимся (по́греб), то со смешанным (побе́да). К этому нас побуждает сравнение подобных с полногласными формъ:

го́род — огоро́д — при́город: го́вор — разгово́р — при́говор;

хо́лод — хо́лодно — холо́дный: свобода̀ — сво́боду — др.-р. сво́бодни — свобо́дный;

ве́чер — вече́рний; до́черь — доче́рний;

мо́лод — молодо́й — диал. моло́дый: ду́бов — дубово́й — дубо́вый;

гро́мов — громово́й — громо́вый;

су́ров — сурово́й — суро́вый;

во́лос — воло́сья; по́вод — пово́дья;

полоса̀ — по́лосу — чересполо́сица; о́коло — око́лица;

полощу̀ — поло́щешь: хлопочу́ — хлопо́чешь (хло́поты);

хохочу́ — хохо́чешь (хо́хот);

перебью̀ — др.-р. пере́бьют; др.-р. ото́бьетъ (срвн. еще др.-р. о́тобью, не́умру);

пережгꙋ — др.-р. пере́жгꙋтъ; др.-р. ото́шлет (срвн. еще о́тошлю).

Кроме того, срвн. еще слов. gȏvoran — malogovǫ́ran; ropǫ́čem, klokǫ́čem и мн. других.

---

[1] Отметим, что если перед глухим был звук *а*, то он привлекал ударение сильнее других гласных: *рука́м, рука́х,* в памятниках нет *ру́камъ, ру́кахъ,* срвн. при частых *по́ложил, о́тлучил* и т. п. почти полное отсутствие *по́казал, о́сязал.*

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Приложение № 1.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПИСЬМА ПСАЛТЫРИ F. I № 7 И ОТРАЖЕНИЕ В НЕМ ЗВУКОВЫХ И ФОРМАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПИСЦА ЭТОЙ ПСАЛТЫРИ.

Манера южнославянской орфографии сказалась в Псалтыри в следующих чертах: 1) очень часто *а* вместо ꙗ или ѧ в начале слов, напр.: прї а̑слехъ 213 об., мѣдна́а 151 об., спаса́ай 22 об., ѡ̓скѡр́блѧа 43, мое̓а̀ 88 об., дш҃а моа̀| 80, ѿпрерѣка́нїа 38 и т. п.; 2) очень часто ь вместо ъ в конце слов, напр.: поси́хь 17, грѣ̑хь 77, съгрѣши̑хь 67, доу|ша̑мь 106 об., вькрѡ́вь 145 об., [сьвѣщаша 37 об.] и т. п.; 3) чаще, чем в памятниках этого времени с чисто русскою орфографиею, встречаются *-рѣ-, -лѣ-* вместо *-ре-, -ле-,* напр.: посрѣдѣ̑ 107, члѣновныѧ 75 об. и т. п., при чем иногда *е* в таких случаях намеренно переделано писцом в *ѣ:* жрѣбїи 37 об. (*ѣ* ясно из *е*). Другие особенности южнославянской орфографии, наблюдаемые в русских памятниках этого времени, или вовсе не сказались, как, напр., употребление ѫ, или встречены мною в небольшом количестве случаев, как, напр., написание *ръ* вместо *ор, ер,* всего 2 раза: тръжествѡ̑ 1, о жрътва̑ 65 (на поле) и *и* вместо *ы,* всего 1 раз, да и тот сомнительный: прикри́ ны̑ 58 об. (влияние буквы *и* предыдущего слога?); особо: ми́лостиню 40. Кроме того, мною отмечен один случай написания *ѣ* вместо ꙗ или ѧ в слове прѣмо 41 об. (киноварью, при чем ею же надписано ѧ); этот случай позволяет думать, что если не ближайшим, то одним из первоначальных оригиналов нашего памятника могла быть южнославянская псалтырь: трудно допустить подражание в орфографии отдельного слова и легче помириться с машинальною перепискою, переходившею из одного списка в другой. В заключение об южнославянской манере нашего

писца отметим, что в употреблении вышеуказанных черт отнюдь не замечается какой-либо последовательности, т. е., напр., рядом с случаями *а* вм. ꙗ и ѧ встречаются случаи употребления и последних букв в том же самом фонетическом положении и т. д.

Из особенностей орфографии Псалтыри, которые бы передавали звуковые явления говора писца, отметим: 1) обычное употребление ѧ после *ч:* ча́сты 212, поꙋча́хоусѧ 50 об., въ при́тчѧхъ 105, при более обычном *а* после других шипящих согласных, указывающее на мягкость звука č сравнительно с другими шипящими звуками; 2) нередкое *ы* после *щ:* щы́тъ 43, щыты́ 61 об., защы́ти|тель 54, указывающую на особую твердость этого шипящего звука сравнительно с другими шипящими звуками; после *ц* — *ы* обычно: прѡ|тцы́й 41 об., концы́ тв. п. 77, ѻ̆цы́стиши 82 об.; 3) изредка встречающееся употребление *щ* вместо *ш* после согласных: ѻбетща́ша 38 об., указывающее на упрощение звука šč в š, наблюдаемое во многих великорусских говорах, именно в этом фонетическом положении (т. е. после согласного); 4) обычные *ки, ги, хи* (но есть, впрочем, и: пото́кы 100, ро́гы 101 об.); 5) *и* вместо *ѣ* в словах: ѻ̆цы́стиши 82 об.; свидѣ́нїе 105 об., -їа 171, засвидѣ́тельствоую 113 (при: свѣдѣ́нїе 112 об., свѣдѣ́те|ль 124); ѕило̑ 60 об., 62 об., ѕило̑ 107, 109 (в последнем случае над *и* надписано киноварью *е*); 6) *е* вместо *ѣ*, встречающееся главным образом в слоге без ударения, что нередко в рукописях этого времени, свидетельствуя о лучшем различении звуков *ѣ* и *е* в слоге под ударением (хотя еще: пѐсо́къ 107); напр.: пререканїа 149 (срвн. пре|рѣканїе 71), зе|ло̑ 110 об. (над *е* киноварью надписано *ѣ*), кра́стели 146, въсвѣ́те 122 об., дѣ́лех 103 об., вчеловѣ́цехъ 87, ни влы́стехъ 200 об., вселе́нней 134 об., срвн. еще: ѻ̆возлюбленнѣ́мъ 59 (*ѣ* из *е*), срѣто́ста 117 (*ѣ* из *е*); повѣда́ть 198, где *ѣ* из другой буквы (*е?*), вдѣ́лехъ 128 (*ѣ* из *е*); наоборот *ѣ* вместо *е* отмечено редко: воло́вѣ 66, при́дѣть 134 об., четырѣ́^де^сѧ́т 62 (киноварь), лицѣ́ в. п. 41 об. (в киновари *ѣ* переделано из *е*); лѣ́ва 127 (при лево́мъ д. п. 75 об.); особо *ѣ* в дв. ч.: похвали́тѣ 80 об., помрачитѣ́сѧ 90 об., подвижастѣ́сѧ 97; 7) употребление *а* вместо *о* в покла́нѧттися (3 л.) 84, которое можно объяснить влиянием покланꙗтисѧ; в понаша́етъ 99 об., бразды́ 83 об. *а* старое; 8) отсутствие *г* в разнѣ́васѧ 99; 9) кромѣ́ того: времѧ 41 об., завжеже 77 об., завжего́ша 99 об.; сонемь 79 об. при со́нмь 99, сне́мь 119.

Приложение № 2.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПИСЬМА СБОРНИКА СОФ. № 1460 И ОТРАЖЕНИЕ В ЭТОМ ПИСЬМЕ ЗВУКОВЫХ И ФОРМАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПИСЦА ЭТОГО ПАМЯТНИКА.

Влияние югославянской графики в письме Сборника выразилось: 1) в одном случае написания *ж*: вотмж҄ 122, 2) в двух случаях постановки плавной согласной со следующею глухою вместо русских *ор, ол:* тръжа́не 127, ѡ̓блъ҄кшейсѧ 31 и 3) в довольно частом написании *а* вместо ѧ, ꙗ после гласной в роде случаев твоеӑ 101, спса́ющіа 106 об., ѿзміа̀ 238 об. и т. п.

В следующих употреблениях букв можно видеть отражение фонетических особенностей говора писца:

1) Отсутствует смешение букв *а* и *о,* что указывает на оканье писца. Следующие случаи не противоречат этому наблюдению, как могущие иметь иное объяснение: бразды̀ 5 = древн. бръзды (здесь смешение со словом бразда = русск. борозда), златаоу́стъ (срвн. сказанное нами об этом случае *а* вм. *о* в работе нашей: «Богдановский Златоуст XVI века» § 5, ИОРЯС, X_3), колачѧ̀ 164, оу̓по|латы 136 об. (в обоих случаях *о* древнее). Интересно параллельное употребление им. пад. ед. ч. ж. р. от местоимения *кыи:* ка́ѧ 105 об. и рядом обычно при наконечном ударении коѧ̀ 105 об., неск. раз, 107, никоѧ́же 158, и один раз каѧ̀ 259 об.

2) Буква *о* на месте древнего *е* встретилась несколько раз исключительно после букв *ц* и *щ:* кче҇ньцо̑ 24, ста́|рцωмъ 152 об., Быва́лцωвꙋ 235 об.; соу́щомꙋ 152, пресло|воу́щомꙋ 190, водѧ́що|мꙋ 192 об., хотѧ́|щомꙋ 15, и̓моу́щои 304 об. (в последних 5 случаях можно допустить и влияние южнославянских оригиналов).

3) В употреблении буквы *ѣ* следует отметить: во-первых, замену ее, с одной стороны, буквою *и,* а после *ц* — *ы* (редко, в определенных случаях), а с другой, буквою *е* (главным образом в слоге без ударения), и во-вторых, замену ею буквы *е* (= др. *е* и *ь*). К первым случаям относятся: а) пе́рвіе 32 об., 200 об., ра́звіе 45 об.; б) ѿчи серде́|чнїи̇ 4 bis, оу̓мнїи о̆чи 75 об.; в) несвере҇пититсѧ 22 об., свиде҇те҇ствꙋе҇тъ 182 об., процыже́ніе 166 (но: сѣде҇ти 32 об., сѣди́ши 22, сѣдѧ̀ 136 об.); ко вторым: набелѡ̑ 223 об., теснωтоу̑ 36, стре|ла̀ 301 об., вогресѣ̀ 245, поцелоу̓и ю̑ 22, целова́|ніе 149 об., спешаще 137, ѿсе-

ца́ти 100 об., ѿсече́мъ 162, седѣ́ти 151 bis, 152, запрети́ши 216, лени́сѧ 4, лени́выхъ 38, лени́ве наречие 72, делѧ 212; лѣни́веиши 216 об., ста́реиший 223, грѣшне|иши 206, и҆зра́днее 135, ни́щее сравн. степ. 45 об., 46; блꙋдѣ и҆скве́|рне 8 об., насобо́|ре 223, о҆дѣле 40 об., на́сѣне 209, на́страшнѣ мѣ́сте 160 об., подо́бне 23-2 об., хꙋдо́жне 30, колѣне дв. ч. 160, вне|доꙋзѣ 10, о҆по́мыслѣ 22 об., олѣтѣ 226 и т. п. В слоге под ударением *е* вместо *ѣ* редко: кꙋпе́лїю 119 об., злѡпомне́нїе 28; особо стоят случаи *é* вм. *ѣ́* в формах в роде: о҆горде́и 123, страшне́и 123, намѣстѣ лобне́мъ 111, ѡ҆горде́мъ 126, сте́мъ 175 об. (здесь *é* вм. *ѣ* обычно во всех памятниках, знающих *е* вместо *ѣ* в слоге без ударения). Буква *ѣ* вместо *е* (= др. *е* и ъ) отмечена и в слоге под ударением: нисѣ́делъ 212-2 (см. примеры на этот случай из других памятников в моей работе: «Несколько данных для определения звукового качества буквы *ѣ* сравнительно с буквою *е*»... § 2, ИОРЯС XV_3), непремѣ́дливъ 71 об., мѣ́|длитъ 136 об., болѣ то́и по́чести 45 об. о҆бѣ́щникъ 35 об., прилѣ́жнѡ 4, трезвѣ́ннаѧ 6 об., и в слоге без ударения: а) бѣсѣ́дꙋю 187, бѣсѣ́довати 131 об., бѣсѣ́|довати 209, бѣсѣ́дꙋетъ 17 и рядом: бесѣ́ды 20, бесѣ́дꙋѧ 14, бесѣ́до|вати 191 об.; б) свѣ́рѣпое 113, свѣ́|рѣпаго 196 об. и рядом: сверѣ́пꙋ 245; в) о҆бранѣхъ 19. Отметим еще несколько интересных употреблений буквы *ѣ:* 1) в ц.-слав. -лѣ-: члѣ́|новъ 305 об., о҆плѣ|не́нїи 313; 2) дѣ́моньскаго 119, вкѣ́лїю 38 об.; 3) смѣ́житьсѧ 113; 4) в суффиксе -ѣ́ї: ка|жачѣ́ю 173 об., фотѣ́ю 228-2 об., андрѣ́и 234, досифѣ́и 320, мои҆сѣ́и 284 об., мои҆сѣ́ѧ 320 (при мои҆сі́и 310, а҆лексі́е 234 об.), е҆врѣ́иски 257, наа҆рхїе҆рѣ́иствѡ 165 об. (а без ударения *е:* дми́|треевичѧ 224 об., васи́леи 129 об.).

4) Употребление букв *ы, и,* ѧ, как показателей мягкости и твердости предыдущих согласных, следует отметить в следующих случаях: а) после *ц* обычно пишется *ы,* свидетельствуя о твердом великорусском произношени звука *ц,* напр.: кѡнцы́ 106, о҆́вцы 119 об., процыже́нїе 166, дрꙋгбицы 190 об.; из других согласных *ы* вместо *и* отмечено после *р* в скрыпа́нїа 18 об. и после *щ* один раз: нагнѡ́йщы 106, обычно *и:* клещи́ 148; возможно, что буква *щ* соответствовала в произношении писца двойному твердому *шш;* б) после *к, г, х* обычно пишется *и,* свидетельствуя о смягченном произношении заднеязычных звуков в этом положении: и҆ски́и 12 об., во́вѣки 18, оу҆бо́гїи 33 об., ѿтно|ги́ 151, ветхі́и 116, похи|ти́ша 126 об., и в) после *ч* гораздо

чаще писец писал букву ѧ, нежели *а*, выделяя тем мягкое великорусское произношение звука, соответствующего этой букве, напр.: молчѧ́нїю 6 об., вѣнчѧ́етсѧ 10, чѧ́съ 26 об., ѿклича 114 об., высочѧ́иши 134, мечѧ̀ род. пад. 305 об. и т. п. (реже: далеча́иши 293 об., прѡ̑чаѧ 11 об.).

5) Глухие согласные пишутся на месте звонких перед глухими и наоборот. Сюда относятся: въѻ̑пщє̑ 105, ѻ̑пщагѡ 168 об., ѻ̑пще|жи́телнаѧ 155; оу́скїи 162, оу́скимъ 114; зженáми 232. Букву *с* в мерзъскі́а 158, мерзъскаѧ 309 я рассматриваю, как переходный глухой свистящий звук от звонкого свистящего к глухому взрывному звуку *к*. Из других изменений согласных отметим: мѧ́|хкими 110, лоу́тши 47 об., лоу́тшоую 168, лоу́тче 144 об. (срвн. ветша́ное 174). Русское *ч* вместо церк.-слав. *щ* сравнительно редко: неше́пчюще 139 об., ше́|пчющи 31 об., скре́гъчюще 124 об., и̓д8чи̓ 70 об. Выпадение *в* отмечено в безмѡ́лъство|вати 103, бе̑мѡ́ства8юще 28.

6) В области форм отметим: а) род. пад. ед. ч. и им.-вин. пад. мн. ч. слов ж. рода на *а* с мягкою основою оканчивается обычно на *и*, после *ц* — *ы*: бли́ѕъ ке́лїи̑ 18 об., ѿке́лїи 189 об., ѿѕемли̇̀ 35, ѿбра́тїи̑ 149, допе|рвы́ѧ стражи̇̀ 40, тѣ̑ ѻ̑вцы 120; б) местн. пад. этих же слов может оканчиваться на *ѣ*, а без ударения на *е*: наѕемлѣ̑ 7, ѕемлѣ̑ м. п. 132, вкѐлье 156 об. (срвн. еще надвѡрцѣ̑ 224); *и* вместо *ѣ* отмечено в местн. пад. ед. ч.: въ|бесѣ̑довници 146 об.; г) им. пад. мн. ч. в функции вин. пад.: вьѧ́мы ивбре́зи впа́даютсѧ 37 об. (срвн. еще оу́ста́виша свѧ|тцы̀ 272 об.); д) окончание *ои* в им. п. ед. ч. м. р. вместо *ыи* отмечено в следующих случаях: с8хо́и 221 об., ѡ́смо́и вѣкъ 256, ми́мо кблѧѕи́нскѡи монасты̑ 238, кото́рои 70 об., 155, 156, 156 об.; е) влияние других лиц на 1 л. ед. ч. отмечено: и̓счезю̀ и̓ѻ̑печѧ́лю 36 (срвн. слезю̀ Тр. П. 1589 г. 228 об., Охт. 1594 г. 394 об., в рукописи XVI в. Погод. № 84: сна́бдю 343, оумл̑рдюсѧ 93 (235); в Лексиконе П. Берынды 1653 г.: вѧзю̀ вѣ̑нцы, которое, впрочем, может быть вместо вѧз8, ибо ibidem: оу́вѧсти̇̀ вѣ̑нцы); ж) однородное влияние на причастие прош. врем. страдат. залога: ѻ̑бе|сче́стенъ 43 (срвн. ѡ́бесче́стеное Охт. 1594 г. 216 об., ѻ̑бро́стенъ Ев. 1616 г. в Евю 94 об.); з) очень интересна форма неопр. накл. и̓зженоу́ти 148 об., 150 (срвн. наше вы́нуть); и) встречается форма *есмя*: е̓смѧ̀ 323 об., 326; і) в местоименном склонении отметим следующие формы: натобѧ̀ 325 об., всо|бѣ 6, сѣ́мъ тв. пад. ед. ч. 146 об., скѣ̑ 212-2 об., ничѣ́мъ 156.

Приложение № 3.

УПОТРЕБЛЕНИЕ КАМОРЫ НАД НАПРЯЖЕННЫМ ȏ НЕ В СВЯЗИ СЪ СИСТЕМОЮ ОБОЗНАЧЕНИЯ УДАРЕНИЙ, ПОДОБНОЮ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ УДАРЕНИЯ.

Камора (̑) над напряженным *ȏ* и в Псалтыри, и в Сборнике встречается, как не трудно видеть из предыдущего исследования, среди прекрасных и ясных систем обозначения места ударения в словах; однако последнее не обязательно, и мы можем указать правильное употребление ее для обозначения напряженности *о* и в таком памятнике, в котором значкам, и притом очень многочисленным, затруднительно приписать значение знаков ударения. Таково ее употребление в рукописи в малую осьмушку, доставленной в Архив синода из Юрьевского Новгородского монастыря и хранящейся там за № 3.874. Эта рукопись представляет из себя служебник, писанный двумя почерками XVI и конца XVII веков. Для нас интересен почерк XVI в., обнимающий листы: 1) с 14 по 83 об. включительно, 2) с 224 по 3-ю строку снизу оборота 239-го, 3) с 248 по 4-ю строку снизу оборота 269-го и 4) с 272 до конца.[1]

Прежде чем перейти к рассмотрению каморы в этом памятнике, скажем несколько слов об употреблении других значков. Значки ˊ и ˋ встречаются безразлично и в средине, и в конце слов, часто по два и по три в одном слове; напр.: жи́|вотво́рѧ̀щї ͯ 265 об., лю̀бо́|вїю 66, свидѣ̆тѣ̑ствꙋ̆є̀тъ 62, є̀гѡ́ 60; трудно сказать, что они обозначают, но отрицать известной последовательности в постановке их мы не будем. Значок ̏ обычно стоит над ы̏: про́кы̏менъ 42 об. Над начинающими слово гласными обычно ставится ̆ˊ: ӑпо|сто́лꙋ 255, ѡ̆́чи 67, оўмно̑жи 50 об. Значок ̆, иногда вместе с ˋ, стоит над начинающими слог гласными; напр.: и̓̆спра́влѧ̀юще 231 об., своє̆ю̀ 234 об., є̆ли́ко 239, сѣ̆|дѧ̀й 266; ѩ̆̀ко 233 об., ве́чернѧ̀ѧ 254 об., сїѧ̆̀не 44.

Камора употреблена в вполне определенных (над *о*)[2] и знакомых нам из предыдущего исследования случаях.

---

[1] Из особенностей в области звуковых явлений отметим: 1) *и* вм. *ѣ*: свѣ̆ди́тѣ̑ство̏ 233 об., свидѣ́тѣ̑ствꙋ̆є̀тъ 62, ѡ̆̀цищенїе 35, вѣ̆р̓нїиши ͯ 228 об., пер̓вїє̀ 63, ѡ̆̀чи ср̓ͣчнїй 67; 2) пропуск *г* в к̓нѧ̀йню 51; 3) *п* вм. *б*: ѠоуᷯсопНы̏ѧ̀ ра́ти 67, и 4) мягкость *н* в к̓нѧжню̀ 78. Влияние югославянской графики сказалось очень слабо: вьседрѣ́жителю 18 (так пишется это слово и в других местах).

[2] Над другими гласными камора не встречается, за исключением начинающего слог и̑, где она вместо ʼ: тро̑и̑чны̏ 41.

Над *о* из древнего *о:* жи́вȏтъ в. п. 14 об., 226 об., 235 об.; ѾпотȏпА 67; к҆востȏкꙋ 253 об.; вȏлею̀ 53 об.; щедрȏтъ 31 об.; щедрȏ҃т 33, 36 об.; щедрȏта̑м 235 об., щедрȏты в. п. 255 об.; ще|дрȏты̑ 29 (54); щедрȏта́ми 22, 232, 236, 265 об. (37); помнȏжествꙋ̑ 36 об., 54, 231 об. (18, 255 об.); мнȏ|жествȏ̑м 261; на̑пр̑ȏчими 27 об.; мнȏга́го 262 об., мнȏгымъ д. п. 36 об.; мнȏгом҃лтиве 48 (23, 25); мнȏго|м҃лти́въ 38 (см. еще 41 об.); не҆ꙁлȏби́въ 71 об.; грѣхȏ|в҆ны̑ѧ 67; прȏсимъ 19 об.; принȏсимъ 37 об.; прек҆лȏни́те 257; мȏлимъ 32 об., 37 об.; мȏлим҆сѧ 23, 64 об., 255 об.; мȏлимсѧ̀ 18 об., 19 (23 об.), помȏли̑мсѧ̀ 39, мȏли́м҆сѧ̀ 256, помȏ|ли́м҆сѧ̀ 39 и однажды в неопределенном наклонении: мȏлитисѧ̀ 35 (уклонение от употребления каморы в Псалтыри и Сборнике); оу̑мнȏжи́ 50 об.; въпреоу̑мнȏ|женїѐ 237 об.; принесȏша 228; ч҆тȏ 71 об. (чаще: что̑ 82 об., нич҆тȏже 16 об., на́то 27); грѣ̀хȏвъ 70 об.; пре҃дмнȏю̀ 63.

Над *о* из древнего *ъ:* плȏть 63, бе|сплȏтныхъ 25 об., бесплȏтны̑хъ 47 об. (22 об.), плȏ|тьскаѧ̀ 41 об. | 42; воплȏщьша́го 66 об.; вȏнь в. п. местоимения *и.* Поразительно, что здесь те же исключения, что и встреченные нами в Псалтыри и Сборнике.

Четыре раза встретилась ̑ в соединении с ́: ще|дрȏ́тъ 32 об., щедрȏ́та́ми 48; мнȏ́го 71 об., мнȏ́жайша́ 72.

Впрочем, очень часто вышеприведенные слова написаны и без ̑, а кроме того, порядочно слов, над которыми мы ожидали бы видеть ̑, не имеют ее; напр.: жи́вотъ 238 об., волѧ̀ им. п. ед. ч. 290 об., волею̀ 37 об., щедро́тъ 83 об., щедрота́ми 47, пре|кло́н҆ше 25, во҆ꙁно́сите 274 об., мо́лим҆тисѧ 255, мо́лимсѧ̀ 18 об. (256), помо́ли̑сѧ̀ 249, помоли́м҆сѧ 14; грѣ̑ховъ 69 об., грѣ̑хо́въ 24 и т. п.; пло́ти р. п. 233 об., по҆плоти 75, плотьскы̑ѧ 63; кроме того: водво́рѣ̑ 16 об., в҆хо́ды 35 об. (на́покро́въ 277 об., сокро́вище 32 об.), собо́р҆ны̑ѧ̀ 227 об.; *о* в родит. пад. ед. ч. местоимений на *-го* ниразу не отмечено напряженным: в҆сего́ 51 об., ѐгѡ́ 60, твоѐгѡ̀ 230. Я объясняю все эти случаи простым пропуском обозначения напряженности *о;* гораздо важнее, что писец ниразу не поставил каморы над открытым *о:* ро́гъ в. п. 47; сло́во 29, 231 об.; сло́во̑м тв. п. 256; сло́ве зв. п. 70 об.; мо́ре 279 об., в҆мори 25; по|морю̀ 74 об., про́мы̑сло́мъ тв. пад. ед. ч. 268 об.; и҆ꙁнощи 40 об.; в҆по́мощь 273; по́мощи р. п. 20 об.; Ѿпо́|хоти 63, поло́жꙋсѧ̀ 42 об., непо́сты̑жꙋсѧ̀ 272 об. и т. п.; кроме того над *о* из *ъ:* до́л҆гъ 70 об., кровь 276 об., лю́бо́|вїю̀ 66 и др.

Приложение № 4.

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ В СБОРНИКЕ СОФ. № 1460 НАДСТРОЧНЫХ ЗНАЧКОВ.

Употребление значка ’. Значок ’ употребляется исключительно над неударенными гласными, начинающими слоги, за исключением последнего открытого слога слова, при чем довольно часто он бывает пропущен. Напр.: оу̓ѧзвéно 212 об. и рядом: нéприѧзнь 48, сѣ̓ѧнïа 158 об.; и̓зоѡ̓брѣтáюще 316, деѡ̓ни́сïе 217 об. и рядом: ѻ̓ѡсо̑бны̑ 132; дѣ̓лаю̑щи̑ 194 и рядом: оу̓корѧ̓ютъ 43 об.; посмѣ̓евáєтсѧ 315 об., почи̓ёмъ 29 и рядом: смѡлъчѧ̓нïемъ 156; но всегда без значка: ра|згрáбленïа 166, нощнáѧ 279 об., ходáтаѧ 144, лéстïю 202, водо̑ю 275, види́мое 251, трéтïеє 201 об. Исключения в роде трéтьеѐ 163 — очень редки.

Но главный интерес употребления его заключается в том случае, когда он стоит над буквою *и:* над нею он стоит лишь тогда, когда на основании современного произношения можно предположить, что эта буква в произношении писца соответствовала слоговому гласному. Напр.: тáи̓нъ род. пад. мн. ч. 147, 323 об. (в современном произношении 2 слога), но: тáина 16; тáинѹ 48 bis; втáинѣ 10 об., 177, 177 об.; тáины 48, 292; тáинодѣланïе 6; тáинѡи̓дéнïе 160 об. (161); ѿ̓таинѡи̓дéнïа 157 об., 159; таинои̓дца 159 (в современном произношении во всех только что приведенных случаях букве *и* соответствует неслоговой звук i̯ или, может быть, даже j); (не)досто̑и̓нъ 13 об., 38, 42, 49 об., 104 об. bis (167), 175 об., 228 об., 264; досто̑и̓ньствѡ̑ 161 (171 об.); но: досто̑инѡ 14 об., 24, 73; досто̑ина 25 об., и̓недосто̑и|нѹ 35 об.; досто̑инѣ 276 об.; досто̑ини 44 об.; недостоиныи 17, 17 об., 128 (128 об.); ѿ̓недосто̑инаго 244; досто̑инаѧ 325; досто̑иныѧ 249 об.; недосто̑ины̑ 276 об. (см. еще лл.: 9 об., 136, 200, 232 об., 262 об., 328); бл҃гоговѣ̓и̓ньствѣ 131 об., -омъ 141, 205, -о 149 об., 235 об.; но: бл҃гоговѣ̓инѡ 225 об., -ѣ̓инѡє 320, -ѣ̓инѡмѹ 226, -ѣ̓ини 316, -ѣ̓ины̑ 154 (см. еще лл.: 228, 318); далее приводятся примеры без столь наглядного противоположения, но не менее убедительные: во̑и̓нъ им. пад. ед. ч. 10, кáи̓нъ 138, емманоуи̓лъ 105, ïеꙁекïи̓ль 300, и̓зрáи̓льтѧно̑ 257 об., шоуи̓ца 10, двѡ̓и̓|чны̑ 284 об., нѣ̓кои̓мъ тв. пад. 152 об., поко̑и̓ти 156 об., оу̓стро̑и̓ти

327 об., достоитъ 22, 44, 89; оустроитъ 216, строитъ 276 об.; но: михаило 221 об., оубиица 74 об., любодѣицамъ 122 об., дрꙋгоицы 190 об., писанеице 325 об., разбоиникъ 122, 312 об. песк. раз, келеины 172 об., лаинωдоущихъ 153 об., житеисками 169 об. (10), житеискими 304, житеискиї 324 об., раискаѧ 75, синаискіе 255 об., евреиски 257, кесаріискіи 18, стꙋдіискіи 156 об., 178, оубиіствы 287 об., наархіереиствω 165 об., пре|любодѣиствы 252 (287 об.), дѣиствено 305 об., дѣиствовати 161, свщенодѣиствꙋѧ 247 об., своиствено 274 об., 288 об., 317 об., хода|таиствено 205, -а (316 об.), ходатаиствꙋ|етъ 197.

Затрудняюсь высказаться категорически за отсутствием критерия в современном произношении о случае коиждω 193 им. п. ед. ч. || коиждω 215.

Подобно тому, как при других гласных, всегда слоговых,— значок ʼ иногда опускается и при *и*, соответствующей слоговому гласному, напр.: достоинъ 34 (см. еще лл. 33 об., 243 об., 296), нестроинъ 75, блгоговѣиньство 141, -ѣ 231, посланіихъ 160, ωсихъ пре|данііхъ 134 об., гранесословііхъ 32, покоити 156, пω-кои|тисѧ 201; возможно, что в следующих случаях *и* равно неслоговому звуку: воини 111 об., каинωва 194, 194 об., іезекѣилю 245. Все эти случаи (с пропуском ʼ) легко объяснимы забывчивостью писца; гораздо важнее, что там, где *и* равно неслоговому звуку, писец ни разу не написал этого значка, за исключением одной категории, именно, когда это *и* при переносе начинает строчку, напр.: недосто|йне 11 об., недосто|йни 287 об., нестро|йна 270 об., разбо|йникъ 240 об., блгодѣ|йства 255 (в виду этого обстоятельства нами были игнорированы при перечислении примеров с ʼ случаи в роде: оустро|йлъ 291 об., стро|йтисѧ 257). Этот прием письма мне напоминает другой из древнейших памятников, в которых писцы доканчивали строки не имеющими места в произношении буквами *ъ*, *ь*.

Однако этими данными наблюдение над употреблением значка, над буквою *и* не может быть закончено. Есть одно противоречие современному произношению в употреблении й, а именно в отличие, но не всегдашнее, от современного произношения й, т. е. слоговой гласной (предполагаем, что оно равно и здесь слоговому звуку, доказательство чему см. ниже) сохраняется перед слогом с ударением. Сюда относятся следующие случаи: натайныѧ 19-2 об., 237; найпаче 326 об., най|паче 322 об., найпа 326 об.; мойсѣи 106, 284 об., 297 об., 298; мойсѣѧ 294 об.,

320; мойсїи 310 (срвн. современное произношение: наипаче, моисе́й); но особенно характерны следующие случаи с чередующимся местом ударения: прїйдоу́щаѧ 112, прїйдоу́щїи 259 об., 260, прїйдȣ̑ 195 об., прїйдȣхъ 100 об., 181, 196 об., 235; прїйдȣхомъ 185 об. (238), прїйдȣсте 69 об., прїйдȣша 147 об., 193, 232, 235; но: прі́идеши 20, 100 об., 103 об. (без значка ударения); прі́идет 37 об., 48 об., 136, 137, 138 об., 139, 167 об., 170, 215 об., 249 об., 253, 255 об.; прі́и|детъ 31 об.; прі́иде̑ 44 об., 76, 298, 298 об. и в др. местах, прїиде̑ 40, 258, 265; прі́идȣтъ 238 (274 об., 275 об., 281 об.); прі́иде 33 об., 69 об., 166 об., 196 об., 210 об., 212, 226 об., 228-2 об., 231 об., 233, 253, 258 об., 267 об., 274, 280 об., 287, 287 об. неск. раз; прейди̑ 318 об., прейти̑ 29 об., 32, прейдȣша 130, 267 об., 289 об., 297а об., прейдȣ́ша 267 об., 278 об., 310; прейдоша 310, 310 об., прейдоша 310; но: пре́идешь 318, непре́идетъ 180, пре́иде̑ 310 об., пре́иде 271 об., 273 об., 276, 280, 287, 287-2, 292 об., 310, 311 bis, 320; прѡ́йди̑ 264 об., прѡйдȣ́хомъ 269 об., но: прѡ́иде̑ 19-2, прѡ́идемъ 162; прѡиде 280, пойди́ 264 об., 324 об.; пойдоу̑ 135, пойти̑ 137; но: по́идеши 137 об., по́иде̑ 76 об., по́иде̑ 26 об., по́идȣтъ 121 об. bis, 124 об., 247, по́идȣ̑ 125 об., по́иде 229; дойти̑ 191, но: ѿто́иде 228 об., не́иде 33,[1] оу́иде 272 об., за́идȣтъ 124 об., на́идетъ 176 об., на́идемъ 178 об.; прїима́ти 36 об., 262, 283; непрїйма́и 48, прийма́|ли 273, прийма́нїе 107, прїйма́хȣ 49 об., но: прі́имеши 32 об., 37 об., 48, 135 об., 201, прі́имешь 327 об., прі́и|метъ 126 об. | 127, 133 об., 188; прі́име̑ 75 об., 137 об., 244 об., 313; воспрі́иметъ 141 об., прїимемъ 140, прі́име̑ 32, 180 об., 211, 243; прі́имете 144 об., прі́и|мȣ̑ 75 об. | 76; воспрі́имȣтъ 328. [2] Как и выше, иногда писцом пропускается значок ʼ: таина́ѧ 116, прїидȣша 309, поидоу̑ 97 об., прїима́ти 21, 118 об.; в следующих случаях, хотя мы и ожидали бы значок ʼ, его ни разу не отмечено: прїиди́ 264 об., прїиди́те 120, 120 об. неск. раз (123 об.), прїиде̑те 17 об., 327; прїими̑ 17, 38 об. bis, 39 об., 40, 48; прїими́же 40; прїими́|те 118, 120 об.,

---

[1] Срвн. неи́щи 251, -и́ 284 об., неими́те 313 об., неимоу́ще 123 об., 281 об.; кроме того: неименоу|е́ши 46 об., произво̑литъ 238 об.

[2] Мало говорят случаи: ѿи́ди 49, ѿиди́те 167, ѿити̑ 186, ѿи̑|доу 293 об., которые можно читать и ot'id'i с слогоделением после t, и otoid'i, раскрывая титло ѿ в ото- (срвн. ѿи́деши 49, неѿи́детъ ib., ѿи́де 182 об., 192 об., 223, 228 об., 231 об.).

121; прїити 34, -ти̇ 262, 306 об., прїи|ти̇ 276. Значок над и̇ при переносе слова с одной строки на другую не имеет значения (срвн. сказанное выше): пре́|и̇де 309 об., прї|и̇дѫтъ 45, при|и̇де 299 об., прї|и̇де 183 об., 280 об., при|и̇метъ 283 об.; поэтому нами не приняты во внимание, с одной стороны: та|и̇ноу́ю 19-2, пре|и̇ди̇ 33, прѡ|и̇дѡша 166 об., по|и̇ми̇ 191 об., мо|и̇сѣѧ 107 об., мо|ї сѣѡви 277, а с другой: на|идѣ 304, пре́|иде 310, где возможно предполагать пропуск обычного в таком положении значка.

При срощении слов с предлогами значок ʼ над *и* ставится не только тогда, когда на этих предлогах нет ударения, но и тогда, когда оно есть. Напр., не только: вои̇нѣ́х 223, вои̇спра|влѐнїе 325 и т. п., но и: вѡ́и̇мѧ 115, 116 об., 127 об., 308, 313 об., ѡ̆и̇ме|ни 169 (в следующих случаях возможно предполагать простой пропуск ʼ: ѯа́имѧ 319 об., ѡ̆имени 169).

Употребление значка ` над буквою *и*, стоящею в конце слова после другой гласной. В этом положении над буквою *и*, как и над другими гласными (см. выше), совсем не употребителен значок ʼ; случаи: пита́|и̇сѧ 35, оу̇стрѡ́|и̇мѧ 320 об., распны|и̇сѧ 167 об. (строго говоря, здесь *и* — не в конце слова, если понимать под последним фонетический комплекс звуков, объединенных одним ударением; но мы для удобства упомянем о них здесь) обязаны значком над *и* переносу слова с одной строки на другую.

Над конечным *и* не стоит никакого значка в том случае, когда можно предположить, что оно не составляло слога. Перечислим все встречающиеся категории этого употребления, приведя по нескольку примеров на каждую из них.

1) Им.-вин. пад. ед. ч. им. сущ. м. рода: ра́и 6, вра́и в. п. 206 об., гнѡ́и 291 об., покѡ̆и 257, ѡ̆бы́чаи 138, ле́нтїи 170 об., ѿта́иже 158; васи́леи 129 об., а̇ндрѣ̆и 234 об., доспѳѣ̆и 320.

2) В род. пад. мн. ч.: писа́нїи 5, ѿпомышле́нїи 22 об., ѿи̇зобилїи 37; люде́и 70 об., са|не́и 212-2, ѿзаповѣде́и 19, мы́слеи 282, свирѣ́леи 119, ѡ̆бро́неи мѣ́стѡ 111 об.

3) В им.-вин. пад. м. р. им. прилаг., причастий и местоимений: ветхїи 116, жестокїи 48 об., покѡи плѿскїи 104, травны́и 285 об., страшны́и 113 об., тѣсны́и 126 об., верхѡ́вныи 125 об.; ѡ̆смѡ́и вѣкъ 256, сѫхо́и им. п. 221 об., трете́и 193; ѿрекїисѧ 30 об., и̇ски́и 22 об., живы́и прич. 146 об., сы́и 36, ѡ̆же|ни́выисѧ 18; кїиждѡ 31 об., котѡ́рыи 112, сицевы́и 153 об., котѡ́рои 70 об. bis, то́и 105, 112, мѡ́и 4 об., твѡ́и 322.

4) В дат. и местн. пад. ед. ч. ж. рода имен прилаг. и причастий: дх҃овнѣи 316 об., вост҃ѣи 236, на землѣ до̀брѣи 174 об., о̀горде́и то̂и и̓страшне́и годинѣ 123, о̀со|бо̂рнѡи 131 об., вовсѧ́кои вещи̓ 42, ѡ̓еди́нои 130, ѡ̓не́и 232 об., о̀не́иже 16, вне́п 272 об.

5) В 2 л. повел. накл.: пе́и 164 об., разбе́и 191 об., проле́и ib., и̓мѣи 35 об., прѡда́и 9, повѣда́и 246 об., ѡ̓жида́и 268 об., бо̂исѧ 197 об. (здесь же приведем примеры на множ. число, хотя их и следовало бы поместить среди случаев средины слова: п҇сите 68 об., подвиза́ит҇е 12, непричта́ите 183 об., бѣгаите 8, ра́дȣитесѧ 100.

6) В частице *деи*: и̓ст҃іи деи ѿцы солга́ли 254.

Наоборот, в том случае, где следует предположить слоговой характер буквы *и,* над нею обычно стоит значок ̀. Перечислим все категории, где встречается такая буква *и:*

1) В им. пад. ед. ч. слова *молніи:* мо́лъніѝ 112 об., 114, 115, мо́лніѝ 307.

2) В род., дат. и местн. пад. ед. ч. имен сущ. ж. р.: бли҇зъ кѣліѝ 18 об., ѿбра́тіѝ 149; кбра́тіѝ 17 об. (183 об.); вкиновіѝ 172, вкѣліѝ 18, вбра́тіѝ 42.

3) В местн. пад. ед. ч. имен сущ. м. и ср. родов (срвн. пп. 1 и 2 предыдущих категорий): пѡко̂ѝ 130; раѝ 6; прино̂ѝ 253, 278; а̓нто̂ніѝ 218 об., се́ргіѝ 219 об., а̓рсе́піѝ 166 об.; покр҇ще́піѝ 6 об., о̀плѣ|не́ніѝ 313, въоу̓строе́ніѝ 28, бдѣніѝ 39, позва́ніѝ 14 об., в̓вели́чіѝ 7, о̀страннолю́біѝ 12 об., нараспоу̓тіѝ 138 об.

4) В твор. пад. мн. ч. имен сущ. м. и ср. родов и нечленных имен прилагат. тех же родов (сделайте то же сравнение): ѡ̓бы́|чаѝ 237, разбо̂ѝ 252, пѣніѝ 25, о̀|бѣща́ніѝ 27; со̀а|н҇глы б҃жіѝ 75 об.

5) В им. пад. мн. ч. имен сущ. муж. р.: і̓юдѣѝ 43.

6) В им. пад. дв. ч. и им.-вин. пад. мн. ч. имен прилагат., причастий и местоимений муж. рода: оу̓мніѝ о̀чи 75 об.; блȣдніѝ 199, страстни́ѝ 130, диві́ѝ 178 об., блази́ѝ 26, древни́ѝ 72, вѣчніѝ 23-2 об., ни́щіѝ 6 об., црко́вніѝ 6, бг҃а́тіѝ 24 об., оу̓бо̂ѕіѝ 118, про̂чіѝ 109 об., до̂бріѝ 117, мно̂зіѝ 208, о̀бщіѝ трȣдѝ 248 (срвн. на той же странице: о̀бщіи | бг҃ъ), оу̓кроу̓|хи хлѣбныѝ 191; нося́щеѝ 71, пребыва́ю|щеѝ 9 об., толъкоу̓|щіѝ 127, нео̀скве́рньшіѝ 120, пасо̂|міѝ 243, о̀бремене́ніѝ 17 об., возлю|бленіѝ 197, прѡклѧ́тіѝ 123; си́ѝ 104 об., сі́ѝ 248 об., нѣцыѝ 104 об., ѡ̓|віѝ 146. Если к этим формам присоединяется частица

же, а к причастиям *ся*, то обозначение слогового характера буквы *и* через значок ` сохраняется: и̂ні́иже 24, трꙋжа́ющейсѧ 17 об., оўкла|нѧющейсѧ 19, совле́кшейсѧ 31; редко в этих случаях эта особенность передается через значок ', как внутри слов: непока́ѧвшийсѧ 117 об.[1]

Характерным противоречием нашему положению являются членные формы причастия наст. вр. действ. залога муж. рода, произносимые ныне при чтении церковных книг на славянском языке с неслоговым i̯ (j): прѡсѧ́и̂ 12, приходѧ́и̂ 255 об., и̂ща́и̂ 12, ропща́и̂ 20; настѡѧ́и̂ 247; и̂стазаѧ́и̂ 142 об., прѡстира́ѧи̂ 291, слоу́шаѧи̂ 19, рабо̂таѧи̂ 42 об., и̂мѣ́ѧи̂ 13, ми́лꙋѧи̂ ib., вѣ́рꙋѧи̂ 37 об.

Само собою разумеется, возможен пропуск ` над слоговым *и*, напр.: ѿкѣ́лїи 189 об., ккѣ́лїи 157, вкѣ́лїи 157 об., вкинові́и 169 об.; о̂причѧще́нїи 24 об., о̂смире́нїи 72, вра|схище́нїи 137, въблго̄творе́нїи 75, о̂ра̊ли́чїи 327 об.; лꙋка́выми начина́нїи 76; си́лнїи 118, бе̂стоу́днїи 154 об., безоу́мнїи 208, с҃тїи 134, пе́кшеисѧ 124, во|злюбле́ннїи 279, такові́и 130, и̂нї́и 44 об. (срвн. и̂ни́и̂ ib.); хотѧ́и 262 об., даѧ́и 13, потрѧса́ѧи 287; но этот пропуск отнюдь не доказывает, что здесь буква *и* равна неслоговому гласному точно так же, как случай мир́стїи 228 об. не говорит о наконечном ударении, а лишь о пропуске знака ударения над слогом стї.

Употребление значка ˘. Кроме значка ', встречается похожий на него значок ˘; отличается он от первого тем, что представляет дугу в лежачем положении и тщательнее написанную, с нажимом пера в концах ее, и пишется не над одною гласною, а в промежутке между двух; кроме того, должно отметить, что

---

[1] Подобная орфография наблюдается в Евангелии 1616 г. (в Евю), но с тою разницею, что *и*, равное неслоговому звуку, обозначается через *й*. Напр.: в'проще́нїи` 30, ви́сѧчїи` 59, своéи` р. п. 26, длѧ надѣ̀и 38, но: скóрѣй и̂ бы́стрѣй 75 об., пóкой 109, поправой рꙋцѣ́ моей 81, нанóвый 72, гóстей 27 об. Форм в роде просѧ́и` в этом памятнике нет. В малорусских рукописях Толст. I, № 145 и № 157, писанных одною рукою *и* слоговое отмечается через ї̀ в отличие от *и* неслогового (*й*), напр.: прóчїй 11 об., частый II 351-$_2$, о̆погꙋбле́нїй 147, насви́нїй м. п. 128, ѡ̂питїй 54, рꙋчнóй р. п. 228, царéй 46, воробéй II 232, вѣ̀дый 91 об., в' Дꙋ́най 99; бра́тъ рóдный II 333, ѿзвѣ́рїй 41, на Лы́сой горѣ̀ II 144 об., глꙋбей 396 об. Что касается Псалтыри F. I, № 7, то в ней употребление значка подобно употреблению этого значка в Сборнике; однако детального рассмотрения употребления этого значка нами, к сожалению, не сделано.

в большинстве случаев он встречается в конце слов и тогда, когда слово оканчивается на *три* гласные буквы. Отметим категории, в которых он встречается:

1) В род., дат., твор. и местн. пад. ед. ч. и род.-местн. пад. дв. ч. женского рода местоимений: моеѧ си́лы 128, твѡеѧ 4 об., ѿрꙋки́ тво|еѧ 245 об., твоеа 101, и҆скѣлїа свѡеѧ 18, свѡеѧ 20, 115 об., 138 об., ѿкѣлїи своеѧ 189 об., еѧ 45, 106;[1] ѿмоей хоу́дости 320 об.; дш҃и моей д. п. 4 об., ктвѡей кѣлїи 20, помолбѣ твѡей 32 об., ей 27 об., нѣкоей 143 об.; твѡею 34 об., свѡею вблею 192 об., свѡею бл҃годатїю 19 об., свѡею злобою 282, винбю нѣкоею 50; натрапезѣ моей 9 об., влюбви́ моей 13 об.; но́гꙋ | моею 295, надѣле роу́кꙋ свѡею 47, свѡею роу́кꙋ 75 об., и в других местах.[2]

2) В твор. пад. им. сущ. и прилагат. женск. рода, если они оканчиваются на *-ѣею* или *-іею:* збра́тїею 34 об., збра́|тьею 20, рꙋкою бж҃їею 102, бж҃їею 317 об. и др.

3) В им. пад. ед. ч. м. р. членных причастий наст. врем.: и҆спыта́ѧй 142 об., ѿвѣща́ѧй 262 об., дѣла́ѧй 185 об., слоу́шаѧй 243 об., смꙋща́|ѧй 246 об., а҆противлѧайсѧ 19, оу́пива́ѧйсѧ 207 об., ѿметаѧйсѧ 243 об., и҆мѣѧй 108 об. (107 об.) и др.; в этой форме, как мы видели выше, обычен над *и* и значок ̀; никогда не бывает значка ˘, когда форма оканчивается только на две гласные, т. е. в роде хотѧи.

4) В собственном имени и҆са́йѧ 260, и҆са́йю в. п. 280 об.

5) В суффиксе сравн. степени *-ѣи-:* ста́рѣйшимъ 132 об., ста́|рѣйшимъ ib., радостнѣйши 248, ѡка́ѧннѣйши 129. Часто без значка: ѕѣлнѣи|ши 273 об., ноу́жнѣиши 320 об., бога́тѣиши 35 об., покори́вѣишꙋ 47 об., лѣни́веищи 216 об. Один раз ̓: ста́рейший 223 (само собою разумеется, нельзя принимать в рассчет: о҆стрѣ|йше 305 об., ѿхꙋдѣ|йши 286 и грѣшне|иши 206. В суффиксе *-аи-* значки ˘ и ̓ не встречаются: мнѡжа́йшаѧ 22 об., мно|жа́йшею 8 об., далеча́йши 293 об., высоча́йши 134, крѣпча́йши 14 об. (не в счет: глꙋбоча́|йши 251).

6) И, наконец, однажды в слове: хода́тайствено 213, при чем значок ˘ стоит как будто между *и* и *с*.

---

[1] Другие написания встречаются редко: свѡеѧ́же 227.

[2] В случае болши̓ сеѧ̆ любве 108 об. имеется правка значка ударения ́ на ̀, или наоборот, а не ˘.

Приложение № 5.

О ВОЗМОЖНОМ ЗАНОСЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ КАМОРЫ НАД НАПРЯЖЕННЫМ о̑ С ЮГА СЛАВЯНСТВА.

Почерк Сборника, обнимающий листы с 50 по 69 и с 77 по 99 об., отличается от почерка, данные которого введены в исследование: 1) большо̀ю непоследовательностью в отношении к русскому языку в расстановке знаков ударения (нередко, напр., значок стоит на предыдущем слоге: невло́жить 50, присѣ́дать 50 об., ѿте́бе 50-2, пали́це ib., ѿне́го 51, ви́на р. п. 51, зази́раи 57, ре́щи 62, цѣ́луи 65 об. и т. п.; обратно: наземлю̀ 50-2, ѡ̓бла́сть 80 об.); 2) употребление значка ̀ на последней гласной после гласной также очень непоследовательно: воспрещаѝ 56 об., послѣднюю̀ 56 об., мыслеѝ 66 об., помыслъ твоѝ 84 об., мно|жаѐ 93 об.; 3) из южнославянских особенностей очень часто *-ръ-, -лъ-*, при чем обычно на них стоит знак ´: потръ́гнеть 50, неоу̓тлъ́стѣе̑ 51, содръ́жати 58 об., оу̓мръ́щвае̑ 63, тръ́пѧща 96 об. и мн. др.; срвн. еще *ъ* на конце слова: ме́леть 50, *ѣ* вм. ꙗ: себо во̑лѣ е̑ есть 86б об.; идавшомоу 85; оухыщрѧа́ше 98 об.; 4) *ѣ* и *е* очень часто употребляются один вместо другого: кнекое̓моу 55 об., ѡ̓слабеѝ 84 об., сѣденїе 57, нелени́мсѧ 52-2, со́вести 79 об. и др.; вѣ̆щи 62 (часто в этом слове), ѝскрѣ|ннїи 83, вноутрѣнее̓ 80, полѣно 81 об., забвѣнїю 98, рѣко̑ 94 об.[1] В связи с общей неискусностью письма находится и употребление каморы ̑, в котором несмотря на небольшой объем материала замечено 12 исключений: в̓по́лзꙋ 50, во́лю 90, бесо́въ 95 об., лико́ве 66 об. bis,реко́ша 51, оу̓гото́вилъ 52 об., смиренослóвити 89, обратно: тво̑рѧ 50 об., ѡ̓̑чи тво̑и 52, то̑ни 51, прїатно̑ 78 об.

Приведем все случаи правильного употребления каморы: во̑лѧ 52 об. (см. еще 78 об., 86б об., 89 об., 90 bis, 98), поко̑и 57 bis, 90, покро̑въ 78, бесо̑ве 96, вино̑ю 50, зжено̑ю 51, соста́ришино̑ю 51 (где сохранилась память о древнем ударении *ста́-*), мно̑ги 78 об. (см. еще 50, 50-2 об., 51 об., 88, 93, 95, 96), мно̑жае̑ 81, до̑брое 50-2 (см. еще 88 об., 91), гото̑въ 87 об., оу̓бо̑гъ 88, ѡ̓со̑бь 96 об., вино̑вни 80, не^до^сто̑и̓нъ 98, бесо̑|вскаа 64 об., бо̑лѣ 50-2, в̓перво̑е 50, зло̑е 50-2, второ̑е 59, добро̑

[1] Следующие описки отражают диалектические особенности писца: свѣтлїишїи 55 (92), ста́ришино̑ю 51, пе́рвїе 78 об.; крычанїа 83 об.

или злȏ 50 об., добрȏ 90 об., 91, зѣлȏ 64, 67, 86 б об., 89 об., 90 об., ѿлȣкавагȏ 52 об., ѿнегȏ 90, стобȏю 50 об., 51 об., мнȏю 83, грѡ̑ твои 50 об., ничтȏже 50 об. (но: чтó 95, 98, а также: почтȏ 90, 93); мȏжеши 50-2 об. (96), восхȏщеши 54, прȏси|ши 51 об., нȏсить 62 (50 об., 51), помȏлитсѧ 50 об., ѿхȏдить 50-2, вхȏдѧть 50-2 об., оу̑мнȏжатсѧ 57, неоу̑готȏви 94 об., оу̑готȏва 93; кроме того: любȏвїю 66; срвн. отсутствие каморы в случаях: нóзѣ 55, мóрю 78 об., коо у̑стóмъ 68, скбро 51 об., въскóрѣ 95, пóмощь 96, впóмыслѣ 79, пóбѕ̑ѣ 91 об.

Кроме вышеприведенных случаев, камора употреблена над односложными словами: и̑мнѣ̑ 89 об., сȇ 87 об., мнѣ̑ 95 об., срвн. еще злыѧ̑ 50-2 об.

Нам известен еще памятник половины XVI в. (F. I 147 а), в котором при сильном влиянии южнославянской графики (часто *ръ*, на конце *ъ* вм. *ь*) замечается рядом с непоследовательностью в обозначении ударения (прóси п. н. 25, поклȍнюсѧ 25 об., вѡ̑лы 26, твóимъ 26, дръжав̾нȍ е̏сть 27) замечается непоследовательность в употреблении каморы, хотя трудно отрицать, что каморою обозначалось также и напряженное *о* (см., напр., на листе 25: вȏдъ, е̏гȏже, мȏи, но: нȏщь, гȏроу). Мы прочли из него три листа (25—27) и заметили порядочно уклонений: вóлѧ им. п. ед. ч., помȏ|щь, пȏнѡѕѣ, слȏвеса, мȏима, приклȏни п. н., врáзи мȏи. Кроме односложных слов и над *о*, камора встречается и в других случаях: ѱа̑лóмъ, стлȇпотвóренїе, покры̑ешп, кн̑ѧѕи, глáвоу̑, роука̑, словеса̑.

В виду того, что можно проследить обозначение каморой напряженного *о* в памятниках, графика коих находится под сильным южнославянским влиянием, мы склонны думать, что этот прием письма занесен к нам с юга славянства; но, как нашедший почву в русском произношении, он стал применяться и в памятниках, письмо коих освободилось от многих южнославянских, излишних для русского языка, приемов (напр. хотя бы от постановки после плавных глухих на месте русских гласный + плавный), и этот прием нашел применение для чисто русских слов (стѡ̑рожȣ и ворȏтцȇ Сборн.).

Очень жалеем, что нам не удалось, за недостатком времени, поискать постановки каморы над *о* среди южнославянских памятников, в которых по нашим догадкам (мы видели печатную серб-

скую книгу, в которой камора стояла над *о*) такая постановка должна встретиться.

Приложение № 6.

ОБРАЗЕЦ ГОВОРА СЕЛА НОВОСЁЛКИ РЯЗАНСКОГО УЕЗДА И ГУБЕРНИИ.

(Запись сделана Ф. М. Тоньшиным; особенности женского говора приведены в выносках.)

Мужы̀к взду̂мал е̂хать ры̀бу ловѝть и стал сыбира̀ть са̀ни: привяза̀л г гря̀дтки ужы̀шьшю, пылажы̀л тапо̀р, а жана̀ вы̀нисла из ызбы̀ вату́лу и во̂спишьшю, пылажы̀ла ф са̀ни и апѐть ушла̀ в ы̀збу, пытаму̀ што[1] ѝстапель была ф по̀лнам разга̀ри. Мужы̀к шумну̀л, што[1] бы ба̀ба зытварѝла вырата̀, а сам хлы̀снул ло̀шать и пае̂хал. Кады̀[2] прие̂хал он к о̀зиру, была̀ ишта̀[3] ра̀нния у̂тра; мужы̀к снял ку̀ртачкю и стал прыруба̀ть кану̀рку. Он рабо̂тал так усѐрдна, што[1] фся руба̀шка яво̀[4] была ат по̀та мо̂край. Нылавѝл мужы̀к ры̀бы мно̂га, пылажѝл гӣё̀[5] ф са̀ни на во̂сьпишьшю, накры̀л вату̀лай, увяза̀л и тро̀нулси дамо̂й: сам ѝдить[6] напирё̂т[7] и тя̀нить[8] за по̀ват ло̀шать, а ана̀ ташы̀тца зза̀ди яво̀.[4] Лисѝца учю̀ила в вазу̀ дабы̀чю и паду̂мыла: «дай, я ля̀жу ны даре̂ги и притварю̀сь мё̀ртвай,[9] а кады̀[2] минѐ мужы̀к пало̀жыть на̀ вас, я пае̂м ры̀бу и убягу̀». Мужы̀к увѝдял лисѝцу ны даро̂ги и сказа̀л: «во̂т дабро̂-та, како̀й харо̂шай выратнѝк маѐй ба̀би к шу̀би пристро̂ю». По̀днял он лисѝцу, страхну̀л сне̂х ш шѐрсти, пылажы̀л гӣё̀[5] в гылавя̀шки, а сам апѐть пашо̀л напирё̀т;[7] он дабре̂ ра̀далси сваѐй нахо̂тки и харо̂шаму ло̂ву, што[1] зыгра̀л пе̂сни. Так он дае̂хал до̀ даму. Ба̀ба яво̀[4] вы̀шла встре̂нуть му̀жа и атварѝла вырата̀.—«Ну, ба̀ба, угашшя̀й минѐ чайкё̀м и во̂дачкей: я табе̂ мно̂га дабра̀ вязу̀; пысматрѝ-ка, како̀й выратнѝк, во̀н пы вазу́», сказа̀л мужы̀к сваѐй жане̂. Ба̀ба пысматре̂ла и зыварчя̀ла: «ах ты, насме̂шник, што[1] ты лапо̂чиш, никако̂ва[10] тут выратника не̂т, ды ты и ры̀бы-та ни нылавѝл, а ишта̀[11] чайкю̀ про̂сиш, табе̂ и гисть дава̀ть не̂ за шта».[12] —

---

1 шьшѐ. 2 калѝ. 3 ишьтя̀. 4 яго̀. 5 иѐ. 6 ѝдя. 7 напирѐт. 8 тя̀ня. 9 мѐртвай. 10 никако̂га. 11 ишьшя̀. 12 но̀ за шьшя.

«Што[1] ты, ду̀рычкя, вы̀трискала глаза̀-та, сматрѝ пыд вату̀лай в гылавя̀шках». Так анѝ гута̀рили, и мужы̀к атпряга̀л ло̀шать, а кады̀[2] он стал разбира̀ть са̀ни, то и сам удивѝлси, што[1] ф саня̀х нѐ была ни лиси̇цы, ни ры̀бы.

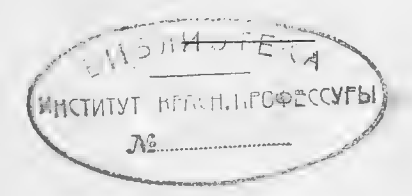
во̀спище — полотно, заменяющее брезент.

вату̀ла — одеяло ручной работы, изготовляемое из остатков льна и тряпок.

и̇стопель — время утренней стряпни.

кану̀рка — маленькая прорубь.

головя̀шки — передняя часть саней.

[1] шьшѐ. [2] кали̇.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Цена 3 руб.

